

ISSN 2587-9510 (print)
ISSN 2782-4632 (online)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

№ 4(51) 2023

- Лингвистика
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

№ 4(51) 2023

- Linguistics
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-70532 от 25.07.2017.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал выходит четыре раза в год.

Подписной индекс в «Каталоге периодических изданий. Газеты и журналы» ГК «Урал Пресс» - 34121. Физические лица могут оформить подписку в интернет-магазине «Деловая пресса» <http://www.ural-press.ru/dlya-fizicheskikh-lits/>.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – С.А. Скуридина, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Н.Б. Бугакова, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Е.А. Акелькина – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.Р. Аминев** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Л.Н. Верховых** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Великий Новгород, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.М. Кольцова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **С.М. Махмудова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Р.О. Муталов** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.С. Обухова** – доктор филологии – Скопье, Северная Македония; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **Р.Б. Унарокова** – доктор филологических наук – Майкоп, Россия; **Е.А. Шаронова** – доктор филологических наук – Саранск, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия; **Г.Н. Ягафарова** – доктор филологических наук – Уфа, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal «Actual Issues of Modern Philology and Journalism» is included into the list of leading scientific publications which publishes the results of thesis for the degree of doctor of science and PhD.

Subscription index in the «Catalog of periodicals. Newspapers and magazines» of the «Ural Press» Group of Companies – 34121.

Individuals can subscribe to it in the online store «Business Press» <http://www.ural-press.ru/dlya-fizicheskikh-lits/>.

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology

Deputy chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology
N.B. Bugakova, PhD in philology

Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

E.A. Akelkina – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Eletsk, Russia; **L.N. Verkhovyykh** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **A.E. Ereemeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Velikiy Novgorod, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.M. Koltsova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **E.O. Kuzminykh** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **D. Lesnevska** – PhD – Sophia, Bulgaria; **S.M. Makhmudova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **R.O. Mutalov** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.S. Obukhova** – doctor of philology – Skopje, Northern Macedonia; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **Yu.S. Popova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongolia; **R.B. Unarokova** – doctor of philology – Maykop, Russia; **E.A. Sharonova** – doctor of philology – Saransk, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia; **G.N. Yagafarova** – doctor of philology – Ufa, Russia.

Cover design – M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Address of the founder and publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Скуридина С.А.</i> Вступительное слово главного редактора.....	6
Лингвистика	
<i>Саенко М.И.</i> Междискурсивное взаимодействие в текстовом пространстве колыбельной (на материале фольклорных и авторских колыбельных песен).....	7
<i>Недоступова Л.В.</i> Особенности речевого портрета диалектоносителя Таловского района Воронежской области как отражение деревенской действительности.....	15
<i>Козлова Л.Н.</i> Гендерная лексика как средство характеристики женских персонажей (на примере романа Л. Улицкой «Лестница Якова» и его переводной немецкоязычной версии).....	22
Аспекты изучения художественного текста	
<i>Кувшинов Ф.В.</i> Н.А. Заболоцкий и Н.М. Олейников в кругу обэриутов/ чинарей.....	31
<i>Иванова И.Н., Серебряков А.А.</i> Слово в художественно-философской системе Виктора Пелевина.....	36
<i>Олейникова О.Н.</i> Иноязычные вкрапления в статьях и эссе М.И. Цветаевой.....	43
<i>Воронова Т.А.</i> Устаревшая лексика русского языка в романе И.В. Головкиной «Лебединая песнь».....	48
<i>Ковалева Л.В.</i> Женские образы в романе И.С. Шмелева «Лето Господне».....	53
<i>Устинова Н.Н.</i> Библионимы в творчестве Виталия Бианки.....	56
Лингвокультурология	
<i>Белявцева И.В.</i> Зооморфные наименования единиц подвижного состава в железнодорожном жаргоне немецкого языка.....	61
<i>Абдель Вахед Э.А.М., Абдель Вахед А.Э.</i> Изображение элементов культуры Древнего Египта в кинематографе.....	67
<i>Попова Е.А.</i> Региональные агнионимы в ономастическом пространстве провинциального (Липецкого) текста и проблема формирования медийно-информационной грамотности обучающихся.....	74
Межкультурная коммуникация	
<i>Цуканова Е.М., Гаврилова П.П.</i> Преодоление межкультурного барьера в условиях культурной независимости (на материале перевода диалектизмов).....	81
<i>Уланова Е.Э.</i> Исследование прагматического уровня языковой личности устного переводчика.....	87
<i>Королева И.А.</i> А.Т. Твардовский в воспоминаниях современников (Загорье М. Томпсон и эпистолярный дискурс А.В. Македонова).....	96
<i>Чечетка В.И.</i> Чтение на иностранном языке как важнейший фактор улучшения понимания профессиональных текстов.....	103
Журналистика в историко- теоретическом аспекте	
<i>Боева Я.К.</i> Современные болгарские СМИ: спортивная тематика как инструмент мягкой силы.....	111
<i>Бахтина М.А.</i> Современные тенденции в работе региональных российских интернет-СМИ.....	119
Язык СМИ	
<i>Болдина К.А., Константинова В.С.</i> Специфика контента русскоязычных новостных Telegram-каналов (на примере каналов «BBC NEWS РУССКАЯ СЛУЖБА» и «ОСТОРОЖНО, НОВОСТИ»).....	125
События, обзоры, рецензии	
<i>Кондратьев А.С., Хотакко В.А.</i> Итоги Всероссийской научной конференции «"ВОЙНА И МИР" Л.Н. ТОЛСТОГО В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ И "БОЛЬШОГО ВРЕМЕНИ" РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ» (Липецк, ЛГПУ имени П.П. Семенова–Тян-Шанского).....	136
<i>Попов С.А.</i> «Ономастика Поволжья»: итоги XXI Международной научной конференции.....	139
Правила оформления статей	141

CONTENTS

<i>Skuridina S.A.</i> Opening remarks of the chief editor	6
Linguistics	
<i>Saenko M.I.</i> Discursive interaction in the lullaby text (based on folk and authorial lullabies).....	7
<i>Nedostupova L.V.</i> Features of the speech portrait of a dialect speaker of the Talovsky district of the Voronezh region as a reflection of village reality.....	15
<i>Kozlova L.N.</i> Gender vocabulary as a means of female characters' description (on L. Ulitskaya's novel «Jakob's ladder» and its translated German version).....	22
Literary text: aspects of study	
<i>Kuvshinov F.V.</i> N.A. Zabolotsky AND N.M. Oleynikov in the circle of oberiuts/ chinarys.....	31
<i>Ivanova I.N., Serebriakov A.A.</i> The world in the artistic and philosophical system of Victor Pelevin.....	36
<i>Oleynikova O.N.</i> Foreign language inclusions in articles and essays by M.I. Tsvetaeva.....	43
<i>Voronova T.A.</i> Old-fashion Russian lexicon in the novel «The last song» by I.V. Golovkina.....	48
<i>Kovaleva L.V.</i> Female images in the novel «The year of the Lord» by I.S. Shmelev.....	53
<i>Ustinova N.N.</i> Biblionyms in the works of Vitaly Bianchi.....	56
Language and culture studies	
<i>Belyavtseva I.V.</i> Zoomorphic names of rolling stock units in the railway jargon of the German language.....	61
<i>Abdel Wahed E.A.M., Abdel Wahed A.E.</i> The image of the elements of the culture of Ancient Egypt in cinema.....	67
<i>Popova E.A.</i> Regional hagionyms in the onomastic space of the provincial (Lipetsk) text and the problem of formation of media and information literacy of students.....	74
Intercultural communication	
<i>Tsukanova E.M., Gavrilova P.P.</i> Overcoming intercultural barrier in conditions of cultural independence (based on the material of the translation of dialectisms).....	81
<i>Ulanova E.E.</i> A study of the pragmatic level of interpreter's linguistic personality.....	87
<i>Koroleva I.A.</i> A.T. Tvardovsky in the memoirs of the contemporaries (Zagorie M. Tompson epistolary discourse of A.V. Makedonov).....	96
<i>Chechetka V.I.</i> Reading in a foreign language as the most important factor in improving the understanding of professional texts.....	103
Journalism in historical and theoretical aspect	
<i>Boeva Ya.K.</i> The role of sports topics in the Russian and Bulgarian media as a tool of soft power.....	111
<i>Bahtina M.A.</i> Modern trends in the work of regional online-media in Russia.....	119
Language of mass media	
<i>Boldina K.A., Konstantinova V.S.</i> The specifics of the content of Russian-language Telegram news channels (using the example of «BBC NEWS RUSSIAN SERVICE» and «CAREFUL, NEWS»).....	125
Events and reviews	
<i>Kondratiev A.S., Hotakko V.A.</i> Results of the all-Russian scientific conference «"WAR AND PEACE" BY L.N. TOLSTOY IN THE CONTEXT OF SPIRITUAL TRADITION AND THE "BIG TIME" OF RUSSIAN CULTURE» (Lipetsk, LSPU named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky).....	136
<i>Popov S.A.</i> «Onomastics of the Volga Region»: results of the XXI International Scientific Conference.....	139
Layout of the articles	141

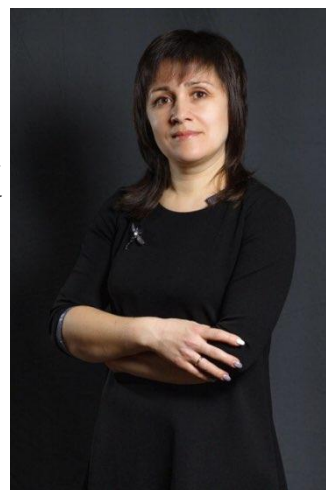
Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей сорок девятый выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Лингвистика», II – «Аспекты изучения художественного текста», III – «Лингвокультурология», IV – «Межкультурная коммуникация», V – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VI – «Язык СМИ», VII – «События, обзоры, рецензии».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 21 научная работа. Раздел «Лингвистика» включает статьи, выявляющие особенности междискурсивного взаимодействия в текстовом пространстве колыбельной (М.И. Саенко), специфику речевого портрета диалектоносителя Таловского района Воронежской области (Л.В. Недоступова), анализирующие гендерную лексику как средство характеристики женских персонажей в произведениях Л. Улицкой (Л.Н. Козлова). Раздел «Аспекты изучения художественного текста» содержит статьи, представляющие Н.А. Заболоцкого и Н.М. Олейникова в кругу обэриутов/ чинарей (Ф.В. Кувшинов), слово в художественно-философской системе Виктора Пелевина (И.Н. Иванова, А.А. Серебряков), исследующие иноязычные вкрапления в статьях и эссе М.И. Цветаевой (О.Н. Олейникова), устаревшую лексику русского языка в романе И.В. Головкиной «Лебединая песнь» (Т.А. Воронова), женские образы в романе И.С. Шмелева «Лето Господне» (Л.В. Ковалева), библониимы в творчестве Виталия Бианки (Н.Н. Устинова). Раздел «Лингвокультурология» содержит работы, которые анализируют зооморфные наименования единиц подвижного состава в железнодорожном жаргоне немецкого языка (И.В. Белявцева), региональные агнионимы в ономастическом пространстве провинциального (Липецкого) текста и проблема формирования медийно-информационной грамотности обучающихся (Е.А. Попова) и особенности изображения элементов культуры Древнего Египта в кинематографе (Э.А.М. Абдель Вахед, А.Э. Абдель Вахед). В разделе «Межкультурная коммуникация» анализируются способы преодоления межкультурного барьера в условиях культурной независимости (Е.М. Цуканова, П.П. Гаврилова), представлено исследование прагматического уровня языковой личности устного переводчика (Е.Э. Уланова), рассматривается личность А.Т. Твардовского в воспоминаниях современников (И.А. Королева), выявляются особенности чтения на иностранном языке как важнейшего фактора улучшения понимания профессиональных текстов (В.И. Чететка). В разделе «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» рассматривается спортивная тематика СМИ как инструмент мягкой силы (Я.К. Боева) и современные тенденции в работе региональных российских интернет-СМИ (М.А. Бахтина). Раздел «Язык СМИ» рассказывает о специфике контента русскоязычных новостных Telegram-каналов (на примере каналов «BBC NEWS | РУССКАЯ СЛУЖБА» и «ОСТОРОЖНО, НОВОСТИ») (К.А. Болдина, В.С. Константинова). В разделе «События, обзоры, рецензии» подводятся итоги Всероссийской научной конференции «“Война и мир” Л.Н. Толстого в контексте духовной традиции и “большого времени” русской культуры» (А.С. Кондратьев, В.А. Хотакко) и «Ономастика Поволжья» (С.А. Попов).

Содержащиеся в выпуске 4 (51) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, концептологии, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ. Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук

С.А. Скуридина

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 81.42

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.55.37.001

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 17» г. Белгорода*

соискатель кафедры русского языка и русской литературы историко-филологического факультета, учитель русского языка и литературы

Саенко М.И.

Россия, г. Белгород

тел. +79192827741

e-mail: marina.saenko.95@mail.ru

Belgorod National Research University, Secondary school № 17 of Belgorod

candidate for a degree, Department of Russian Language and Russian Literature, Faculty of History and Philology,

teacher of Russian language and Literature

Saenko M.I.

Russia, Belgorod,

tel. +79192827741

e-mail: marina.saenko.95@mail.ru

М.И. Саенко

МЕЖДИСКУРСИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ КОЛЫБЕЛЬНОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ И АВТОРСКИХ КОЛЫБЕЛЬНЫХ ПЕСЕН)

Колыбельная песня уникальна с точки зрения генезиса, условий бытования и результатов интертекстуальной жанровой модификации. Архетипичная композиция и концептуальное содержание фольклорной материнской песни вступает в междискурсивное взаимодействие с индивидуально-авторским мировосприятием, в результате чего создаются литературные колыбельные и тексты-пародии. Подобные модификации, основанные на общности коммуникативных характеристик, когнитивной составляющей и жанровой специфики, возможны в рамках особой дискурсивной формации, названной в статье дискурсивной формацией колыбельной. Цель данной работы заключается в изучении фольклорных колыбельных песен и авторских стихотворений, наследующих черты традиционного жанра материнской пестовальной поэзии. Предметом исследования становятся коммуникативно-прагматические характеристики и концептуальное наполнение колыбельных текстов. Методика исследования включает элементы когнитивно-коммуникативного анализа, а также лингвокультурологический и стилистический анализ. Вопрос взаимодействия речевых моделей внутри дискурсивной формации колыбельной на современном этапе развития лингвистической науки актуален и практически значим, так как проблема междискурсивного диалога еще не достаточно изучена и требует более тщательного рассмотрения. Результатом работы является описание элементов внутритекстовой коммуникативной ситуации колыбельной (прагматики, коммуникативных стратегий, участников), анализ ее традиционных и индивидуально-авторских поэтических образов, идиостилевых маркеров. Отмечено, что прагматика народных колыбельных лишь частично сохранена в литературном тексте. Сакральная (магическая) функция традиционной материнской песни уже не актуализируется, при этом особое место в литературных колыбельных для детей занимает не воспитательная функция, а эстетическая. Анализ псевдоколыбельных показал возможности интертекстуального взаимодействия и обогащения жанровой структуры за счет включения социально-политического фона, расширения семантического поля традиционных концептов, создания авторских неологизмов и необычных рефренов. Результаты данного исследования могут быть применены для дальнейшего изучения проблемы междискурсивного взаимодействия в текстовом пространстве колыбельной.

Ключевые слова: колыбельная песня, фольклорный дискурс, дискурсивная формация, когнитивно-дискурсивный анализ, псевдоколыбельная, идиостиль.

M.I. Saenko

DISCURSIVE INTERACTION IN THE LULLABY TEXT (BASED ON FOLK AND AUTHORIAL LULLABIES)

The lullaby song is unique in terms of genesis, conditions of existence and the results of intertextual genre modification. The archetypal composition and conceptual content of the folk mother song enters into a discursive interaction with the individually-authored worldview, as a result of which literary lullabies and parody texts are created. Such modifications based on the commonality of communicative characteristics, cognitive component and genre specificity are possible within the framework of a special discursive formation, called the lullaby discursive formation. The purpose of this work is to study folklore lullabies and author's poems inheriting the features of the traditional genre of maternal poetry. The subject of the study is the communicative and pragmatic characteristics and conceptual content of lullaby texts. The research methodology includes elements of cognitive-communicative analysis, as well as linguistic-cultural and stylistic analysis. The question of the interaction of speech models within the discursive formation of a lullaby at the present stage of the development of linguistic science is relevant and practically significant, since the problem of discursive dialogue has not yet been sufficiently studied and requires more careful consideration. The result of the work is a description of the elements of the intra-textual communicative situation of the lullaby (pragmatics, communicative strategies, participants), an analysis of its traditional and individual author's poetic images, idiosyncrasy markers. It is noted that the pragmatics of folk lullabies is only partially preserved in the literary text. The sacred (magical) function of the traditional mother's song is no longer actualized, while a special place in literary lullabies for children is occupied not by an educational function, but by an aesthetic one. The analysis of pseudo-lullabies showed the possibilities of intertextual interaction and enrichment of the genre structure by including a socio-political background, expanding the semantic field of traditional concepts, creating author's neologisms and unusual refrains. The results of this study can be applied to further study the problem of idiosyncrasy interaction in the lullaby text.

Keywords: lullaby, folk discourse, discursive formation, cognitive-discursive analysis, pseudo-lullaby, idiosyncrasy.

Для современной науки, развивающейся в направлении когнитивно-коммуникативного подхода, особый интерес представляет единство текста и языковой действительности – дискурс. Согласно утверждению Н.Ф. Алефиренко, дискурс – это «субъективное речемыслительное отображение в нашем сознании картины мира» [1; с. 16]. В работе В.И. Карасика, посвященной проблеме речевых жанров, дискурс рассматривается как «текст, погруженный в ситуацию общения». В зависимости от функциональных параметров речевой ситуации исследователь выделяет персональный и институциональный типы дискурса: «в первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института» [2]. И институциональный, и персональный дискурсы проявляются, как пишет О.Г. Ревзина, через свои разновидности – когнитивно-дискурсивные формации, которые «образуются на пересечении коммуникативной и когнитивной составляющих дискурса», переплетаясь между собой и частично совпадая по коммуникативным и когнитивным признакам, по используемым жанрам [3; с. 67].

Особое место в ряду разновидностей дискурса занимает фольклорный дискурс, критерием выделения которого является, прежде всего, специфика коммуникативной ситуации, прагматических установок, а также особенности речевого и жанрового оформления народно-поэтических текстов [4; с. 116]. В работе Г.Г. Почепцова рассмотрены особенности знакового отражения реальной ситуации в фольклорном дискурсе [5], М.И. Голянич в своем труде выделяет функциональные стили народно-поэтической речи, описывает соотношение в фольклорном дискурсе таких категорий, как «объективное – субъективное», «эксплицитное – имплицитное», «игровое – серьезное», «взрослое – детское», «реальное – ирреальное» [6]. В исследовании Ю.А. Эмер представлена модель когнитивно-коммуникативного анализа фольклорного дискурса, позволяющая не только реконструировать отдельные фрагменты национальной картины мира, но и представить народно-поэтический текст как результат особой коллективной речевой деятельности, организованной в определенных исторических условиях, в рамках конкретной социокультурной ситуации [7; с. 50].

Вслед за Ю.А. Эмер мы понимаем фольклорный дискурс как «специфическое образование», реализующееся в ряде «устойчивых коммуникативных ситуаций, обслуживающих разные сферы человеческой деятельности» [7; с. 50]. Важной чертой фольклорного дискурса является передаваемое общее знание, способное формировать модели поведения социума и устанавливать для адресата и адресанта роли представителей конкретной гендерно, статусно или профессионально детерминированной группы. При этом коммуниканты, отмечает Ю.А. Эмер, выбирая тот или иной текст, «ориен-

тируются не только на условия речевой ситуации, но и на свое внутреннее состояние, стремясь передать испытываемые чувства и эмоции [7; с. 51]. Таким образом, ни к одной из классификаций, предложенных В.И. Карасиком, фольклорный дискурс отнести нельзя, он являет собой «сложное смешение персонального (и в бытовом, и бытийном виде) и институционального дискурсов» [8; с.60].

Настоящее исследование посвящено изучению русской колыбельной, как «ментальной модели речевой коммуникации» [9; с.11], отражающей «лингвокультурные, когнитивные, аксиологические, интертекстуальные, персонологические» [10], коллективные характеристики русского национального и индивидуально-авторского языкового сознания.

Согласно терминологии М.М. Бахтина, колыбельную песню можно отнести к вторичным жанрам «сложного культурного общения», в которых разыгрываются «различные формы первичного речевого общения»: *обращение* к ребенку, *диалог* с одним из персонажей колыбельной [11]. Во-первых, феномен колыбельной песни как жанра фольклорного дискурса заключается в том, что архетипическую структуру народно-поэтического текста дополняют индивидуально-авторские вариации исполнения: чередование мотивов колыбельной, изменение рефрена, выстраивание собственного ритма пения и качания. Во-вторых, архетипический строй народной колыбельной становится формой для выражения индивидуально-авторского замысла – создания литературной колыбельной. Широко известны такие стихотворения, как «Колыбельная песенка, которую поет Анюта, качая свою куклу» А.С. Шишкова (1783 г.), «Казачья колыбельная песня» М.Ю. Лермонтова (1838 г.), «Колыбельная песня» А.А. Блока (1904 г.) и др. В-третьих, литературная традиция на основе архетипических образов создает так называемые псевдоколыбельные, – это, например, «Колыбельная песня» Н.А. Некрасова (1845 г.) и рабочая «Колыбельная песня» О.Н. Чуминой (1962 г.). Подобные внутрижанровые интертекстуальные модификации позволяют говорить о существовании коммуникативной модели колыбельной песни в рамках особой дискурсивной формации, определяемой нами как дискурсивная формация колыбельной.

Продолжая размышления Безрукова А.Н. об образовании «текстовой мозаики, отражающей не столько целостность индивидуальной языковой системы, сколько дискурсивность «нового» авторского текста» [12; с.17], можно сделать вывод, что результатом подобного взаимодействия в рамках дискурсивной формации колыбельной становятся авторские стихотворения и пародии, основанные на копировании некоторых жанрообразующих признаков народной материнской песни, но транслирующие совершенно иные смыслы.

Таким образом, цель данной работы заключается в изучении колыбельной как особой самостоятельной дискурсивной формации, предоставляющей специфические позиции и роли участникам речевой ситуации, а также располагающей богатым информационным блоком, содержащимся в тексте.

Вопрос взаимодействия фольклорного и индивидуально-авторского жанров в рамках дискурсивной формации колыбельной песни кажется нам интересным и актуальным направлением лингвистического исследования, так как явление жанрового пересечения, текстопорождающие процессы пародирования и образование псевдоколыбельной впервые становятся центром притяжения научного внимания и нуждаются в тщательном рассмотрении.

Таким образом, объектом исследования являются тексты, созданные и существующие в рамках дискурсивной формации колыбельной: русские фольклорные колыбельные песни и стихотворные «варианты колыбельной» русских поэтов XIX-XX веков. Предметом исследования становятся коммуникативно-прагматические характеристики и концептуальное наполнение колыбельных текстов.

Колыбельная песня как дискурсивная формация

Коммуникативно-прагматические векторы, заложенные в тексте колыбельной песни и представленные определенной ритмико-композиционной моделью, позволяют говорить о колыбельной как об особой дискурсивной формации. В дискурсивной формации, вслед за авторами работы «Междискурсивный конфликт: лингвистические и прагматические аспекты» И.И. Чумак-Жунь и Д.А. Черемохиной, мы выделяем: 1) коммуникативные характеристики, 2) когнитивную составляющую, 3) жанровую специфику [13; с.15-34].

Коммуникативные характеристики колыбельной как дискурсивной формации связаны с изначально заложенными в жанре сакральными смыслами, вызванными традиционным восприятием материнства как таинства.

Основные коммуникативные характеристики колыбельной:

1. Прагматическая обусловленность – предполагает успокоительную, мировоззренческую, аксиологическую, воспитательную, эстетическую, сакрально-прогностическую функции [14].

2. Жанровые стратегии – стратегии успокоения, усыпления, воспитания, заговаривания.

3. Особые лингвостилистические ресурсы – в коммуникативной ситуации передачи информации от адресанта к адресату обязательно использование персуазивных средств.

Когнитивная составляющая представлена фольклорными и поэтическими концептами, базирующимися на архетипических образах, мировоззренческих и аксиологических установках национального сознания.

Жанровая специфика дискурсивной формации обусловлена особой ритмической и звуковой организацией, композицией, стилистическими особенностями текстов. Жанрами дискурсивной формации колыбельной песни являются фольклорные колыбельные песни, авторские тексты колыбельных, стихотворения-пародии.

Диалог фольклорной и литературной колыбельной

Литературная колыбельная песня, по словам В.В. Головина, – «один из наиболее продуктивных жанров в русской поэзии, восходящий к фольклорной традиции» [15; с. 276].

Установка авторского произведения на соответствие законам индивидуального творчества и эстетики обеспечивает жанру независимость от особенностей мировоззрения и традиции, которые лежат в основе фольклорной песни. Литературная колыбельная независима от реальной ситуации и не имеет строгой функциональной нагрузки. Между созданием и воспроизведением текста до непосредственного взаимодействия этого текста со слушателем может пройти любой по хронометражу отрезок времени. В то время как традиционная колыбельная в связи со строгими целями и задачами жанра вступает в контакт с адресатом во время создания и исполнения.

Такая «внутренняя свобода» и специфика литературного жанра позволяют нам, вслед за В.В. Головиным, сделать вывод о самодостаточности авторской колыбельной. Ее содержание: мотивы, образы, сюжеты, понятны и без специального обращения к архетипической древнеславянской традиции. Что нельзя сказать о народной колыбельной песне. Ее композиция порой представляет логически несвязанную цепь элементов, внутреннее единство которой помогает разгадать знание ритуально-обрядовой культуры (например, мотив убийства или заклания животного). Сравним фольклорную колыбельную и «Колыбельную» А.Н. Майкова (1860):

*«Пошел котик по лесок, –
Нашел котик поясок,
Ваня будет спать,
Котик Ваню качать,
А котик его качать,
Да, серенький, величать.
Пошел котик во торжок,
Купил себе пирожок.
Идет котик по лавочке,
Ведет кису за лапочку.
Ходят вместе они, –
А ты, маленький, усни»* [16; с. 11].
*«Спи, дитя мое, усни!
Сладкий сон к себе мани:*

*В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.
Улетел орел домой;
Солнце скрылось под водой;
Ветер, после трех ночей,
Мчит к матери своей.
Ветра спрашивает мать:
“Где изволил пропадать?
Али звезды воевал?
Али волны всё гонял?”
“Не гонял я волн морских,
Звезд не трогал золотых;
Я дитя оберегал,
Колыбелочку качал!”*» [17; с. 306].

Источником мотивного ряда для фольклорной колыбельной песни служит, во-первых, древняя ритуально-обрядовая система, во-вторых, сама ситуация убаюкивания, когда исполнитель самостоятельно в зависимости от состояния ребенка подбирает следующий мотив-сюжет. Композиция же стихотворения А.Н. Майкова отличается завершенностью и в сюжетном, и в формальном плане.

Традиционный мотив призыва успокоителя, положенный в основу художественного текста, разворачивается в цельную историю о трех героях: *ветре, солнце, орле*. Формулы *усни, спи, дитя мое*, а также такие слова, как *нянька, дитя, улетел, домой*, сближают стихотворение с традиционным жанром на лексическом уровне. Однако отметим, что центральный образ ветра, выступающий в авторском поэтическом сознании в роли успокоителя, в фольклорной системе не используется, так как, согласно мнению В.В. Головина, по традиционным представлениям ветер может «надуть» болезнь и

даже порчу. «Литературную колыбельную не следует рассматривать только в рамках фольклорно-этнографических смыслов. Образ ветра в поэтической традиции не имеет подобных негативных значений» [15; с. 289-290].

Ритмическая композиция стихотворения унаследовала традиционную фольклорную форму – 4-х стопный хорей с акцентом на четвертом слоге. Парная рифма (*усни-мани, домой-водой* и т.д.) еще больше сближает произведение с фольклорным прототипом, где в двух зарифмованных строках мог заключаться целый мотив-сюжет.

Доминанта языковых структур дискурсивной формации колыбельной песни – явление принципиально важное и очень интересное. Анализ языковых доминант поэтического текста позволяет не только проникнуть в глубь текстовых смыслов, но и отразить индивидуально-авторское видение, рассмотрев результат работы индивидуально-авторского лингвосознания.

Расширение традиционной образной системы экзотическими для русской колыбельной названиями животных (*лев, косуля*) представлено в «Колыбельной песне» В.Я. Брюсова (1919):

*«Спи, мой мальчик! Птицы спят;
Накормили львицы львят;
Прислонясь к дубам, заснули
В роще робкие косули;
Дремлют рыбы под водой;
Почивает сом седой.
Только волки, только совы
По ночам гулять готовы,
Рыщут, ищут, где украсть,*

*Разевают клюв и пасть.
Зажжена у нас лампадка.
Спи, мой мальчик, мирно, сладко.
Спи, как рыбы, птицы, львы,
Как жучки в кустах травы,
Как в берлогах, норах, гнездах
Звери, легишие на роздых...
Вой волков и крики сом,
Не тревожьте детских снов»*
[18; с. 427].

Окружающий ребенка мир природы в тексте реализован двумя лексическими группами: 1) безопасность, сон и 2) опасность, не сон. Представители добра, модель поведения которых следует копировать, – это спящие животные (*львята, рыбы, жучки*). Очевидно, что автор стихотворения заимствует традиционную воспитательную стратегию уподобления: «Он спит – и ты спи». Неспящие животные (*волки, совы*) – это представители «чужого» мира, воплощение зла и опасности. Ночные хищники навевают страх и тревогу: «*Только волки, только совы / По ночам гулять готовы, / Рыщут, ищут, где украсть, / Разевают клюв и пасть*».

В качестве символа веры и небесного покровительства выступает лампадка, которая поможет защититься от беды: «*Зажжена у нас лампадка. / Спи, мой мальчик, мирно, сладко*». На содержание авторских текстов оказывает влияние социальный и исторический контекст – советская цензура искажала предпоследнюю строку, убрав христианский мотив защиты: «*Ты не бойся, здесь кроватка, / Спи, мой мальчик, тихо, сладко*». В фольклорной колыбельной, благодаря конкретной утилитарно-бытовой функции, всегда подразумевается ситуация убаюкивания, которая в самом тексте не описывается. В литературной традиции иначе: актуализируется не стремление усыпить ребенка, а попытка воссоздать модель ситуации рождения и исполнения колыбельной. При этом процесс убаюкивания может быть восстановлен в самых разнообразных формах.

Псевдоколыбельные песни

Метаморфозы колыбельной песни, прежде всего, освобождают авторское творчество от функционально-семантической нагрузки, давая возможность проявиться идиостилю, замыслу индивидуального творчества. Беспрецедентное новаторство литературной традиции в рамках колыбельного жанра заключается в создании нового образа адресата текста, в расширении возможностей коммуникативной структуры текста. Если традиционная песня обращалась исключительно к ребенку, то авторская псевдоколыбельная может иметь в роли адресата взрослого человека.

Лирический герой стихотворения направляет поток мыслей другу, брату, сестре, возлюбленной и даже самому себе: «*Чадом жизни истомленный, / Тихо-тихо я пою, / Убаюкать песней сонной / Зыбку шаткую мою. / Спи, грозою опаленный, / Спи, от счастья спасенный, / Баю-баюшки-баю*» [19; с. 448].

Безусловно, такие поэтические тексты мы лишь условно, метафорически называем колыбельными, акцентируя внимание на такой категории текста, как интертекстуальность.

В стихотворении «Колыбельная» М.И. Цветаева также обращается к архитектонике традиционной колыбельной песни: речевая ситуация успокоения ребенка с использованием глагола в повелительном наклонении (*Спи, младенец; спи, богемец*), приемы запугивания (*псу-татарину отдам, кривоногому отдам, пану Гитлеру отдам*), введение в сюжет образа из славянской мифологии (*певала дрема*). Однако, благодаря прецедентным именам (*Тюрингия, пан Гитлер*), создается иной, нежели в фольклорном дискурсе, коммуникативный замысел: М.И. Цветаева обращается к страшным событиям 1939 года, лирическая героиня напугана, ее *колыбельная* похожа на плач, крик безысходности. Ретроспектива, включенная в сюжетное полотно, помогает воссоздать масштаб приближающейся трагедии, создается образная цепочка врагов человеческих. И если в народной колыбельной песне мать пугала ребенка мифологическими образами *Буки, Бабая, Дремы, серым волчком*, то устрашающие герои стихотворения М.И. Цветаевой – реальные личности, с которыми связаны крупные исторические события (*татарин, гунн, Гитлер*)[20; с. 462].

Иная тональность у «Колыбельной песни» Н.А. Некрасова: «*Спи, пострел, пока безвредный! / Баюшки-баю<...> Но отец твой - плут известный – / Знает роль свою. / Спи, пострел, покуда честный! / Баюшки-баю*» [21; 167-169].

Жизненное доброе материнское напутствие, благословление у колыбели автор преломляет в остросоциальном, ироническом и даже сатирическом тексте: «*Спи, пострел, пока безвредный*». Фольклорная колыбельная песня, согласно законам жанра, желает младенцу лишь хорошее, словно программируя его на успех. Однако же колыбельная Н.А. Некрасова, подражание стихотворению М.Ю. Лермонтова, пророчит ребенку незавидную судьбу: жизнь в рабстве и прислуживании ради денег и статуса («*Будешь ты чиновник с виду / И подлец душой*») [21; с. 167-169].

Особая обличающая интонация создается благодаря деталям и образным средствам языковой выразительности (*тускло смотрит*», *стану сказывать не сказки*). Категория сна в этом стихотворении трактуется двояко. Это, действительно, сон, отдых ребенка, но это и забвение, равнодушие человеческой души к людям. Мать намекает герою, который резко *вырос* до чиновника: жизнь беззаботно пройдет, но бессмысленно, без помощи людям.

Объектом сатиры «Колыбельной песни» О.Н. Чуминой становится генерал Дмитрий Федорович Трепов и силы реакции, подавляющие революционные движения в стране: «*Я – порядка оборона, // Всюду озарю // Светом факелов Нерона // Конституции зарю. // Спи, дитя, под сводом склепов, // Нас не беспокоит; // Пропоет свободе Трепов: // “Со святыми упокой!”*» [22; с. 320]. Авторский текст содержит прецедентное имя – римский император Нерон, а также имя известного на момент создания текста генерала Д.Ф. Трепова. Информация о деятельности исторических лиц, об их роли в судьбе народов позволяет понять реминисценции и идейный замысел поэтессы.

Стихотворение становится стимулом для народного творчества: появляется популярная в революционные годы песня «Спи, рабочий, год за годом»: «*Спи, рабочий, год за годом, // Баюшки - баю; // Твоим будущим свободам // Я отходную спою<...> Если мало эскадронов, // Слабо хлещет плетью, // Для тебя я и патронов // Не хочу жалеть. // Приложу к тому все силы, // Что б создать покой. // Нет спокойнее могилы: // “Со святыми упокой!”*» [23; с. 175]. Рефрен «со святыми упокой» звучит угрожающе и зловеще. И если в традиционных смертных колыбельных адресату *желали смерти* согласно ритуалу, *обманывая смерть*, то в фольклорной песне начала XX века, отражающей историко-политический конфликт власти и рабочего класса, в метафорических образах сна и покоя транслируется семантика реальной угрозы: «*Брызнет кровь по ленте красной, // Потечет рекой... // Спи ж, рабочий, враг ужасный, // “Со святым и упокой!”*» [23; с. 175]. Этот пример демонстрирует феномен воздействия индивидуально-авторского творчества на фольклорное лингвосознание.

В целом среди особенностей языкового строя псевдоколыбельных мы отмечаем: 1) наличие прецедентных имен, дающих отсылку и к литературным источникам, и к историческим материалам; 2) образование авторских неологизмов (*волын-криволун, хвалын-колывань*); 3) создание новых, незнакомых традиции рефренов(*вею-вею*); 4) социально-политические идеи, транслирующиеся через форму колыбельной песни; 5) расширение семантического поля концепта «Сон» посредством реализации значений ‘смерть’, ‘убийство’, ‘наказание’.

Таким образом, взаимодействие фольклорных и авторских традиций в рамках дискурсивной формации колыбельной песни создает условия для появления уникальных поэтических образов в рамках особых жанровых условий. Многослойная функционально-семантическая структура архетипической материнской песни настолько продуктивна, что дает возможность авторам, опираясь на

традиции жанра, выразить индивидуальное через форму коллективного творчества, создававшегося на протяжении многих столетий.

Колыбельные песни, являясь феноменальным образованием на пересечении фольклорного и индивидуально-авторского, персонального и институционального дискурсов, становятся инструментом воспроизведения и национально-традиционной картины мира, и индивидуально-авторского мировидения. Эти чудесные напевы нации даже в авторском *переложении* посвящены самому важному в жизни человека – любви и борьбе за счастье. Наверное, благодаря сохранению искренности, эмоциональной насыщенности, красоты внутренней мелодии колыбельная песня продолжает жить среди нас, порождая все новые и новые варианты прочтения архаического жанра.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Теория речевых жанров и прагматика дискурса // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4-3(52). С. 16-21.
2. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 5–20.
3. Ревзина О.Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. Вып. 8. Новосибирск, 2005. С. 66-78.
4. Рюкова А.Р. К вопросу о классификации дискурса // Вестник Башкирского университета. 2016. Т.21. № 1. С. 115-119.
5. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2001. 656 с.
6. Голянич М.И. Внутренняя форма слова и дискурс. Ивано-Франковск: Издательско-дизайнерский отдел ЦИТ Прикарпатского Национального университета имени Василия Стефаника, 2008. 296 с.
7. Эмер Ю.А. Фольклорный дискурс: когнитивно-дискурсивное исследование // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2011. № 2. С. 50-60.
8. Алтруова А. Ш., Нурекешова Г.Р. Фольклорный дискурс как особый тип коллективной речевой деятельности // International scientific review of the problems and prospects of modern science and education: Collection of scientific articles LVI International correspondence scientific and practical conference, Boston, USA, 24–25 марта 2019 года. Boston, USA: PROBLEMS OF SCIENCE, 2019. С. 58-62.
9. Балашова Л.В., Дементьев В.В. Русские речевые жанры: монография. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. 832 с.
10. Карасик В.И. Энциклопедическое освещение речевых жанров (Рец. на кн.: Балашова Л.В., Дементьев В.В. Русские речевые жанры: монография. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. 832 с.) // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 92–95.
11. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. Собр. соч. М.: Русские словари, 1996. Т.5: Работы 1940-1960 гг. С.159-206.
12. Безруков А.Н. Поэтика интертекстуальности: Учебное пособие для студентов филологического факультета. Бирск: Бирская государственная социально-педагогическая академия, 2005. 70 с.
13. Чумак-Жунь И.И., Черемохина Д.А. Междискурсивный конфликт: лингвистические и прагматические аспекты: учеб. Пособие для студентов филол. фак. ун-та. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2015. 99 с.
14. Чумак-Жунь И.И., Саенко М.И. Прагматико-педагогический потенциал коммуникативного пространства народной колыбельной песни // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163, № 1. С. 109-118.
15. Головин В.В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Турку: Åbo Akad. Univ. Press, 2000. 451 с.
16. Ходит сон у окон: этнографический сб. Белгород: БГЦНТ, 1999. 27 с.
17. Майков А.Н. Избранные произведения. Л., 1977. 912 с.
18. Брюсов В.Я. Стихотворения. Поэмы. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1958. 427 с.
19. Сологуб Ф.К. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1979. 687 с.
20. Цветаева М.И. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1990. 822 с.
21. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем в 15-ти томах. Том 3. Стихотворения 1866-1877 гг. Л.: Наука, 1982. 722 с.
22. Русская революционная поэзия. 1895-1917: Антология. Ленинград: Советский писатель, 1957. 454 с.
23. Песни русских рабочих (XVIII – начало XX века). Москва – Ленинград: Советский писатель, 1962. 313 с.

References

1. Alefirenko N.F. Teoriya rechevykh zhanrov i pragmatika diskursa. Vestn. Kemerovskogo gos. un-ta, 2012. No 4-3 (52). 16-21 (In Russian).

2. Karasik V.I. O tipah diskursa // Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs. Volgograd, 2000. 5-20 (In Russian).
3. Revzina O.G. Discourse and discursive formations. Kritika I semiotika, 2005, № 8. 66-78 (In Russian).
4. Ryukova A.R. On the question of discourse classification // Vestn. Bashkirskogo gos. un-ta. 2016. T. 21. No 1. 115-119 (In Russian).
5. Pocheptsov G.G. Teoriya kommunikatsii. M., 2001. 656 p. (In Russian).
6. Golyanich M.I. Vnutrennyaya forma slova i diskurs. Ivano-Frankovsk: Izdatel'sko-dizajnerskij otdel CIT Priкарпатського Національного університету імені Василя Стефаника, 2008. 296 p. (in Ukrainian).
7. Emer Y.A. Folklore discourse: cognitive-discourse research // Cognitive linguistics issues. Tambov, 2011. № 2 (027). 50-60 (In Russian).
8. Altruova A.Sh., Nurekeshova G.R. Folklore discourse as a special type of collective speech // International scientific review of the problems and prospects of modern science and education: Collection of scientific articles LVI International correspondence scientific and practical conference. Boston, 2019. 58-62 (In Russian).
9. Balashova L.V., Dement'ev V.V. Russian Speech Genres. Moscow, LRC Publishing House, 2022. 832 p. (Studia Philologica) (In Russian).
10. Karasik V.I. An encyclopedic elucidation of speech genres (Review of the book: Balashova L.V., Dement'ev V.V. Russian Speech Genres. Moscow, LRC Publishing House, 2022. 832 p. (Studia Philologica)). Speech Genres. 2023. Vol. 18. No. 1 (37), 92-95 (in Russian).
11. Bakhtin M.M. The Problem of Speech Genres. Vol. 5. The Works of the 1940s – early 1960s years. Collected Works in 7 vols. Moscow, 1996. 159-207 (in Russian).
12. Bezrukov A.N. Poetika intertekstual'nosti: Uchebnoe posobie. Borsk. Borsk. gos. sots.-ped. akademiya, 2005. 70 p. (in Russian).
13. Chumak-Zhun I.I., Cheremohina D.A. Mezhdiskursnyj konflikt: lingvisticheskie i pragmaticheskie aspekty. Belgorod, 2015. 99 p. (in Russian).
14. Chumak-Zhun I.I., Saenko M.I. The pragmatic and pedagogical potential of the communicative space in folk lullaby. Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki, 2021. Vol. 163. No. 1. 109-118 (in Russian).
15. Golovin V.V. Russian Lullaby in Folklore and Literature. Turku, 2000. 451 p. (In Russian).
16. Hodit son u okon: etnograficheskij sb. Belgorod: BGCNT, 1999. 27 p. (In Russian).
17. Majkov A.N. Izbrannye proizvedeniya. L., 1977. 912 p. (In Russian).
18. Bryusov V.Ya. Stihotvoreniya. Poemy. M., 1958. 427 p. (In Russian).
19. Sologub F.K. Stihotvoreniya. L., 1979. 687 p. (In Russian).
20. Cvetaeva M.I. Stihotvoreniya i poemy. L., 1990. 822 p. (In Russian).
21. Nekrasov N.A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 15 tomah. Tom 3. Stihotvoreniya 1866-1877 gg. L., 1982. 722 p. (In Russian).
22. Russkaya revolyucionnaya poeziya. 1895-1917: Antologiya. L., 1957. 454 p. (In Russian).
23. Pesni russkikh rabochih (XVIII – nachalo XX veka). M. – L., 1962. 313 p. (In Russian).

УДК 81'282.2

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.15.51.002

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. наук, доцент кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации
Недоступова Л.В.
Россия, Воронеж, 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and Intercultural
communication
PhD, associate professor
Nedostupova L.V.
Russia, Voronezh, 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

Л.В. Недоступова

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЯ ТАЛОВСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДЕРЕВЕНСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Целью научного сочинения является репрезентация отличительных особенностей речевого портрета диалектоносителя посёлка Высокого Таловского района посредством отражения в нём наиболее ярких фонетических и грамматических черт говора и прежней деревенской действительности. Объектом статьи выступает живая речь Бочарникова Виктора Яковлевича (1940 г.р.). Предметом работы стал речевой портрет информатора как отражение былой реальности. Установленные в процессе исследования выделяющиеся черты включают 20 фонетических и 9 грамматических особенностей говора сельского жителя: яканье; аканье; иканье; переходы: [a] в [o], [e] в [o], [o] в [e]; замену: [a] на [o], [e] на [o], [o] на [e]; афери́зу; звук γ фрикативного образования; эпите́зу; йотацию; замену: [д] на [н], [к] на [т], [к] на [х], [ф] на [хв]; редукцию; смену места ударения; функционирование существительных мужского рода в родительном падеже с -у на конце, женского рода в творительном падеже с -ий; отмечаемое разрушение категории рода и мн.др. Сделано заключение о том, что сочетание наиболее ярких признаков речи отдельного человека демонстрирует черты одного южнорусского диалекта: високовского говора (отличного от говоров некоторых соседних районов). В активном употреблении респондента широко представлены и общерусские языковые элементы. Речь информатора выразительна, содержательна и понятна. В ней, как в зеркале, отразились особенности сложной действительности, быта деревенской семьи, работа, имеющиеся трудности, оптимистичность и жизнерадостность целого поколения Воронежского края прошлого столетия.

Ключевые слова: грамматические черты, фонетические особенности, говор диалектоносителя, качества речевого портрета, прежняя действительность.

L.V. Nedostupova

FEATURES OF THE SPEECH PORTRAIT OF A DIALECT SPEAKER OF THE TALOVSKY DISTRICT OF THE VORONEZH REGION AS A REFLECTION OF VILLAGE REALITY

The purpose of the scientific essay is to represent the distinctive features of the speech portrait of a dialect speaker in the village of Vysokoye Talovsky district by reflecting in it the most striking phonetic and grammatical features of the dialect and the former village reality. The object of the article is the live speech of Viktor Yakovlevich Bocharnikov (b. 1940). The subject of the work was the speech portrait of the informant as a reflection of past reality. The prominent features identified during the research include 20 phonetic and 9 grammatical features of the dialect of a rural resident: yakanye; akanye; hiccups; transitions: [a] to [o], [e] to [o], [o] to [e]; replacement: [a] with [o], [e] with [o], [o] with [e]; apheresis; sound γ fricative formation; epithesis; iotation; replacement: [d] with [n], [k] with [t], [k] with [x], [f] with [xv]; reduction; change of stress place; the functioning of masculine nouns in the genitive case with -y at the end, feminine nouns in the instrumental case with -ий; the noted destruction of the category of gender and many others. It is concluded that the combination of the most striking features of an individual's speech demonstrates the features of one southern Russian dialect: the Vysokovsky dialect (different from the dialects of some neighboring regions). All-Russian linguistic elements are also widely represented in the active use of the respondent. The informant's speech is expressive, meaningful and understandable. It, like a mirror, reflected the features of complex reality, the life of a village family, work, existing difficulties, optimism and cheerfulness of an entire generation of the Voronezh region of

the last century.

Key words: grammatical features, phonetic features, dialect of a native speaker, qualities of a speech portrait, former reality.

Изучение говоров носителей диалекта даёт интереснейшие результаты, поскольку приоткрывает новые грани языка селян. Более того, находясь в постоянном взаимодействии с литературным языком, говоры представляют собой ещё и саморазвивающееся явление, требующее определённого научного осмысления.

В последние десятилетия многие учёные и коллективы Томской, Смоленской, Самарской, Волгоградской, Тамбовской, Орловской диалектологических школ решают важные задачи, поставленные Российской академией наук, на разных территориях огромной страны. Такие изыскания проводятся и в Воронежской области.

Необходимо указать, что «в настоящее время научную деятельность осуществляют преподаватели вузов, отдельные лингвисты – любители народной речи. В их числе: А.Д. Черенкова (ВГПУ), В.И. Дьякова (ВГУ), Г.Ф. Ковалёв (ВГУ), М.В. Панова (ВГУ), Н.И. Кривова (ВГПУ), Т.А. Литвинова (ВГПУ), В.Ф. Филатова (БФ ВГУ), Л.Н. Верховых (БФ ВГУ), Е.И. Сьянова (ИЛИ РАН), Е.П. Куйдина (ВГУ), Е.А. Богданова (ВГУ), Л.В. Недоступова (ВГТУ), С.С. Токарева (ВГПУ), О.А. Слюсарева (ВГУ), Т.В. Карасёва (Дубай) и мн. др. Причём вклад, который накоплен вышеперечисленными учёными, имеет большое значение для региональной диалектологии в XXI веке» [1; с. 502].

Любопытные сведения можно получить, в том числе, в ходе исследования некоторых особенностей речевого портрета человека. Однако сейчас среди воронежских диалектологов такие работы немногочисленны [2; 3; 4; 5].

Обратим внимание, «исследуя говоры сельских поселений или отдельных языковых личностей, мы получаем любопытную информацию о жизни предшествующих поколений, свидетельствующую о прошлом региона, нашей истории в целом, необходимую как память и бесценный опыт для понимания в новом тысячелетии» [5; с. 328].

Наш лингвистический интерес представляет речь жителей Высокого, который расположен на юго-востоке от Воронежа.

Известно, что «образование посёлка связано с последним этапом заселения Воронежского края в начале XX века <>. Он был основан в 1922 году в шести километрах южнее Таловой» [6; с. 1-2].

Следует уточнить, что «наименование Высокий в данном случае, хоть и обладает конкретным географическим значением, всё же оказывает влияние на местный образ жизни. Топоним как будто метафорически характеризует коренных жителей: у них «все на высоте». Во-первых, это подход к работе, здесь живут настоящие труженики, которых не пугают сложности. Во-вторых, уважительное, «высокое» отношение к себе и окружающим, следуя традиции предков. Сложившиеся устои не нарушают, авторитет среди соседей стараются не терять. В-третьих, необыкновенная близость с детьми как взаимная связь с особенной группой обеспечивает достойное будущее. В большинстве своем, это самоуважение, а может быть, и гордость за род» [7; с. 251].

Целью данного исследования является репрезентация отличительных особенностей речевого портрета диалектоносителя посёлка Высокого Таловского района посредством отражения в нём наиболее ярких фонетических и грамматических черт говора и прежней деревенской действительности.

Объектом статьи выступает живая речь сельского жителя Воронежской области Бочарникова Виктора Яковлевича (1940 г.р.).

Предметом работы стал речевой портрет информатора как отражение былой реальности.

Языковым материалом настоящей работы стали беседы с респондентом в непринуждённой обстановке, проводимые автором исследования в 2006 и 2016 годах. Записанная на магнитофон речь укладывается в транскрибированный текст объёмом 20 страниц формата А4 и соответствует автобиографическому рассказу и интервью.

Прежде чем обратиться к анализу, следует сказать о семье информатора, поскольку общеизвестно, что речевые характеристики человека формируются в кругу близких людей, его рода, окружения и связаны с территорией проживания.

Примечательно, что наш респондент являлся последним ребёнком большой многодетной семьи. У родителей было 12 детей. Сами они выходцы из села Озёрки Бутурлиновского района Воронежской области. В далёком 1922 году переехали в Бобровский район в числе основателей насе-

лённого пункта, получившего название Высокий (позднее вошедшего в Таловский район). Они были первопоселенцами этого посёлка.

Уточним, Бочарников В.Я. родился в феврале 1940 года. Трудное военное детство наложило свой отпечаток на жизнь того поколения. Окончить начальную школу можно было в Высоком, а далее продолжать учёбу пришлось в семилетке, расположенной в соседнем посёлке Вознесенке. Каждый день дети преодолевали путь в 4 километра. Тому поколению людей довелось испытать недостаток из-за отсутствия обуви (одни сапоги делили на двоих), одежды и продуктов питания. По этим причинам после окончания 7 класса процесс обучения необходимо было завершить. Далее, как известно, начался длинный трудовой жизненный путь.

Как правило, в период сельскохозяйственных работ подростки, в их числе и Бочарников В.Я., носили на поле в ведрах воду тем, кто убирал урожай (косили, копнили, свозили, скирдовали, молотили) и др. Дома, в отсутствии родителей, ухаживали за скотиной: рвали ей траву, поили, чистили навоз, стерегли овец, занимались огородническими работами и др. Трудности послевоенного времени взрослые и дети преодолевали вместе.

Следует отметить, что после 3-х лет службы в армии в Венгрии наш респондент долгое время работал шофёром в Таловском рабочем кооперативе «Райсоюз». Затем шофёром грузового автомобиля, штурвальным зерноуборочного комбайна РСМ-8 и скирдовщиком в период полевых работ, объездчиком, строителем в опытно-производственном хозяйстве «Докучаевское». Добавим, за особые показатели в работе был награждён десятью почётными грамотами, шестью туристическими путёвками в Прибалтику, Белоруссию, Украину, Чехословакию (Карловы Вары) и др.

Интересные особенности говора и детали прежней крестьянской действительности отражены в речевых произведениях Бочарникова В.Я. По мнению учёных, «диалектное слово позволяет исследователю увидеть и понять человека «изнутри», поскольку ничто не входит в язык иначе, как через слово» [8; с. 74]. Более того, «изучая диалектное слово, мы сможем понять подлинную сущность нашей культуры» [8; с. 89], а оно, действительно, «представляет собой одновременно и памятник культуры, и живую основу национально-языкового развития» [9; с. 36].

Представим характерные черты речи диалектоносителя.

Среди фонетических особенностей выделяются:

1. Ассимилятивно-диссимилятивное *яканье*: [абяишиаю, бярі, бясплатна, бясцённой, вядёрный, вяза́ли, вярёвка, вярху́шка, вясёлая, гляде́ть, днява́ли, двяна́цать, дява́тца, дяфча́ты, дяржа́ть, дярю́шки, дятми́, заяжжа́ю, зятя́, либда́, лябо́, ляжи́ть, ляка́рства, Ляо́нофка, мякі́на, мясі́ли, мяшкі́, няго́жи, ня ды́ша, нямно́га, ня ста́ли, нясі́, памя́рля, пиряда́л, пиряби́та, пратяну́л, привязі́, пяклі́, пярвя́к, пятля́, Пячэ́ровка, пня́ком, ряби́ты, смята́нка, стряля́я, стяна́, стярэ́х, сяло́, сяльча́нин, сямья́, сястра́, тья́ка, уяжжа́я, фсяго́, ф пляну́, чуда́ся, яго́, яды́ть] и др.

2. Сильное *аканье* (в системе безударного вокализма): [абало́нак, адда́л, ако́пы, ара́ва, атбушава́ла, аткрыва́я, аттаи́ишл, бала́ить, вальо́, гавя́дина, дра́вишчэк, жалё́зныи, жанна́, калба́сня, калба́да, капáли, каря́бая, кашё́лак, малати́лка, матаці́кал, нагага́тались, нага́ми, начава́ли, пагі́п, палу́чка, палы́, парасё́нак, патана́я, плати́на, пашани́ца, салёная, сало́ма, слами́л, снапы́, старажи́ть, твари́л, фчара́, халадо́н, цапля́я, чаго́, чагу́нчик, чаты́ри, чатве́рашный] и др.

3. *Иканье* (предударный вокализм) отмечено в небольшом количестве: [дитё́й, с нимно́шким, тили́визор, у тибё́] и др.

4. Имеет место *переход*: [а] в [о]: [сво́риць, пасо́дють], [е] в [о]: [прикря́плёна], [о] в [е]: [вазме́шь, разабьё́, у ниё́] и др.

5. Наблюдается утрата гласного в начале слова – афере́за: [га́ро́т (огоро́д)] и его появление: [аржа́ную (ржа́ную)]. Уточним, что подобную утрату М.Я. Запрягаева связывает с имеющим место фактором влияния диалектной системы украинского языка на русскую [10]. Укажем, что «в лексеме *аржа́но́й* и других аналогичных словах возникновение протетического гласного или выпадение гласного (*озимвы́й, перевать, борновать, ярвы́й* и др.) обусловлено фонетическими процессами» [11, с. 84].

6. Происходит появление вставного гласного после согласного: [за у́тар (за у́тро), затава́ражва́ть (затвора́живать), матаці́кал (мотоци́кл), пашани́ца (пшени́ца)]. Следует учитывать, что «в русском литературном языке лексика с полногласием является архаичной и народно-поэтической, в говоре она заменяется на слова с неполногласием» [11, с. 84]. В связи с этим, Л.Л. Касаткин отмечает: «Гласный [а] между согласными в начале слова возникает в связи с особенностями оформления слога как суперсегментной единицы в диалектной речи» [12; с. 24].

7. Представлен звук *у* фрикативного образования: [ау́а, ау́ро́мная, бри́гади́р, вы́уружа́ть, вы́унала, уавя́дина, уадо́ф, уа́рбы, ува́зде́й, уваря́, ула́дили, ула́тка́я, улі́на, уо́ладна, уо́рат, ура́бли,

ура́мата, урани́ца, урёчка, уру́зили, уру́па, уру́пка, у́си, дві́уатца, де́ньги, зги́балась, иу́рали, ку́га, кру́улыи, ля́ула, мно́уа, нау́ами, наура́ждён, науру́жся, ня у́бжиш, науа́ри́ть, нямно́уа, пау́ип, памау́ни́, памау́али, прату́увалась, приу́лядвали, разу́во́р, руу́али, та́руе́м, у́раль, чау́унчик, чиу́уно́к] и др.

8. Обнаружено появление вставного согласного: [*памагні́* (помогі́), *энт* (это́)].

9. Отмечена *эпитеза* – добавление звука в конце слова для удобства произношения: [*должэ́я* (долго), *дюжэ́я* (ді́оже), *не́ту* (нет), *ту́та* (тут), *хужэ́я* (ху́же)] и др.

10. Имеет место *йотация* (появление *й*): [*на два́йіх, йіх, пава́ляйі́м, саматка́ныйі, свайі́, ста́рыйі́*] и др.

11. На конце слов звонкие согласные оглушаются: [*го́рат* (город), *дро́ф* (дров), *мяшко́ф* (мешков), *пидаго́х* (педагог), *про́тиф* (проти́в), *саю́с* (союз), *склат* (склад), *торх* (торг), *тру́т* (труд)] и др., что свойственно и литературному языку.

12. Зафиксирован твёрдый шипящий [*ш*]: *бори́ш*; твёрдый долгий шипящий [*ш*]: [*аттаи́ишійл, ии́ишій, ни абяи́ишійаю, ржови́ишша, сбори́ишша, тавари́ишши, ии́ишійа́ть, я́ишши́к*], что отличается от произношения в литературном языке; а также долгий мягкий шипящий [*ш*]: [*муи́ишійіны́*], а также долгий твёрдый шипящий [*ж*]: [*дро́жжши, зая́жжя́ю, уя́жжя́я*] и др.

13. Установлена замена [*ф*] на [*хв*]: [*кухва́йти, прохве́ссор*]. В середине XX века эту особенность воронежских диалектов подметила профессор Н.П. Гринкова: «Любопытно отметить, что это фонетическое явление охватывает не только старый состав слов, как хвартук, хванарь, хранцуз или собственные имена, как Хвилип, Хведот и т.п., а захватывает фонетическое оформление совсем новых слов, в самое последнее время попавших в местный язык: хвонт, хвакт, па урахвику» [13; с. 197].

14. Представлен замена [*к*] на [*т*]: [*ба́нти* (банки), *вилти́* (вилки́), *карто́ишши* (картошки), *каду́ишши* (кадушки), *лэхти́х* (лёгких), *ло́льти* (люльки), *Иль́тя* (Илька), *пати́танити* (подштаники), *Ро́льтя́* (Ролька), *хатён́ти* (хатёнки)] и др. Причём это явление многочисленно.

15. Наблюдается замена [*д*] на [*н*]: *ка́жний* и др.

16. Отмечена замена [*к*] на [*х*]: [*нихто́, тра́хтор, хто́-та*] и др.

17. Аффрикаты *ч* и *ц* отличаются: [*ова́цать, дра́цца, порти́цца, праду́кция, три́цать; взбу́чка, фча́ра, нача́лось, ня хо́ча, палу́ча́ім, учи́тель*], что является общеязыковой чертой.

18. Происходит *редукция* – исчезновение (упрощение) гласного, согласного или их групп: [*бразда́* (борозда́), *вы́жжвать* (вы́уживать), *гваря́* (говоря́), *дваю́рний* (дво́юродный), *зака́звали* (зака́зывали), *зби́раю́т* (соби́рают), *затава́ржжвать* (затво́раживать), *заку́пвались* (заку́пывались), *зде́лны* (сде́ланы), *марквы́* (морко́вы), *нагварё́ная* (нагово́рённая), *наки́двая* (наки́дывает), *накла́двають* (накла́дывают), *намуле́ная* (намале́ванная), *не пирраба́твал* (не перераба́тывал), *ниче́* (ничего́), *патска́звали* (подска́зывали), *пирла́ми́л* (перело́ми́л), *пирва́рачвались* (перевора́чивались), *пригля́двали* (пригля́дывали), *самановы́х* (самано́вых), *склада́ють* (скла́дывают), *тада́* (тогда́), *Та́лвая* (Та́ловая), *щас* (сейча́с), *энт* (это́т)] и др.

19. Зарегистрировано *удлинение* основы слова из-за появления отдельных согласных и/или гласных: [*сайти́ть* (сойти́), *стана́ви́ли* (ста́вили), *вве́рих* (вве́рх)], что связано с удобством произношения в диалекте.

20. Зафиксирована смена места ударения: [*блака́вы́е* (бло́ковые), *ве́рнишсьи* (верне́шься), *даска́ми* (до́сками), *люда́м* (лю́дям), *лябо́* (ли́бо), *матеря́* (ма́тери), *идя́* (иде́т), *связа́* (свѝзи), *склада́ють* (скла́дывают), *стакана́* (стакана́), *кило́метраф* (киломе́тров), *на зиму́* (на зи́му), *ни было́* (не́ было), *ну́жны* (ну́жны), *прикря́плёна* (прикре́плена́), *йи́ишиако́ф* (я́щиков), *хала́дно* (хо́лодно)] и др.

Грамматическими особенностями речевого портрета Бочарникова В.Я. являются следующие:

1. Существительные мужского рода в родительном падеже функционируют с -у на конце: [*Биз разу́во́ру у́галь. В су́мку паста́вил 4 буты́лки пирвя́к*] и др.

2. Существительные женского рода в творительном падеже оканчиваются на -ий: [*Кро́вий хаді́л, чей-та съел. Но́чий встава́л*] и др.

3. У существительных множественного числа отмечено на конце -ы (вместо -а) и -я (вместо -и): [*Малады́е рябы́ты. Дяфча́ты памало́жи. Матеря́ на́ишши*] и др.

4. Местоимения в родительном и винительном падежах зарегистрированы с -е на конце: [*Минé снимáли клубні́ку стара́жи́ть. У минé не́ту никаго́. У тибé де́ти. Мили́ция фся зна́ла минé. На сибé ни хвата́ла*] и др.

5. Отмечено разрушение категории рода: *Фсю вре́мя руга́ли. Фсю жи́зню работа́л. Пришла́ время. Вре́мя тижо́лая* и др.

6. В глаголе зафиксирован постфикс -ся на месте -сь: [*У них палу́чалась. Пришло́ся яши́чить*] и др.

7. На месте -ся иногда наблюдается -си: [*Са́хар ко́нчилси. Тады́ ве́рнисьси*] и др.

8. На конце глаголов 3-го лица единственного числа функционирует гласная или -ть: [Ника́к ни *разабье́*. Он как зарже́. Пака́ ня пье́. Нача́ня *сборишиу*. Вапрос́ будя́. Бра́тка раска́жа, пака́жа. Приши́-ва́я *пасле́дний плінтус*. На ме́сиц *хва́тя*. Уи он ня *ды́ша*. *И́дя* *суды́*. Но́чий *стрыля́* *рука́*. *Аткрыва́* *склат*, *нагружа́*. *Наки́два́* *пять мяшко́ф*. *Де́ньги* *ада́л* и *уяжжа́*. *Рука́* *патапа́*. *Нихто́* *ня хо́ча*. *Будя́* *пярвя́к*. *Цапля́* *крушка́*. Да *ана́* *каря́*. *Убо́рка* *захо́дя*. *Сяльча́нин* *праи́зводя́*. Он *вы́пя*, *гляді́ть*. *Ве́чир* *патхо́дя*. Бра́тка *ляжы́ть*. *Живо́т* *ни* *бали́ть*. *Нагари́ть* *печь*. Ба́бы *вяжу́ть*] и др.

9. На конце глаголов 3-го лица множественного числа отмечен **-ть** на месте **-т**: [Асу́иу**ть** палі́тру. Уга́ль даду́**ть**. Карто́шкити по́лю**ть**. Драва́ выгружа́ю**ть**. Зя́ця ўду́**ть**. Сидя́**ть**, ядя́**ть**. Как даста́ну**ть**, сама́ де́ла. Накі́дваю**ть** дроф. Наде́лаю**ть** самано́ф. Ані со́хну**ть**. Патом́ склада́ю**ть**. Сло́жжу**ть** саманы́. Сало́му патсте́лю**ть**. Муку́ се́ю**ть**. Да сіх пор нахо́дзя**ть**. Стáришні ўду́**ть**] и мн. др.

Итак, получается, что речь Бочарникова В.Я. включает многочисленные показательные фонетические и грамматические диалектные черты: ассимилятивно-диссимилятивное яканье; сильное аканье; иканье; переходы: [а] в [о], [е] в [о], [о] в [е]; афери́зу (утрату гласного в начале слова); звук γ фрикативного образования; появление гласного после согласного и вставного согласного; эпите́зу (добавление звука в конце слова); йотацию (появление й); использование твёрдых шипящих на месте мягких; замену: [д] на [н], [к] на [т], [к] на [х], [ф] на [хв]; редукцию; удлинение основы слова; смену места ударения; функционирование существительных мужского рода в родительном падеже с -у на конце, женского рода в творительном падеже с -ий, множественного числа с -ы и -я; местоимения в родительном падеже с -е на конце; отмечаемое разрушение категории рода; глаголы: с постфиксом -ся на месте -сь и -си на месте -ся, 3-го лица единственного числа, оканчивающиеся на гласную или -ть; 3-го лица множественного числа с -ть на месте -т и мн. др.

Зарегистрированные языковые явления «связаны, как правило, с отсутствием кодифицированной нормы, характерной для литературного языка, что даёт возможность более полной реализации в диалекте тех тенденций, которые в литературном языке сдерживаются стабильностью действующих в нём правил употребления языковых средств» [14; с. 98-99].

Разумеется, «действительность отражается в индивидуальном сознании в форме множественных представлений личности о явлениях и событиях. Эти представления <...> являются не чем иным, как сложным продуктом знаний, собственного опыта, верований и надежд, традиций, ритуалов, идей, процессов формирования которых направляется преимущественно здравым смыслом» [15; с. 15]. В речи респондента фрагментарно отражается и своеобразная деревенская реальность: особенности сложной жизни [*Врэмя тады́ была тижо́лая. Хто мох винто́фку дяржа́ть, фсех забра́ли на вайну́. Тута и Та́лваю бамби́ли, и Хрина́вую. Фсе́ была в ру́йнах, в разва́линах*] и быт крестьянской семьи и отдельных людей Воронежского края прошлого века [*Жи́ли в самáнвых ха́тах. Палы́ были зимляны́я. Печь тапи́ли саломой, кизья́ками. Хлеп някли́. Де́лали вру́чн'я фсе́*], и работа [*Стари́ки, каки́я аста́лися ту́та, фсяму́ учи́ли нас. В де́сать лет я мох каси́ть касо́й, не́каму была́. Рош каси́ли крю́ками. Снапы́ вяза́ли. Во́ду на по́лю таска́ли. Фсе рабо́тали ат души́. Рабо́тали за трудо́днí*], и трудности целого поколения [*Бы́ло го́лодна: и либа́ду ё́ли, и же́туди. Во́лий судьбы́ была́ дано́ э́та фсем*], и оптимистичность и жизнерадостность [*Наро́д наш васпря́л, фсе́ вастана́вил. У́мный саве́цкий наро́т. К питься́тым гада́м ста́ли жить*], и мн.др. Язык человека отображает всё происходящее с ним и его средой.

Таким образом, представленные в данном научном сочинении яркие особенности портрета речи языковой личности Таловского района демонстрируют самобытный высококовский говор, черты которого относятся к южнорусским диалектам. Сохранность речевых характеристик свидетельствует о диалектном окружении информанта, его осёдлом образе жизни в последние годы; они являются типичными для данного района, но отличными в своём роде от соседних территорий (например, говоров Бутурлиновского, Лискинского, Новохопёрского и других районов). Кроме того, в активном употреблении респондента широко представлены и общерусские языковые элементы (они здесь налицо). Речь информатора выразительна, содержательна и понятна. В ней отразились прежняя действительность, быт деревенской семьи, работа, невзгоды, проблемы, тяготы людей, вера в светлое будущее, оптимизм и жизнеутверждение целого поколения прошлого столетия. В заключение отметим, что в ноябре 2016 года Бочарникова В.Я. не стало, закончился жизненный путь селянина. По свидетельству высочан, он остался в памяти как большой оптимист, коммуникабельный, открытый, добродушный, милосердный, честный и трудолюбивый человек. Чрезмерно любил правду, людей и жизнь; больше отдавал, чем получал. За это очень ценили деревенские жители.

Печально, что с уходом из жизни диалектоносителя прекратила своё существование оригинальная народная речь сельского человека. В ней, как представлено выше, переплелись эпохальные события XX и

XXI веков и черты языковой личности Таловского района Воронежской области. Более того, они «отражают многие явления, характерные для народно-речевой культуры в современных условиях ее существования» [16; с. 116].

В настоящее время, как никогда, актуальны слова выдающегося российского учёного Т.И. Вендиной: «Наш долг перед отечественной культурой и наукой состоит не в последнюю очередь и в том, чтобы собрать всё то, что ещё живо в народной памяти и сохранилось в русской народной речи» [17; с. 96]. Полагаем, что данное изыскание как раз и стало решением такой задачи, обозначенной лингвистом. Считаем, работа вносит определённый вклад в изучение тематической группы «Человек» в рамках антропоцентрических исследований Воронежского края.

Примечание: в статье используется русская упрощённая транскрипция.

Библиографический список

1. Недоступова Л.В. Особенности високовского говора Воронежской области // Эпистемологические основания современного образования: актуальные вопросы продвижения фундаментального знания в учебный процесс: материалы III Международной научно-практической конференции (г. Борисоглебск, 6-7 апреля 2023 г.); Воронежский государственный университет. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2023. С. 501-506.
2. Черенкова А.Д. Фонетические особенности русской речи воронежского хохла // Диалектологический альманах. Вып. II. Воронеж: ВГПУ, 2015. С. 66-71.
3. Черенкова А.Д. Морфологические особенности русской речи воронежского хохла // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий. Воронеж: ВГПУ, 2015. С. 70-75.
4. Недоступова Л.В. Особенности речи петропавловской хохлушки (лексический аспект) // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 269-275.
5. Недоступова Л.В. Фонетические особенности говора села Борщёво Хохольского района Воронежской области (на материале речевого портрета одного носителя) // Лексический атлас русских народных говоров 2022. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 323-330.
6. Гриднева Л.М. Высокий. Время, события, люди. 1922-2007. Таловая: Таловская районная редакция, 2007. 44 с.
7. Недоступова Л. В. Традиционное деревенское приданое к свадьбе как компонент народной культуры (этнолингвистический взгляд) // Вестник славянских культур. 2023. Т. 68. С. 250-266.
8. Вендина Т.И. Диалектное слово в культурно-языковом контексте // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2022. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 72-94.
9. Демешкина Т.А., Тубалова И.В. Диалектный дискурс как сфера реализации национальной культуры: константы и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 36-54.
10. Запругаева М.Я. Лексика с полногласными и неполногласными сочетаниями в русских и украинских говорах: дис. канд. филол. наук. Воронеж: ВГУ, 1979. 240 с.
11. Недоступова Л.В. Природа и человек в лексике говора посёлка городского типа Таловая Таловского района Воронежской области: дис. канд. филол. наук. Воронеж, 2013. 228 с.
12. Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999. 526 с.
13. Гринкова Н. П. Воронежские диалекты: дис. ... докт. филол. наук. Ленинград: Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та, 1947. Т.55. 300 с.
14. Вендина Т.И. «Лексический атлас русских народных говоров» о динамике русской диалектной лексики // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 96-113.
15. Юдина Н.В., Кузнецова Е.А. Языковой портрет современного финансиста. М.: Финансовый университет, 2016. 280 с. URL: http://elib.fu.ru/fbook/udina_kuznecova_59632.pdf/download/udina_kuznecova_59632.pdf (дата обращения: 20.08.2023).
16. Иванцова Е.В. Взаимодействие подсистем современного русского языка в идиолектном отражении: речевой портрет жителя посёлка городского типа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 62. С. 104-120.
17. Вендина Т.И. О некоторых новых принципах лингвогеографического изучения диалектной лексики: «Лексический атлас русских народных говоров» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2013. Т. 8-2. С. 76-97.

References

1. Nedostupova L.V. Features of the Vysokov dialect of the Voronezh region // Epistemological foundations of modern education: topical issues of promoting fundamental knowledge in the educational process: materials of the III International

scientific and practical conference (Borisoglebsk, April 6-7, 2023); Voronezh State University. - Voronezh: VSU Publishing House, 2023. P. 501-506.

2. Cherenkova A.D. Phonetic features of the Russian speech of the Voronezh Khokhl // Dialectological almanac. Issue. II. Voronezh: VSPU, 2015, pp. 66-71.

3. Cherenkova A.D. Morphological features of the Russian speech of the Voronezh Khokhol // Problems of studying the living Russian word at the turn of the millennium. Voronezh: VSPU, 2015, pp. 70-75.

4. Nedostupova L.V. Features of the speech of the Petropavlovsk khokhlushka (lexical aspect) // Modern Russian lexicology, lexicography and linguogeography. Institute of Linguistics research RAN. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. S. 269-275.

5. Nedostupova L.V. Phonetic features of the dialect of the village of Borshchevo, Khokholsky district, Voronezh region (based on the speech portrait of one speaker) // Lexical atlas of Russian folk dialects 2022. St. Petersburg: OR RAN, 2022. P. 323-330.

6. Gridneva L.M. High. Time, events, people. 1922-2007. Talovaya: Talovskaya district edition, 2007. 44 p.

7. Nedostupova L.V. Traditional village wedding dowry as a component of folk culture (ethnolinguistic view) // Bulletin of Slavic cultures. 2023. V. 68. S. 250-266.

8. Vendina T.I. Dialect word in the cultural and linguistic context // Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2022. St. Petersburg: OR RAN, 2022. P. 72-94.

9. Demeshkina T.A., Tubalova I.V. Dialect discourse as a sphere of realization of national culture: constants and transformations // Tomsk State University Bulletin. Philology. 2017. No. 50. S. 36-54.

10. Zapryagaeva M.Ya. Vocabulary with full-vowel and non-vowel combinations in Russian and Ukrainian dialects: dis. cand. philol. Sciences. Voronezh: VGU, 1979. 240 p.

11. Nedostupova L.V. Nature and man in the vocabulary of the dialect of the urban-type settlement Talovaya, Talovsky district, Voronezh region: dis. cand. philol. Sciences. Voronezh, 2013. 228 p.

12. Kasatkin L.L. Modern Russian dialectal and literary phonetics as a source for the history of the Russian language. M., 1999. 526 p.

13. Grinkova N. P. Voronezh dialects: dis. ... doc. philol. Sciences. Leningrad: Uchen. app. Leningrad. ped. in-ta, 1947. V.55. 300 s.

14. Vendina T.I. "Lexical Atlas of Russian Folk Dialects" on the dynamics of Russian dialect vocabulary // Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2018. St. Petersburg: OR RAN, 2018. P. 96-113.

15. Yudina N.V., Kuznetsova E.A. Linguistic portrait of a modern financier. M.: Financial University, 2016. 280 p. URL: http://elibrary.ru/fbook/udina_kuznecova_59632.pdf/download/udina_kuznecova_59632.pdf (Date of access: 20.08.2023).

16. Ivantsova E.V. Interaction of subsystems of the modern Russian language in idiolectic reflection: a speech portrait of a resident of an urban-type settlement // Bulletin of the Tomsk State University. Philology. 2019. No. 62. S. 104-120.

17. Vendina T.I. About some new principles of linguo-geographical study of dialect vocabulary: "A lexical atlas of Russian folk dialects" // Slavic world in the third millennium. 2013. Vol. 8-2. pp. 76-97.

УДК 81.276.3-055.2

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.45.33.003

Брянский государственный технический университет

доцент кафедры «Иностранные языки»

кандидат филологических наук

Козлова Л.Н.

Россия, г. Брянск

тел. 89803066985

Bryansk State Technical University

Associate Professor of the Department of Foreign Languages

PhD in Philology

Kozlova L.N.

Russia, Bryansk

Tel. 89803066985

Л.Н. Козлова

ГЕНДЕРНАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖЕНСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Л. УЛИЦКОЙ «ЛЕСТНИЦА ЯКОВА» И ЕГО ПЕРЕВОДНОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ)

В статье рассматриваются особенности употребления гендерно маркированной лексики в романе Л. Улицкой «Лестница Якова» при описании женских персонажей. Целью данной работы является определение возможности передачи характерологической специфики гендерной лексики в переводном тексте. Полученный методом сплошной выборки практический материал классифицируется, выделяется пять основных тематических групп, в которых характеризуются такие аспекты жизненного пространства женщины, как внешность, с преимущественным акцентированием полноты и некрасивости, профессия и род деятельности, материнство, а также даётся позитивная или негативная характеристика поведения и образа жизни. Лексический массив каждой тематической группы подвергается тщательному сопоставительному лингвистическому анализу с привлечением различных лексикографических источников. Особое внимание уделяется эксплицитному выражению принятых в обществе гендерных стереотипов и специфике их передачи в переводной версии романа. Описываются основные способы перевода гендерной лексики на немецкий язык, среди которых наиболее частотным является использование адекватной замены. Также весьма употребительны лексическое развёртывание, перераспределение значения с применением частеречной трансформации и использование абсолютных межязыковых соответствий. Опускание и описательный перевод встречаются в исследуемых текстах редко. В заключении выделяются типичные черты гендерно маркированных лексических единиц при характеристике женских персонажей: образность, наличие оценочного и разговорного характера. Подчёркивается словообразовательная обусловленность разговорности ряда лексем, а также их окказиональное употребление, определяющее специфику индивидуально-авторского стиля Л. Улицкой. Делается вывод об общей нейтрализации разговорности гендерной лексики в переводном немецкоязычном тексте при сохранении её характерологических свойств.

Ключевые слова: гендерная лексика, гендерные стереотипы, женские персонажи, художественный текст, Л. Улицкая, переводные соответствия.

L.N. Kozlova

GENDER VOCABULARY AS A MEANS OF FEMALE CHARACTERS' DESCRIPTION (ON L. ULITSKAYA'S NOVEL «JACOB'S LADDER» AND ITS TRANSLATED GERMAN VERSION)

The article discusses the features of gender marked vocabulary used by the description of female characters in L. Ulitskaya's novel «Jacob's Ladder». The purpose of this work is to determine if it is possible to transmit characterological specificity of gender vocabulary in the translated text. The practical material obtained by the continuous sampling method is classified, five main thematic groups are identified, in which such aspects of a woman's living space are characterized as appearance, emphasizing corpulence and ugliness, profession and occupation, motherhood, and also a positive or negative characteristic of behavior and lifestyle is given. The vocabulary of each thematic group is subjected to a thorough comparative linguistic analysis involving various lexicographic sources. Special attention is paid to the explicit expression of gender stereotypes accepted in society and to the specifics of their transmission in the

translated version of the novel. The main ways of gender vocabulary translation into German are described, among which the most frequent is the use of an adequate replacement. Lexical deployment, redistribution of meaning with partial transformation and the use of absolute interlanguage correspondences are also very common. Omission and descriptive translation are rare in the texts under study. Finally, the typical features of gender marked lexical units used by the description of female characters are highlighted, they are: figurativeness, the presence of an evaluative and colloquial touch. The author emphasizes the word formation colloquialism of some lexemes, as well as their occasional use, which determines the specifics of L. Ulitskaya's individual style. The conclusion is made about the general neutralization of colloquial gender vocabulary in the translated German text while its characterological properties remain.

Keywords: gender vocabulary, gender stereotypes, female characters, literary text, L. Ulitskaya, translational correspondences.

Вопросы, связанные с гендерными проявлениями на лексическом уровне языка, находятся сегодня в центре ряда разноплановых лингвистических исследований. В них изучаются особенности формирования гендерно-симметричной лексики [1], рассматривается роль гендерно маркированной лексики в создании текстов рекламы [2], проводится сопоставительный анализ гендерной лексики разных языков. Так, например, описываются лексемы, обозначающие термины родства в русском и китайском языках со стороны формы, семантики и дистрибуции [3], исследуются особенности гендерно-корректного употребления имён существительных, описывающих лиц, в современном немецком языке [4], изучается гендерная дифференциация субстандартной лексики в русско- и англоговорящем социумах [5].

Наряду с этим можно выделить лексикографическое направление гендерной лингвистики. В.А. Ефремов анализирует особенности отражения гендерных стереотипов в русской лексикографии, что «даёт возможность получить информацию о том, какие социальные и психологические нормы и предписания для мужчин и женщин фиксируются в справочном материале...» [6; с. 102]. Создаются словари, включающие в себя маркированную лексику, например, «Толковый словарь названий женщин» Н.П. Колесникова [7], «Словарь гендерно маркированной лексики говоров Среднего Приобья» [8]. Значительный научный интерес представляет также исследование аксиологической характеристики гендерно-маркированной лексики, проведённое на материале «Русского ассоциативного словаря» [9].

А.В. Кирилина отмечает, что «процессы, происходящие в гендерно маркированной лексике, отражают плюралистическую модель гендера в современной России, а также противоположные тенденции в конструировании гендера – глобальную и отечественную» [10; с. 25]: «1) глобальная тенденция к семиотической минимизации/устранению гендерных различий; 2) отечественная тенденция к усилению гендерной дифференциации и гендерной асимметрии» [10; с. 13].

В связи с чем проблема рассмотрения гендерно маркированной лексики в сравнительно-сопоставительном аспекте на примере оригинальной русскоязычной и переводной немецкоязычной художественной прозы представляется весьма актуальной. Основной целью нашей работы было определить, каким образом гендерная отмеченность проявляется на лексическом уровне русского языка при описании женских персонажей и насколько полно она может быть передана при переводе на немецкий язык.

Выбор практического материала – романа Л. Улицкой «Лестница Якова» [11], вышедшего в свет в 2015 году, определяет новизну и оригинальность данной статьи. Перевод романа на немецкий язык был выполнен Ганной-Марией Браунгардт и опубликован двумя годами позже [12].

Полученная методом сплошной выборки гендерная лексика, общим количеством около ста единиц, была разделена на пять основных тематических групп. В ходе лингвистического разбора к работе привлекались такие лексикографические источники, как «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [13] и «Большой толковый словарь современного русского языка» Д.Н. Ушакова [14] (далее – ТСРЯ и БТСРЯ соответственно), а также электронный многоязычный словарь ABBYY Lingvo x6 [15].

Рассмотрим подробнее выявленные тематические группы.

1. Внешность. Данная тематическая группа является самой обширной, нами было выявлено 23 случая использования гендерной лексики при описании внешности героинь исследуемого романа, причём здесь можно выделить два направления: особо подчёркивается либо красота, либо излишняя полнота женщины. Приведём примеры:

Два смутных от пыли портрета юной красотки висели над пианино [11; с. 24].

Zwei staubgetriebene Fotos einer schönen jungen Frau hingen über dem Klavier [12; с. 17].

В переводном варианте основные компоненты значения русской лексемы *красотка* («разг.» «красивая, миловидная девушка, молодая женщина» [14; с. 381], «прост.» «миловидная молодая женщина» [13; с. 304].) передаются немецким субстантивным словосочетанием *eine schöne junge Frau* (красивая молодая женщина), не содержащим, однако, каких-либо разговорных или просторечных коннотаций.

A красива она была – все на неё заглядывались. Может деда её красота раздражала, не знаю [11; с. 192].

Aber sie war schön, alle blickten sich nach ihr um. Vielleicht ärgerte ihre Schönheit deinen Großvater, ich weiß es nicht [12; с. 151].

В данном примере примечателен перевод глагола *заглядываться*, выражающего типичную черту гендерного поведения мужчин относительно красивых женщин и зафиксированного в ТСРЯ с пометой «разг.» [13; с. 201]. Его немецкий эквивалент *umblicken* – «оглянуться, бросить взгляд на кого-либо» [15] не передаёт данной характеристики в полной мере. Здесь также обнаруживается отражение гендерного стереотипа, заключающегося в том, что красота и внешняя привлекательность женщины не приносят ей большого счастья, поскольку при описании этой же героини, Зинаиды Филипповны, находим:

У Зинаиды была несчастливая жизнь... <...> Брак был тяжёлый, супруг тайно, по-домашнему напивался, время от времени её поколачивал... [11; с. 191].

Sinaida hatte ein unglückliches Leben gehabt... <...> Die Ehe war schwierig, der Mann betrank sich zu Hause still und heimlich und schlug seine Frau zuweilen [12; с. 151].

Следует отметить, что полнота и некрасивость женщины описывается на страницах исследуемого романа гораздо более выразительно, и, в целом, подобный тип внешности среди женских персонажей встречается чаще.

... к монументальной, с крошечными глазками и накладной косой украинской соседке... [11; с. 48].

... für die monumentale ukrainische Nachbarin mit den winzigen Augen und dem geflochtenen Zopfkrantz... [12; с. 38].

В данном примере употребление деминутива для характеристики черты лица в сочетании с «монументальностью» фигуры создаёт особый иронический эффект, в немецкоязычной версии этого не наблюдается, существительное *Augen* уменьшительно-ласкательного суффикса не имеет.

Во главе стола сидел Тенгиз, а рядом с ним большая грузная женщина с отвисшей нижней губой, похожая на цыганку [11; с. 246].

Am Kopfende saß Tengis, neben ihm eine große, korpulente Frau mit Hängelippe – sie sah aus wie eine Zigeunerin [12; с. 200].

В данном случае в переводной версии полнота женщины передаётся более мягко и деликатно за счёт использования синонима *korpulent* – «полный, корпулентный» [15] в качестве адекватной замены *грузный*, хотя эквивалент данной лексемы в немецком языке также существует («schwer, schwerfällig» [15]).

Использование абсолютных межъязыковых синонимов как средств перевода среди выявленных нами примеров описания внешности встречается редко. Например:

Эта полноватая девушка с длинными волосами ... [11; с. 592].

Das dickliche Mädchen mit den langen Haaren ... [12; с. 468].

В данном случае прилагательное *полноватая* обладает словообразовательно мотивированной разговорностью, определяемой суффиксом *-оват-*, такой же принцип выражения значения применяется и в переводном эквиваленте *dicklich*.

Важно заметить, что упоминание в исследуемом романе двух героинь, американки Марты и жены Генриха Ирины, постоянно сопровождается описанием их полноты, что делает её их основным характеризующим признаком. Причём Марта, дружелюбная и добросердечная женщина, выступает как исключительно положительный персонаж, и здесь находит отражение стереотип о связи полноты и доброты человека. Рассмотрим примеры её описания:

Огромная, бесформенная, в тренировочном костюме и кроссовках, с деревенским розовым лицом и улыбкой до ушей... [11; с. 387].

Diese riesige, massige Frau in Trainingsanzug und Turnschuhen, mit dem rosigen Gesicht und dem Lächeln übers ganze Gesicht [12; с. 306].

Значение лексем *огромная, бесформенная* довольно точно передаётся с помощью перевода со смещением: *riesig* – «колоссальный, гигантский, исполинский» [15], *massig* – «огромный, громоздкий, массивный» [15], при этом прилагательное *деревенский* в немецкоязычной версии опускается.

Толстуха эта вызывала полнейшую симпатию... [11; с. 350].

Nora mochte diese dicke Riesin auf Anhieb... [12; с. 273].

Лексеме *толстуха* (имеет помету «разг.» в ТСРЯ) в немецкоязычной версии соответствует словосочетание *dicke Riesin* (толстая великанша), образованное путём лексического развёртывания на основе метафорического переноса.

Использование метафорического сравнения присутствует и в ряде других примеров:

Бесформенно-соломенная, как стог, добрая, как сенбернар, с голосом, как у заводной игрушки [11; с. 521].

Unförmig wie ein Heuschaber, gutmütig wie ein Bernhardiner und mit einer Stimme wie ein Aufziehspielzeug [12; с. 420].

Значение лексемы *соломенная* перераспределяется при переводе на существительное *Heuschaber* (ю.-нем., австр. «стог сена» [15]). В остальном же можно отметить использование абсолютных межъязыковых соответствий в качестве переводных эквивалентов. Также и в следующем случае:

Громоздкая шкафообразная Марта... [11; с. 657].

Die plumpe, schrankförmige Martha... [12; с. 534].

При описании внешности ещё одного женского персонажа, чья полнота постоянно подчёркивается, жены Генриха Ирины, также используются метафоры, в первую очередь зооморфные, обладающие, однако, преимущественно негативно-оценочными коннотациями. Что подтверждает существующую тенденцию «использовать гендерно-маркированную лексику в метафорических или иронических конструкциях и часто с отрицательной коннотацией. В то время как гендерно-нейтральная лексика также является нейтральной и по своему коннотативному значению» [16; с. 258]. Например:

Если кому и скажу, то не этой корове... [11; с. 378].

Данное предложение в переводной версии романа опускается.

... распущенная медведица, с расплывчатым носом и мягким подборушником вместо подбородка [11; с. 126].

... sie aber war eine aufgedunsene Bärin mit formloser Nase und wabbeligem Doppelkinn [12; с. 100].

Метафора в приведённом примере переводится абсолютным межъязыковым синонимом немецкого языка. При этом особое внимание привлекает окказиональное существительное *подборушник*, не фиксируемое используемыми нами словарями и обладающее негативной оценочной и яркой сниженной стилистической отмеченностью. При его переводе применяется стилистически нейтральное соответствие *Doppelkinn* («двойной подбородок» [15]).

Индивидуально-авторский стиль Л. Улицкой проявляется также и в следующем примере:

К Норе приехала Генрихова жена, толстая Ириша, в толстых сапогах, с толстыми слезами... [11; с. 378].

Genrichs Frau, die dicke Irina, erschien bei Nora, in dicken Stiefeln, mit dicken Tränen... [12; с. 298].

Повторы прилагательного *толстый* и его окказиональное сочетание с лексемой *слёзы* создают очень яркий образ, точно передаваемый в переводной версии. Однако пренебрежительное отношение к персонажу, усиливаемое в оригинале за счёт уменьшительно-ласкательной формы имени *Ириша*, в немецкоязычном варианте утрачивается.

2. Профессии, род деятельности. Данную тематическую группу составляет весьма обширный пласт гендерной лексики (16 случаев употребления), обладающей ярко выраженной разговорностью, причём словообразовательно обусловленной. В выявленных нами примерах разговорный характер лексических единиц создаётся за счёт использования суффиксов -ичк(а), -к(а), -их(а), -ш(а). Сюда же можно отнести и лексемы, обозначающие женский вариант той или иной профессии, не связанной преимущественно с женским трудом, и не имеющие в русском языке литературных эквивалентов. В немецком языке для образования женского рода обозначений всех профессий и различных видов деятельности применяется суффикс -in, нейтральный по своей стилистической окраске. Вследствие чего происходит нейтрализация разговорности в переводной версии исследуемого романа. Отметим также, что большая часть данной лексики в используемых нами словарях русского языка не фиксируется. Например:

Математичка, время от времени будившая Юрика на уроках математики... [11; с. 436].

Die Mathelehrerin, die Jurik in ihren Stunden hin und wieder wecken musste... [12; с. 348].

Такие медсестрички! [11; с. 380].

Süße Krankenschwestern! [12; с. 300].

В данном примере суффикс -ичк, присоединённый к нейтральной по своей стилистической окраске лексеме *медсестра*, не только способствует созданию эффекта непринуждённого разговора, но и выражает особое отношение говорящего, игривость и фамильярность. В переводе эти коннотации лексемы *Krankenschwestern* не передаёт, они отчасти компенсируются заменой указательного местоимения *такие* на прилагательное *süß*.

... *от кого какая актриска сделала аборт...* [11; с. 14].

... *und welche Schauspielerin wessen Kind abgetrieben hatte...* [12; с. 8].

Присоединение суффикса -ка к нейтральному кодифицированному варианту *актриса* также придаёт дополнительные уничижительные и фамильярные оценочные коннотации, которые в переводной версии отсутствуют.

... *ещё одной фребеличкой на белом свете больше...* [11; с. 326].

... *eine Fröbelianerin mehr auf der Welt ...* [12; с. 253].

Данная лексическая единица была зарегистрирована в первом издании словаря Д.Н. Ушакова с пометой «дореволюц.» и обозначала воспитательниц детей по методу немецкого педагога Фребеля [17], в БТСРЯ и ТСРЯ не фиксируется.

Бабушка <...> *называла себя «беспартийной большевичкой»* [11; с. 22].

Großmutter <...> *nannte sich «eine parteilose Bolschewikin»* [12; с. 15].

Лексема *большевичка* фиксируется в ТСРЯ с пометой «разг.». Её немецкоязычный эквивалент образован путём транслитерации с добавлением суффикса -in.

Сегодняшняя врачиха сказала, что операция не нужна. <...> надо ещё с какой-то профессоршей посоветоваться... [11; с. 374].

Die Ärztin heute hat gesagt, eine Operation sei nicht nötig. <...> sie müsse sich noch mit einer Professorin beraten... [12; с. 294].

Лексема *врачиха* фиксируется в ТСРЯ с пометой «прост.», переводное соответствие *die Ärztin* является нейтральным по стилистической окраске.

3. Материнство (8 примеров). С учётом задач данной работы представляется важным отметить гендерную лексику данной тематической группы, выступающую непосредственно в характерологической функции. Например:

Он никогда не мешал мне, даже и расширил как-то мне жизнь. Материнством. Я не самая лучшая, конечно, мать... [11; с. 390].

Er hat mich nie gestört, nein, er hat mein Leben bereichert [12; с. 308].

В переводной версии романа подчёркивается то значение, которое сыграло материнство в жизни главной героини романа Норы, однако продолжение фразы, содержащее критическую самооценку, переводчица опускает.

Она вся материнская, он добряк совершенно исключительный [11; с. 478].

Sie ist ganz mütterlich, und er ist unglaublich herzlich [12; с. 385].

В данном примере обращает на себя внимание окказиональное употребление прилагательного *материнская*, которое в лексикографических источниках трактуется как «свойственный матери, такой как у матери» [14; с. 432], [13; с. 345]. Использование его в качестве характеристики женщины нетипично и для немецкого языка, однако в переводной версии сохраняется, создавая особый стилистический эффект.

Она <...> воспитывала неразумных мамочек... [11; с. 15].

Sie <...> erzog die unverständigen jungen Mütter... [12; с. 9].

В используемых словарях слово *мамочка* зафиксирована как ласкательное обращение [13; с. 341], с пометой «разг.» в БТСРЯ, также и при обращении к мужчине [14; с. 426]. Однако в данном примере *мамочками* называют неопытных молодых мам, эта семантика передаётся в переводе за счёт словосочетания *jungen Mütter*, но пренебрежительное и несколько фамильярное отношение, свойственное русской лексеме, не сохраняется. Иначе обстоит дело в следующем примере:

Из всех «мамочек» больше всего она любила таких, как Нора – одиноких, первородящих, без материнской подпоры [11; с. 15].

Von allen «Mamas» mochte sie solche wie Nora am liebsten – Erstgebärende, ohne Ehemann, ohne mütterlichen Beistand [12; с. 9].

Здесь употребление немецкого слова «*Mamas*», имеющего помету «ласк.» [15], и обладающего более разговорным, неформальным характером по сравнению с *Mutter*, в значительной степени передаёт все коннотации русской лексики *мамочка*. Этот же переводческий эквивалент используется и в следующем примере:

Мамаши зачастую недалеко от детей ушли в части развитии [11; с. 409].

Die Mamas sind oft in ihrer Entwicklung nicht viel weiter als ihre Kinder. [12; с. 324].

В используемых словарях *мамаша* фиксируется с пометой «прост.» как употребляемое при обращении к пожилой женщине [14; с. 426], [13; с. 341]. В приведённом примере данная лексема имеет ту же семантику, что и *мамочка* в описываемых выше случаях. И выбор варианта перевода представляется весьма логичным и обоснованным.

4. Негативная характеристика. Гендерная лексика, выражающая негативную характеристику женских персонажей довольно разнообразно и широко представлена в исследуемом романе (нами было выявлено 20 случаев употребления). Приведём примеры.

Репутация Норы как распутницы и хулиганки была подтверждена [11; с. 100].

Jedenfalls sahen sie Noras Ruf als sittenlose Unruhestifterin bestätigt [12; с. 76].

В переводной версии семантика гендерной лексики *распутница* (о женщине, предающейся разврату и ведущей распутную жизнь [14; с. 878], [13; с. 662]) оказывается размытой и выражается вследствие частеречной трансформации прилагательным *sittenlos* – «безнравственный» [15]. Лексема *хулиганка* переводится весьма точно, причём немецкое соответствие *Unruhestifter* оказывается стилистически более выразительным, в отличие от русского эквивалента, оно имеет словарную помету «неодобрит.» [15].

Я недоучка, Тенгиз [11; с. 309].

Ich habe nur eine Halbbildung, Tengis [12; с. 239].

Лексема *недоучка* обладает пометой «разг.» и применяется относительно и мужчин, и женщин, недоучившихся и малосведущих [13; с. 405], получивших неполное или случайное образование [14; с. 522]. Данное значение передаётся в переводной версии описательным способом: *eine Halbbildung haben* (иметь недостаточное образование), при этом разговорность, присущая оригиналу, утрачивается.

Весьма часто при негативной характеристике женских персонажей применяется бранная лексика. Например:

Я чёрствая сволочь... [11; с. 25].

Ich bin ein hartherziges Monster [12; с. 18].

Семантика лексики *сволочь*, регистрируемой в словарях с пометами «прост. бран.» и значением «негодяй, мерзавец» [13; с. 705], «дрянной, подлый человек, негодяй» [14; с. 940], в данном примере раскрывается более полно за счёт зависимого прилагательного: героиня даёт себе такую негативную характеристику именно вследствие своей жестокости и бессердечности. В переводном варианте данная особенность передачи семантики сохраняется за счёт использования адекватной замены межъязыковых синонимов *Monster* – «монстр, чудовище» [15], *hartherzig* – «бессердечный, чёрствый» [15].

Чего тебе, Нюра? – прелестная эта идиотка всю жизнь её так звала [11; с. 27].

«Was ist los, Njura?» So nannte diese reizende Idiotin sie schon immer [12; с. 19].

Нет, всё же Ася настоящая идиотка! [11; с. 611].

Nein, Assja ist doch eine richtige Idiotin... [12; с. 486].

Используемая в обоих указанных случаях лексема *идиотка* имеет помету «разг. бран.» во всех используемых лексикографических источниках [13; с. 236], [14; с. 289], её переводной синоним *Idiotin* – «разг. неодобрит.» [15]. Определения *прелестная* и *настоящая*, равно как и их немецкоязычные аналоги *reizende* и *richtige*, являющиеся адекватной заменой, вносят некоторую иронию, определённую долю сарказма в характеристику женских персонажей, смягчая общую негативную оценку.

Также среди выявленных примеров негативной характеристики женских персонажей встречается метафорическая гендерная лексика:

Пусть проглотят эти старые кошёлки... [11; с. 99].

Da werden die alten Schlampen schlucken... [12; с. 75].

В приводимом метафорическом значении лексема *кошёлки* используемыми нами словарями не отмечается. Немецкий аналог *Schlampen* зафиксирован с пометой «разг. неодобрит.» со значением «неряха; женщина лёгкого поведения» [15]. Таким образом, при переводе происходит снятие образности, однако общая стилистическая выразительность остаётся.

И в первом и втором случае мужья отбили комнаты для своих индюшек с детёнышами [11; с. 471].

Beide Male haben Ehemänner mir das Zimmer weggeschnappt, für ihre Puten und ihre Kinder [12; с. 379].

В данном примере можно отметить сохранение метафоричности при негативной характеристике женских персонажей в переводной версии.

5. Позитивная характеристика (14 случаев употребления). В исследуемом нами романе в качестве основной позитивной характеристики женских персонажей, выражаемой гендерной лексикой, можно выделить ум, высокий уровень интеллектуального развития. Рассмотрим примеры.

Но ты же всё понимаешь, умница моя! [11; с. 127].

Das verstehst du doch, mein kluges Mädchen! [12; с. 101].

Имя существительное *умница* используется здесь как ласковое обращение к взрослой женщине, и в этом значении оно фиксируется в БТСРЯ с пометой «разг.» [14; с. 1102]. В немецкоязычной версии наблюдается лексическое развёртывание, переводным соответствием является нейтральное по своей стилистической окраске словосочетание *kluges Mädchen* (умная девочка). Следует отметить, что подобный вариант перевода является типичным и встречается в ряде примеров:

Я рад за твою умную работу (ты у меня всегда умница!) [11; с. 415].

Ich freue mich über deine kluge Arbeit (Du bist immer ein kluges Mädchen!) [12; с. 329].

Иногда умственные и интеллектуальные способности женских персонажей исследуемого произведения описываются метафорически, например:

Туся была кладёзь – всё знала, всех помнила [11; с. 204].

Tussja war für Nora eine wahre Fundgrube – sie wusste alles, erinnerte sich an alle [12; с. 161].

В используемых в работе словарях зафиксировано устойчивое словосочетание *кладёзь премудрости*, причём с пометой «шутл.» [14; с. 348], [13; с. 275]. В тексте романа указанное словосочетание приводится сокращённо, причём без каких-либо шутливых или ироничных коннотаций. При переводе наблюдается лексическое развёртывание, переводной эквивалент *eine wahre Fundgrube* («истинная сокровищница, применительно к культурным и духовным ценностям» [15]), также обладает высоким уровнем образности.

Образное сравнение употребляется и при общей позитивной характеристике женских персонажей.

Марта – чудо из чудес! [11; с. 396].

Marta – Wunder über Wunder! [12; с. 313].

В данном случае обращает на себя внимание использование абсолютного синонима в переводной немецкоязычной версии романа.

Среди выявленных нами примеров общей позитивной характеристики женских персонажей высокой частотностью отличается применение лексемы *баба* в сочетании с зависимым определением.

Ни у одного из его бывших байкерских приятелей не было такой замечательной бабы: красивая, спокойная, образованная и деловая [11; с. 596].

Keiner seiner ehemaligen Biker-Freunde hatte ein solches Klasseweib: hübsch, ruhig, gebildet und tüchtig [12; с. 471].

Приводимое в данном примере значение лексемы *баба*, как о женщине вообще, иногда с пренебрежительным, фамильярными или шутливым оттенком, имеет помету «прост.» в ТСРЯ [13; с. 33], в БТСРЯ регистрируется без каких-либо стилистических помет [14; с. 23]. Оценочное прилагательное *замечательная* передаётся в немецкоязычном варианте компонентом *Klasse-* в составе сложного существительного. Отметим также что немецкое *das Weib* (баба) также фиксируется в словаре с пометами «разг.» «неодобрит.» [15], таким образом можно говорить о сохранении общей стилистической окраски при переводе.

Потрясающая баба... [11; с. 19].

Unglaublich, die Frau [12; с. 12].

В данном случае в качестве переводного эквивалента используется нейтральный по своей стилистической окраске немецкоязычный синоним *die Frau*, однако разговорный характер, содержащийся в русской лексеме *баба*, отчасти компенсируется синтаксически путём вынесения прилагательного *unglaublich* («невероятный, колоссальный» [15]) в препозицию.

Нора остановилась у своей подруги в Северном Манхэттене, славная тётка... [11; с. 696].

Nora wohnte bei ihrer Freundin in Nord-Manhattan, eine tolle Frau [12; с. 568].

В используемых в исследовании словарях лексема *mētka* фиксируется с пометой «прост.» применительно главным образом к пожилой женщине [14; с. 1046], [13; с. 798]. В приведённом выше примере речь идёт о женщине средних лет, то же можно сказать и о переводном соответствии *die Frau*, не передающем, однако, всех стилистических коннотаций в силу своего нейтрального характера.

Среди выявленных нами примеров около 20 случаев употребления гендерной лексики не обладают общими квалификационными признаками, или же составляют совсем незначительные группы в 2-3 единицы, вследствие чего их подробное рассмотрение в данной работе представляется нецелесообразным.

Таким образом, можно сделать вывод, что в исследуемом нами художественном произведении гендерная лексика является одним из ключевых средств характеристики женских персонажей. При этом гендерно маркированные лексические единицы обладают рядом особенностей: высокой образностью и большей частью оценочными и разговорными коннотациями. Использование субстантивной лексики со словообразовательно обусловленным разговорным характером в некоторой степени нивелирует андроцентричность русского языка, проявляемую в обозначениях профессий и рода деятельности женщин. Данная специфика, а также некоторые окказиональные употребления гендерно отмеченных единиц, во многом определяют типичные черты индивидуально-авторского стиля Л. Улицкой.

Для переводной немецкоязычной версии романа показательно сохранение характерологических особенностей гендерно-маркированной лексики, однако, её разговорная отмеченность большей частью не передаётся.

Библиографический список

1. Мифтахова О.В., Хромова А.С. Гендерно симметричная лексика в современном немецком языке // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 4 (35). С. 67-74.
2. Ярошук М.В. Гендерные особенности употребления эмоционально-оценочной лексики в рекламном тексте // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста. 2019. Т. 1. № 4 (12). С. 125-130.
3. Цой Юян. Сопоставительный анализ маркированности гендерной лексики, обозначающей термины родства в русском и китайском языках // Университетский научный журнал. 2018. № 36. С. 254-259.
4. Тимченко Е.И. Проявление гендерного фактора в современном немецком языке // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26. № 2. С. 479-484.
5. Лизенко И.И. Субстандартная лексика в русско- и англоговорящем социумах: гендерная дифференциация // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. № 3(36). С. 181-185.
6. Ефремов В. А. Гендерные стереотипы и русская лексикография // Вестник Новосибирского гос. пед. ун-та. 2016. № 6. С. 100–111.
7. Колесников Н. П. Толковый словарь названий женщин: Более 7000 единиц. М.: АСТ: Астрель, 2002. 608 с.
8. Демешина Т.А., Толстова М.А. Концепция диалектного словаря гендерно маркированной лексики // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. № 3(215). С. 17-24.
9. Герасименко И.Е. Аксиологическая характеристика гендерно маркированной лексики // Глобальный научный потенциал. 2020. № 12(117). С. 217-220.
10. Кирилина А.В. Обозначения гендерно значимой лексики в свете противопоставления глобального и отечественного (по материалам национального корпуса русского языка) // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2(40). С. 12-29.
11. Улицкая Л.Е. Лестница Якова. М.: 2015. 731 с.
12. Ulitzkaja L. Jakobsleiter. München: Karl Hanser Verlag. 2017. 608 S.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2004. 944 с.
14. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2005. 1239 с.
15. ABBYY Lingvo x6 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lingvolive.com/> (дата обращения 10.08.2021).
16. Морозова Е.Н., Тимошилова Т.М., Цыпченко Е.А. Гендерный дискурс и гендерно-маркированная лексика на материалах англоязычного фанфикшн // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 1(40). С. 170-179.
17. Ушаков Д.Н. Толковый словарь. 1935-1940 [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov> (дата обращения 10.08.2021).

References

1. Miftakhova O. V., Khromova A. S. Gender-symmetric vocabulary in the modern German language // Actual issues of modern philology and journalism. 2019. No. 4 (35). pp. 67-74.
2. Yaroshuk M. V. Gender features of the use of emotional and evaluative vocabulary in the advertising text // Linguocultural education in the system of university training of a specialist. 2019. Vol. 1. No. 4 (12). pp. 125-130.
3. Choi Yuyan. Comparative analysis of the marking of gender vocabulary denoting the terms of kinship in the Russian and Chinese languages // University Scientific Journal. 2018. No. 36. pp. 254-259.
4. Timchenko E. I. The manifestation of the gender factor in the modern German language // Bulletin of the Bashkir University. 2021. Vol. 26. No. 2. pp. 479-484.
5. Lizenko I. I. Sub-standard vocabulary in Russian-and English-speaking societies: gender differentiation // Bulletin of the North Caucasus Federal University. 2013. No. 3(36). pp. 181-185.
6. Efremov V. A. Gender stereotypes and Russian lexicography // Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University. 2016. No. 6. pp. 100-111.
7. Kolesnikov N. P. Explanatory dictionary of women's names: More than 7000 units. Moscow: AST: Astrel, 2002. 608 p.
8. Demeshina T. A., Tolstova M. A. The concept of a dialect dictionary of gender-marked vocabulary // Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. 2021. № 3(215). P. 17-24.
9. Gerasimenko I. E. Axiological characteristics of gender marked vocabulary // Global scientific potential. 2020. No. 12(117). P. 217-220.
10. Kirilin, A. V. Denote gender important vocabulary in the light of the opposition of global and domestic (the national corpus of the Russian language) // Questions of psycholinguistics. 2019. No. 2(40). pp. 12-29.
11. Ulitskaya L. E. Jacob's Ladder. Moscow. 2015. 731 p.
12. Ulitzkaja L. Jakobsleiter. München: Karl Hanser Verlag. 2017. 608 S.
13. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: A TEMP, 2004. 944 p.
14. Ushakov D.N. Big explanatory dictionary of the modern Russian language. Moscow: Alta-Print, 2005. 1239 p.
15. ABBYY Lingvo x6 [Internet source]. URL: <https://www.lingvolive.com/> (Date of access:10.08.2021).
16. Morozova E N., Timoshilova T. M., Tsypchenko E. A. Gender discourse and gender marked vocabulary based on the materials of English-language fanfiction // Language theory and intercultural communication. 2021. No. 1(40). pp. 170-179.
17. Ushakov D.N. Explanatory dictionary. 1935-1940 [Internet source]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov> (Date of access: 10.08.2021).

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.80.99.004

Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского
Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Института филологии
Кувшинов Ф.В.,
Россия, г. Липецк,
тел.: +7(952)5999558
e-mail: f.kuv@yandex.ru

Lipetsk State Pedagogical University

Doctor of Philology, Associate professor, Professor of the Department of Russian language and Literature of the Institute of Philology
Kuvshinov F.V.,
Russia, Lipetsk,
tel.: +7(952)5999558
e-mail: f.kuv@yandex.ru

Ф.В. Кувшинов

Н.А. ЗАБОЛОЦКИЙ И Н.М. ОЛЕЙНИКОВ В КРУГУ ОБЭРИУТОВ/ ЧИНАРЕЙ

Н.А. Заболоцкий и Н.М. Олейников входили в один и тот же литературный круг и сотрудничали в рамках одних и тех же детских журналов. Оба являлись постоянными участниками бесед внелитературной и неофициальной группы «чинари». Несмотря на то, что они никогда не состояли в тесных дружеских отношениях, они оказались гораздо ближе друг другу в экзистенциальном плане. Обоих поэтов помимо общих для обэриутов поэтических принципов роднит и литературная судьба. Выходцы из провинции — они оказались в ленинградской творческой интеллигентской среде, которая, с одной стороны, была им чужда, с другой, манила к себе. Участие в какой-либо группе (официальной, ОБЭРИУ, или неофициальной — «чинари») было обязательным условием для вхождения в эту среду и обретения в ней статуса «своего». Особенно для обоих поэтов это было актуальным в свете избавления от комплекса провинциала. При этом подобная инкорпорация оказывала на них сковывающее влияние. Оба поэта всю свою жизнь стремились к обретению самостоятельного голоса и поэтической поэмы. Не случайно Олейников мечтал о собственном, независимом от чьего-либо мнения, литературном журнале, а Заболоцкий вошел в русскую литературу не только и не столько как участник ОБЭРИУ, сколько как «самостоятельный» поэт. При этом он первым из обэриутов обрел признание как литератор еще при жизни. Неслучайным в этом свете предстает и их обоюдная приверженность классической русской литературе.

Ключевые слова: Заболоцкий, Олейников, ОБЭРИУ, чинари, литературный быт, литературный Ленинград.

F.V. Kuvshinov

N.A. ZABOLOTSKY AND N.M. OLEYNIKOV IN THE CIRCLE OF OBERIUTS/CHINARYS

N.A. Zabolotsky and N.M. Oleynikov were part of the same literary circle and collaborated on the same children's magazines. Both were regular participants of the informal extraliterary group "chinary". Despite the fact that they never were close friends, they turned out to be existentially similar. In addition to the poetic principles the Oberiuts adhered to, both poets also share a similar literary destiny. Coming from the province, they found themselves in the Leningrad intelligentsia environment, which, on the one hand, was alien to them, but, on the other hand, beckoned them. Participation in a literary group (official, OBERIU, or unofficial — "chinary") was a prerequisite for entering this environment and becoming "one of their own". It was especially important for the poets to rid themselves of the "provincial man" complex. At the same time, such a transformation stunted their growth. Both poets spent their whole lives striving to acquire an independent voice and poetic style. It is no coincidence that Oleynikov dreamed of creating his own literary magazine, independent of anyone's opinion, and Zabolotsky is known in Russian literature not only as a member of OBERIU, but as an "independent" poet. At the same time, he was the first one of the Oberiuts to gain recognition as a writer in his lifetime. In this light their commitment to classical Russian literature shows clearly.

Key words: Zabolotsky, Oleynikov, OBERIU, chinary, literary life, literary Leningrad.

Последняя авангардная литературная группа в довоенном Советском Союзе – ОБЭРИУ – вошла в историю как объединение, которое парадоксальным образом традиционно противопоставляется одному из его же участников и основателей, Николаю Алексеевичу Заболоцкому (1903 – 1958). При этом манифест ОБЭРИУ («Общественное лицо ОБЭРИУ», 1928), состоящий из четырех частей, посвященных общей декларации художественного метода обэриутов, их поэзии, кинематографу и театру, основной своей частью – поэтической и методологической – обязан именно Заболоцкому [1; с. 882]. Это противопоставление становится еще очевиднее в случае с «поздним» Заболоцким, когда его поэзия обрела более классические формы. Однако в литературной группе обэриутов и близкой к ней философско-литературной группе чинарей Заболоцкий изначально смотрелся «посторонним» (один из участников группы – Я.С. Друскин – к чинарям относил Д.И. Хармса, А.И. Введенского, Н.М. Олейникова, Л.С. Липавского и себя [2; с. 549]). При этом «официально» чинарями себя, подписывая свои стихотворения, называли только Хармс («чинарь-взиральник») и Введенский («чинарь авто-ритет бессмыслицы»). На это в свое время указала еще А. Стоун-Нахимовская [3; с. 10]. О терминах «обэриуты» и «чинари» см., например: [4; 5; 6]). Это касалось, прежде всего, жизненных ориентиров, системы ценностей. Вместе с тем еще один поэт, разделявший поэтические и философские принципы обэриутов и входивший в круг чинарей – Николай Макарович Олейников (1898 – 1937) – так же стоял несколько особняком среди своих товарищей. Парадоксально, но два поэта, состоявших не в очень тесных дружеских отношениях, оказались гораздо ближе друг к другу и в плане литературном, и в плане экзистенциальном.

Среди обэриутов Заболоцкий выделялся, прежде всего, манерой поведения: его сдержанность не раз отмечалась современниками. В сборнике воспоминаний о поэте такие черты его характера, как серьезность, вдумчивость, даже некоторая степенность подчеркиваются неоднократно. Так, М. Касьянов писал о том, что уже с юных лет поэта отличали «серьезность и склонность к философскому осмыслению жизни» [7; с. 32]. И.В. Бахтерев противопоставлял «нервной переменчивости» и «иррациональным неожиданностям» Даниила Хармса «последовательность, уравновешенность, размеренность определенности» [8; с. 59] всегда «выдержанного» [8; с. 84] Заболоцкого. Многие единодушно отмечали самоуглубленность и скромность поэта: «Ничего нарочито поэтического, или божественного, или экзотического в этом лице и в сдержанных манерах <...> не было» [9; с. 124]. Да и вообще, по признанию И.М. Синельникова: «Заболоцкий <...> с самого начала стоял несколько особняком от остальных обэриутов» [10; с. 118].

Крепкая дружба между сдержанным Заболоцким и артистичным и эпатажирующим публику Хармсом продолжалась несколько лет, но потом, к середине 1930-х, отношения между Заболоцким и остальными обэриутами, в том числе, и Хармсом, охладились. По выражению Игоря Бахтерева, еще одного обэриута, «естественная для всех нас формулировка “мы” приобрела продолжение: “и Заболоцкий...”» [8; с. 65]. Сам Бахтерев объяснил это эволюцией эстетических взглядов поэта, в основе которой лежало стремление «к полному контакту с живым, невыдуманным миром». Следуя этой логике, именно уход от алогизма, обэриутской литературной игры, развел бывших друзей. В какой-то степени Бахтерев прав: поэзия Заболоцкого после «Столбцов» (1929) становится не только более философской, но и более социально злободневной.

В отличие от своих друзей Заболоцкий, действительно, больше интересовался событиями, связанными не только с миром искусства. В том числе, и происходившими, например, в советской деревне. Возможно, именно крестьянские корни Заболоцкого не позволили ему закрыть глаза на происходившее в ней с началом коллективизации и вывели его за городскую тематику («Столбцы»), подтолкнув к созданию «Торжества земледелия» (1929).

И вместе с тем утверждать, что Заболоцкий отошел от поэтических принципов, сближавших его с другими участниками ОБЭРИУ, что и стало причиной разрыва в их отношениях, было бы неоправданно. Здесь правильнее говорить о его верности классической поэзии (или, по крайней мере, ориентации на нее), с одной стороны, и некоей изначальной чужеродности ленинградской интеллигенции.

В этом плане характерно воспоминание Л.Я. Гинзбург о восприятии Заболоцким А.А. Блока: «<...> в 1933 году Заболоцкий отвергал Пастернака и Мандельштама. Это бормотание, утверждал он, в искусстве надо говорить определенные вещи. Не нужен и Блок (этот петербургский *интеллигент*)» [выделено нами – Ф.К.] [11; с. 147]. К слову, сложное отношение обэриутов к Б.Л. Пастернаку во многом было обусловлено, по мнению А.Б. Устинова, его «признанием на высшем номенклатурном уровне», что было воспринято, в частности, Д.И. Хармсом «как непозволительное явление советского литературного “мейнстрима, достойное разве что функционеров Союза писателей СССР, но никак не поэта» [12; с. 209].

И, действительно, не стоит забывать тот факт, что Заболоцкий попал в окружение к петербуржцам: Д.И. Хармс, А.И. Введенский, И.В. Бахтерев, Ю.Д. Владимиров, А.В. Разумовский, К.К. Вагинов. Лишь Ни-

колай Олейников, выходец из донских казаков, мог составить своеобразную «пару» Заболоцкому, выходящую из среды, близкой крестьянской (дед-крестьянин автора «Столбцов» отдал его отца в обучение на агронома).

Николай Олейников был также настороженно настроен по отношению к интеллигенции. В воспоминаниях о нем Гинзбург цитирует собственную дневниковую запись, сделанную в марте 1933 года. Характеристика, которую она дает поэту, представляет его как человека «лишнего» в ленинградской интеллигентской среде: «Олейников один из самых умных людей, каких мне случалось видеть. <...> но при этом ум его и поведение как-то иначе устроены, чем у большинства из нас; нет у него староинтеллигентского наследия» [13; с. 5].

Лидия Гинзбург — одна из наиболее вдумчивых и корректных в своих оценках современниц Заболоцкого и Олейникова — в воспоминаниях, которые из-за тонкого психологизма и точного аналитического разбора далеко выходят за рамки этого жанра, указала на близость между поэтами в области тематики (неприятие мещанства) и поэтики («гротескное, издевательское словоупотребление» [11; с. 149]). В отношении последнего замечания интересна позиция Л.М. Геллера, противопоставившего Заболоцкого и Олейникова другим обэриутам («Заболоцкий, Олейников, Вагинов определяют полюс гротеска, а Хармс и Введенский — абсурда» [14; с. 104]). Но можно говорить еще о двух моментах, сближающих этих поэтов. В первую очередь, это их боязнь прослыть провинциалами, а во вторую, их общая верность классике.

Разговор о провинциализме носил в кружке чинарей проблемный характер. Л.С. Липавский, оставивший документальные записи их бесед («Разговоры», 1934) и сделал примечательное замечание относительно почитаемого чинарями/обэриутами Велимира Хлебникова: «Он первый почувствовал геометрический смысл слова, но эту геометрию он понял по учебнику Киселева. На нем навсегда остался отпечаток провинциализма, мудрствования самоучки... Между тем он первый увидел и стиль для вновь открывшихся вещей: стиль не только искусства или науки, но стиль мудрости» [15; с. 187].

В этом контексте занимателен ответ Олейникова на предложение Я.С. Друскина заниматься поэту тематикой (одно из его постоянных увлечений) самостоятельно: «Н.М. [Николай Олейников. — Ф.К.]: Это не то, вы не будете среди людей, которые этим занимаются. Не будет уверенности, что вы в курсе. Да и действительно вы не будете в курсе, потому что не будете участвовать в разговорах. Вы окажетесь провинциалом. Так же как в литературе печатаются только знакомые редакторов, так и в науке могут работать только те, кто связаны между собой, входят в группу. Пришлите по почте что угодно в любой журнал, этого даже не прочтут» [15; с. 224].

Показательно, что другие обэриуты — петербуржцы — не забывали о происхождении своих друзей. Так, Александр Введенский в «Разговорах» сделал важное в контексте темы замечание: «Н. М. — человек новой эпохи, но это, как говорят *про крестьян*, темный человек» [выделено нами — Ф.К.] [15; с. 189].

Но еще более точным, нежели Л.Я. Гинзбург («нет у него староинтеллигентского наследия»), был Даниил Хармс, который сделал следующее замечание об Олейникове: «В нем нечто мужицкое, и *потому он так чуток к этому в людях, так ненавидит это*. Он из нас самый русский, может быть даже по крови» [15; с. 232; выделено нами — Ф.К.]. В своих же записных книжках за 9 января 1935 года Хармс еще более резок: «Противно зависеть от настроения зазнавшегося хама Олейникова» [16; с. 122].

Неприятие провинции было присуще и Заболоцкому, который старательно отмежевывался от всякого намека на то, что сам он — родом именно из провинции: «Н. А. [Николай Заболоцкий. — Ф.К.]: Я тут познакомился с одним человеком, и он мне даже нравился, пока я не узнал, что его любимая картина “Какой простор!” [картина И.Е. Репина, написанная в 1903 году, — Ф.К.]. В этой картине весь провинциализм, неопрятность и бездарность старого русского студенчества с его никчемной жизнью и никчемными песнями» [15; с. 245].

Вместе с тем, в тех же «Разговорах» примечательно высказывание Заболоцкого, которое вполне обнаруживает в нем определенный налет провинциализма. В ходе беседы о старости (один из постоянных мотивов в поэзии обэриутов) он делает неожиданное замечание после упоминания о немцах: «Н.А. (возмущенно): Немцы! У них вообще сплошное безобразие. Там, например, Тельман сидит уже который месяц в тюрьме. Можно ли это представить у нас?...» [15; с. 213].

Демонстрация знания политической новостной повестки (принципиально чуждой чинарям), думается, является не более чем желанием провинциала показать, что он сведущ в общественных вопросах, что он «включен» в столичную жизнь. В этом же духе, видимо, следует понимать и возмущенный тон Заболоцкого. С другой стороны, Липавский зафиксировал это высказывание Заболоцкого тоже, видимо, не случайно. Именно Липавский отразил ироничное отношение к Заболоцкому: «Его поэзия — усилие слепого человека, открывающего глаза. В этом его тема и величие. Когда же он делает вид, что глаза уже открыты, получается плохо» [15; с. 207]. Интересно, Друскин, в первой публикации своих воспоминаний «Чинари», позже смягченных редакцией Л.С. Друскиной [17] передал по памяти слова Липавского в более жесткой версии, оче-

видно, добавив от себя: «Уже осенью 1926 г. у нас (Введенского, Липавского и меня, а позже также и у Хармса и Олейникова) возникли серьезные теоретические расхождения с Николаем Алексеевичем. <...> Липавский как-то сказал о нем: он велик, когда смотрит на мир, как человек, впервые чуть приоткрывший свои глаза. Когда же он делает вид, что открыл глаза, а это стало сразу же после “Столбцов”, – он жалок. Помимо того, неумны и неприятны в его творчестве до 1933 г. постоянные поучения. А потом наступил традиционный трафарет, что нам было абсолютно чуждо» [18; с. 398].

Еще одним способом избежать житейского провинциализма можно было за счет вхождения в какую-либо литературную группу. Однако это несло не только положительный результат. Участие в группе поэтам, стремившимся к самостоятельности, скорее, мешало. Не случайно Заболоцкий так легко освободился от «обэриутства». По большому счету оно ему именно как поэту было не нужно. ОБЭРИУ было группой, участие в которой являлось одним из необходимых условий литературной жизни той эпохи. Сложнее было Олейникову, которому Б.П. Куликов и Л.В. Лосев вообще отказали в обэриутстве («Олейников издал уйму детских книжек, что внешне роднило его с “обэриутами”. Но как и “сказочник” Е. Шварц, Олейников не был обэриутом» [19; с. 64]). В данном случае речь идет не только о непрямом участии в собраниях обэриутов. Более того, от публичного выступления на одном из таких собраний Олейников отказался без всяких сомнений, аргументируя это более чем убедительно: по воспоминаниям Игоря Бахтерева именно партийная принадлежность Олейникова не позволила ему принять участие на вечере В.В. Маяковского, который состоялся 29 сентября 1928 года в Ленинграде. Бахтерев в воспоминаниях использовал довольно аккуратную формулировку отказа: «На следующий день семь обэриутов стояли на эстраде Капеллы (восьмой – Олейников – по служебно-дипломатическим соображениям выйти на эстраду отказался). Произнести декларацию с короткими примерами обэриутского творчества было поручено Введенскому» [20; с. 155].

Понятно, почему поэт, вступивший в ряды РКП(б) еще в 1920 году, отказался от совместного публичного выступления с обэриутами, на которых посыпалась яростная критика сразу после первого их выхода к слушателям, и которая ни разу не изменила свой тон. При том, что на дворе стоял еще вполне безопасный 1928-ой, а не 1937 год, Олейников, человек с большим жизненным опытом, тонко чувствовал ситуацию, которая с началом «великого перелома» стала стремительно обостряться: зимой 1931 года Хармс и Введенский были арестованы.

Входя в несколько групп (официально в нелитературную группу чинарей, неофициально в литературную обэриутов, официально – в внелитературную – ВКП(б)), Олейников, возможно, тяготился условностями, которые неизменно накладываются в таком случае на человека. Показательно в этом отношении желание поэта погрузиться в литературную работу в границах *собственного* журнала, мечты о котором были известны остальным чинарям:

«Н. М. сказал: Меня интересует <...> журналы» [15; с. 174];

«Д. Х. [Даниил Хармс. – Ф.К.]: Нам бы нужен был наш журнал, особенно для Н. М.» [15; с. 198];

«Н. А.: Д. Х., например, нужен театр; Н. М. свой журнал» [15; с. 252].

Поэтическая судьба Олейникова и Заболоцкого не сравнима. Один поэт долгие годы был неизвестен взрослому читателю. Другой при жизни познал славу. Один погиб во время репрессий, другому удалось их пережить. Один вошел в читательское сознание, в первую очередь, как автор шуточных посланий и детский поэт, другой – как поэт-философ. И если первые два положения определяются как металитературные, то последнее представляет собой очевидное проблемное поле. С одной стороны, «серьезный» Заболоцкий предстает как автор многочисленных шуточных стихов, экспромтов и «стихов на случай», автор ряда стихотворений для детей; с другой стороны, Олейников выступает как создатель философских поэм, как поэт с особым лирическим звучанием. Можно предположить, что и Заболоцкий, и Олейников стремились к обретению собственного поэтического голоса, вне рамок, устанавливаемых принципами какой-либо литературной или внелитературной группы.

Библиографический список

1. Лошников И.Е. Комментарий // Заболоцкий Н.А. Метаморфозы. М: ОГИ, 2014. С. 793-930.
2. Друскин Я.С. Звезда бессмыслицы // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс. Н. Олейников: «Чинари» в текстах, док. и исслед.: в 2 т. М.: Ладомир, 2000. Т. 1. С. 549-642.
3. Stone-Nakhimovsky A. Laughter in the Void. An introduction to the writings of Daniil Kharms and Alexander Vvedenskii // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 5. Wien, 1982. 191 p.
4. Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда. СПб.: Академический проект, 1995. 471 с.

5. Дмитренко А. Л., Сажин В. Н. Краткая история чинарей // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс. Н. Олейников: «Чинари» в текстах, док. и исслед. М.: Ладомир, 2000. Т. 1. С. 5-45.
6. Сажин В.Н. Обэриуты, чинари... Мания классификации, или так делается наука // Русская литература. 2009. № 2. С. 52-59.
7. Касьянов М. О юности поэта // Воспоминания о Н. Заболоцком. М.: Советский писатель, 1984. С. 31-43.
8. Бахтерев И. Когда мы были молодыми (Невыдуманный рассказ) // Воспоминания о Н. Заболоцком. М.: Советский писатель, 1984. С. 57-100.
9. Максимов Д. Заболоцкий (Об одной давней встрече) // Воспоминания о Н. Заболоцком. М.: Советский писатель, 1984. С. 121-135.
10. Синельников И. Молодой Заболоцкий // Воспоминания о Н. Заболоцком. М.: Советский писатель, 1984. С. 101-120.
11. Гинзбург Л. Заболоцкий конца двадцатых годов // Воспоминания о Н. Заболоцком. М.: Советский писатель, 1984. С. 145-156.
12. Устинов А.Б. «Чинари» в дневниках Михаила Кузмина // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 200-252.
13. Гинзбург Л. Николай Олейников // Олейников Н. Пучина страстей: Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1991. С. 5-25.
14. Геллер Л. Из древнего в новое и обратно: О гротеске и кое-что о сэре Джоне Рескине // Абсурд и вокруг: Сборник статей. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 92-134.
15. Липавский Л.С. Разговоры // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». Л. Липавский, А. Введенский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «Чинари» в текстах, док. и исслед. М.: Ладомир, 2000. Т. 1. С. 174-253.
16. Хармс Д.И. Записные книжки. Дневник: В 2 кн. Кн. 2. СПб.: Академический проект, 2002. 416 с.
17. Друскин Я.С. Чинари // Аврора. № 6. 1989. С. 103-115.
18. Друскин Я.С. Чинари // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 15. 1985. S. 381-403.
19. Куликов Б.П., Лосев Л.В. Николай Олейников: поэт трагического гротеска // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: литературоведение. Реферативный информационно-аналитический журнал. 1996. № 2. С. 63-70.
20. Бахтерев И. В. Из цикла «Встречи» // Даниил Хармс глазами современников: Воспоминания, дневники, письма. СПб.: Вита-Нова, 2019. С. 152-155.

References

1. Loschilov I.E. Comment // Zabolotsky N.A. Metamorphoses. M.: OGI, 2014. P. 793-930.
2. Druskin Y.S. Star of Nonsense // "...A gathering of friends abandoned by fate." A. Vvedensky, L. Lipavsky, Y. Druskin, D. Kharms. N. Oleinikov: "Chinary" in texts, doc. and research: in 2 volumes. M.: Lodomir, 2000. T. 1. P. 549-642.
3. Stone-Nakhimovsky A. Laughter in the Void. An introduction to the writings of Daniil Kharms and Alexander Vvedenskii // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 5. Wien, 1982. 191 p.
4. Jaccard J.-Ph. Daniil Kharms and the end of the Russian avant-garde. St. Petersburg: Academic Project, 1995. 471 p.
5. Dmitrenko A. L., Sazhin V. N. A brief history of chinaries // "...A gathering of friends abandoned by fate." A. Vvedensky, L. Lipavsky, Y. Druskin, D. Kharms. N. Oleinikov: "Chinary" in texts, doc. and research M.: Lodomir, 2000. T. 1. P. 5-45.
6. Sazhin V.N. Oberiuts, chinary... Mania for classification, or this is how science is done // Russian literature. 2009. №. 2. P. 52-59.
7. Kasyanov M. About the poet's youth // Memoirs of N. Zabolotsky. M.: Soviet writer, 1984. P. 31-43.
8. Bakhterev I. When we were young (Non-fictional story) // Memoirs of N. Zabolotsky. M.: Soviet writer, 1984. P. 57-100.
9. Maksimov D. Zabolotsky (About one old meeting) // Memories of N. Zabolotsky. M.: Soviet writer, 1984. P. 121-135.
10. Sinelnikov I. Young Zabolotsky // Memories of N. Zabolotsky. M.: Soviet writer, 1984. P. 101-120.
11. Ginzburg L. Zabolotsky of the late twenties // Memoirs of N. Zabolotsky. M.: Soviet writer, 1984. P. 145-156.
12. Ustinov A.B. "Chinary" in the diaries of Mikhail Kuzmin // Literary fact. 2021. №. 1 (19). P. 200-252.
13. Ginzburg L. Nikolai Oleinikov // Oleinikov N. The abyss of passions: Poems and poems. L.: Soviet writer, 1991. P. 5-25.
14. Geller L. From the ancient to the new and back: About the grotesque and something about Sir John Ruskin // Absurdity and around: Collection of articles. M.: Languages of Slavic Culture, 2004. P. 92-134.
15. Lipavsky L.S. Conversations // "...A gathering of friends abandoned by fate." L. Lipavsky, A. Vvedensky, Y. Druskin, D. Kharms, N. Oleynikov: "Chinary" in texts, doc. and research M.: Lodomir, 2000. T. 1. P. 174-253.
16. Kharms D.I. Notebooks. Diary: In 2 books. Book 2. St. Petersburg: Academic project, 2002. 416 p.
17. Druskin Y.S. Chinary // Aurora. №. 6. 1989. P. 103-115.
18. Druskin Y.S. Chinary // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 15. 1985. S. 381-403.
19. Kulikov B.P., Losev L.V. Nikolai Oleinikov: poet of the tragic grotesque // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and foreign literature. Series 7: literary criticism. Abstract information and analytical journal. 1996. №. 2. P. 63-70.
20. Bakhterev I.V. From the series "Meetings" // Daniil Kharms through the eyes of his contemporaries: Memoirs, diaries, letters. St. Petersburg: Vita-Nova, 2019. P. 152-155.

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.20.27.005

*Северо-Кавказский федеральный университет
доктор филологических наук, профессор кафедр
ры отечественной и мировой литературы Иванова И.Н.*

Россия, г. Ставрополь,

тел. +7-918-747-0194

e-mail: ivanovairinna@mail.ru

*Северо-Кавказский федеральный университет
доктор филологических наук, заведующий ка-
федрой отечественной и мировой литературы
Серебряков А.А.*

Россия, г. Ставрополь,

тел. +7-905-441-8981

e-mail: aasereb@mail.ru

North-Caucasus Federal University

Doctor of Philology, Professor

of the Department of Russian and World Literature

Ivanova I.N.

Russia, Stavropol,

tel. +7-918-747-0194

e-mail: ivanovairinna@mail.ru

North-Caucasus Federal University

Doctor of Philology,

Head of the Department of Russian and World Literature

Serebriakov A.A.

Russia, Stavropol,

tel. +7-905-441-8981

e-mail: aasereb@mail.ru

И.Н. Иванова, А.А. Серебряков

СЛОВО В ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЙ СИСТЕМЕ ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА

Целью представленной статьи является описание пелевинской философии слова и языка на материале поздних романов писателя - «iPhuck 10» (2017), «Тайные виды на гору Фудзи» (2018) и «Искусство легких касаний» (2019) - с учетом контекста постмодернистской философии. Отмечается, что язык, слово в художественном мире Пелевина занимают центральное место. Метаповествовательные стратегии писателя направлены на разоблачение самого понятия «реальность» и любой популярной аксиологии. В статье используется сравнительно-сопоставительный метод, мотивный анализ с компонентами компьютерного кода, поскольку мотив слова, языка (дискурса, нарратива) неизменно присутствует в текстах Пелевина. Актуальность работы авторы видят в выявлении полемических несоответствий философии языка Пелевина с концептуальными положениями французских философов - Фуко, Деррида, Бодрийяра, идеи которых эксплицитно и имплицитно присутствуют в пелевинском тексте в виде цитат, аллюзий, непосредственных упоминаний, в трактовке распространенного понятия Бодрийяра «симулякр». Обнажая механизмы управления сознанием и языком человека, абсолютно уверенного в собственной идентичности и владении языком, который в действительности «владеет» самим субъектом, Пелевин строит собственную философию языка, в которой слово тоже симулякр, лишенный денотата. Слово в текстах Пелевина одновременно ощущает всемогущество и тотальную пустоту, неукорененность в бытии и онтологическую безответственность. Человек оказывается в плену у нарративов; всем правит так называемый нарративный ум, подменяющий собой реальность мира, заставляющий индивида фактически жить не в мире, а в нарративе. Слово в поисках собственного означаемого, человек в поисках большого смысла и в осознании невозможности этого смысла – магистральная тема Пелевина.

Ключевые слова: современная российская проза, аксиологический потенциал, Пелевин, Бодрийяр, постмодернизм, философия языка, дискурс, симулякр, нарратив

I.N. Ivanova, A.A. Serebriakov

THE WORD IN THE ARTISTIC AND PHILOSOPHICAL SYSTEM OF VICTOR PELEVIN

The authors see the relevance of the work in identifying polemical inconsistencies between Pelevin's philosophy of language and the conceptual statements of French philosophers - Foucault, Derrida, Baudrillard whose ideas are explicitly and implicitly present in Pelevin's text in the form of quotations, allusions, direct references, in the interpretation of Baudrillard's wide-

spread concept of "simulacrum". Exposing the mechanisms of controlling consciousness and language of the man who is absolutely confident in his own identity and command of the language, which in fact "owns" the subject itself, Pelevin builds up his own philosophy of language in which the word is also a simulacrum, devoid of denotation. The word in Pelevin's texts simultaneously perceives omnipotence and total emptiness, unrootedness in being and ontological irresponsibility. Man turns out to be captured by narratives, everything is ruled by the so-called narrative mind which replaces the reality of the world and forces the individual to actually live not in the world, but in the narrative. The word in search of its own denotation, a person in search of a great meaning and in understanding of this meaning impossibility is Pelevin's main theme.

Keywords: modern Russian prose, axiological potential, Pelevin, Baudrillard, postmodernism, philosophy of language, discourse, simulacrum, narrative

В современной русской литературе Виктор Пелевин, безусловно, принадлежит к писателям первого ряда, имеет широкую читательскую аудиторию, своего адресата, устойчивую репутацию в самых разных общественных слоях. Однако творчество и творческая индивидуальность В. Пелевина и поныне вызывают полемические споры, дискуссии и совершенно противоположные оценки многих литературоведов и критиков [1; с. 5-6; 2; с. 9]. Олицетворяя в сознании современных читателей и исследователей «постмодернизм» (наряду с Владимиром Сорокиным), В.Пелевин открывает новые содержательные аспекты в самой парадигме постмодернизма, меняет само представление о художественной литературе, о роли, месте и цели писателя в современном литературном процессе. Блестящий диагност современности, один из наиболее успешных и влиятельных интеллектуалов России, Пелевин, безусловно, создал свой уникальный и узнаваемый с первых страниц авторский мир. Признанный классик постмодернизма, иллюстрирующий своими текстами любой из постмодернистских постулатов, писатель, тем не менее, находится в сложном диалоге с постмодернистской и постструктуралистской эстетикой, подтверждая свою принадлежность к этой парадигме и одновременно пародируя и опровергая ее аксиомы. По мнению немецкого исследователя А. Ташинского, содержащееся в художественных текстах Пелевина отношение к постмодернизму (в литературе и философии) «ни в коем случае нельзя назвать утвердительным» - «Obwohl Pelevin des Oefteren zur Postmoderne gerechnet wird ..., ist seine Haltung zum postmodernen Denken (in der Literatur und in der Philosophie), die in seinen Werken vermittelt wird, keineswegs als affirmative zu bezeichnen» [2; с. 30]. И если пелевинские тексты 90-х годов XX века действительно формировали канон постмодернизма [См.: 1; с. 25; 3; с. 11], то более поздние его романы - «iPhuck 10» (2017), «Тайные виды на гору Фудзи» (2018), «Искусство легких касаний» (2019) - представляют собой иной тип «художественного произведения», ставящий под сомнение или заставляющий расширить границы самого понятия «художественность», демонстрирующий тенденцию к преодолению навязываемых социумом и литературной традицией морально-нравственных паттернов и углубляющий аксиологический потенциал литературы.

Актуальность произведений прозаика проявляется в их тематическом, сюжетном, жанровом, этико-философском многообразии. Количество посвященных творчеству В.О. Пелевина исследований трудно обозримо, а содержащиеся в них оценки противоречивы [2; с. 9-10].

На наш взгляд, в современном отечественном и зарубежном литературоведении сформировалась отчетливая потребность в создании междисциплинарных исследовательских монографических, диссертационных работ, касающихся различных аспектов художественного творчества и философии Пелевина. В центре внимания ученых оказываются динамика отношений писателя с модернизмом и постмодернизмом, поп-артом, с массовой и элитарной культурой, литературные стратегии, психоаналитические практики в романах и повестях писателя [1]; концепции реконфигурации истории, онтологической амбивалентности, аутоотличности языка в произведениях Пелевина [3]; проблемы воплощения социально-философских аспектов в художественных текстах Пелевина с учетом особой эстетической роли мотивов восточной философии [4]. Одним из наиболее содержательных исследований философско-литературоведческого дискурса писателя является магистерская диссертация немецкого филолога-русиста А. Ташинского о философии, языке и субъективности в «Священной книге оборотня» [2] в сравнении с языковой субъективностью Лакана и Деррида. Стремлением к обобщению многолетних философско-литературоведческих изысканий отличается монография современной американской исследовательницы С. Каги «Pelevin and unfreedom: poetics, politics, metaphysics» (2021) [5], в которой автор названиями глав актуализирует значимые для творчества Пелевина философско-эстетические проблемы: «Language Games», «Can Digital Men Think?», «The Total Art of Irony». Стремление выявить мировоззренческие основы прозы Пелевина характерно для исследований Г.В. Заломкиной, показавшей значимость «онтологической саморефлексии», «метаповествова-

тельной составляющей», «тотальность симулякризации» в философско-эстетических взглядах писателя [6; с. 168; 7; с. 199, 200].

Объектом научного интереса становились мифопоэтические аспекты пелевинской прозы, жанрово-тематическая рецепция и трансформация русской классики [8], соотношение советской и постсоветской реальностей. Как оригинальная языковая личность, В. Пелевин на протяжении всей своей творческой деятельности привлекал внимание лингвистов языковыми новациями. Так, Н.А. Купина, обоснованно подчеркивая, что «философский взгляд на мир, пропущенный сквозь призму языка, тесно связан с жанровой формой произведения», видит в лингвистической концепции В. Пелевина продолжение и развитие «лингвистической философии Е. Замятина и А. Платонова» [9; с. 384, 385]. Е.Н. Широкова, на материале романа «S.N.U.F.F.», констатирует, что писатель, предполагая разноуровневые тенденции развития русского языка, «делает язык объектом изображения» [10; с. 145] и орудием языковой игры, использующей выразительные возможности омонимии, этимологии, полисемии, словообразования, паронимической аттракции и ставящей в центр читательского интереса метаязыковую рефлексии автора и персонажей. Исследователи выявляют, помимо игровых, манипулятивные возможности медиадискурса, воздействующего на целевую аудиторию и меняющего её представления о реальной действительности на создаваемую дискурсомонстерами (торговцами дискурса) медиареальность, поскольку «любая реальность является суммой информационных технологий» [11; с. 5]. Е.В. Маринова, исследуя функции лексических единиц IT-сферы в художественных произведениях современных авторов, особенно В. Пелевина, приходит к аргументированным выводам относительно значимости их роли для «номинирования объектов авторской рефлексии», в качестве метаязыковых средств, а также их роли в создании антропоморфной, антропоцентрической метафоры и «переосмысления оппозиции «человек - машина» в цифровую эпоху» [12; с. 168].

Даже самый общий обзор последних работ о творчестве Пелевина позволяет заметить, что писатель привлекает научное внимание в первую очередь совершенно неповторимым, своеобразным языком, хотя Пелевина трудно назвать блестящим стилистом и мастером художественного слова в том смысле, в котором это говорили в свое время о Тургеневе или Бунине. Пелевин не «владеет языком», он позволяет языку владеть собой и, в соответствии с основной интуицией философии XX века, демонстрировать все возможности его современного состояния, все типы «дискурса», в каких бы отношениях с внеязыковой «реальностью» они ни находились. Основной вопрос, возникающий перед исследователем пелевинской философии языка, воплощаемой в «художественных» образах его текстов: как возможно одновременно беспощадное «разоблачение» языка современности, его псевдослов, псевдосмыслов, псевдозначений, и в то же время постоянная демонстрация всемогущества и завораживающих возможностей этого языка? В какой мере постмодернистская философия языка, преимущественно французская, повлияла на пелевинскую, и где граница между серьезным принятием ее как собственной методологической базы и откровенным высмеиванием французских философов, породивших тысячи подражателей – «дискурсомонтеров» - по всему миру?

Целью нашего исследования является описание пелевинской философии слова и языка на материале поздних романов писателя - «iPhuck 10» (2017), «Тайные виды на гору Фудзи» (2018) и «Искусство легких касаний» (2019) - с учетом контекста современной постмодернистской философии, служащей для Пелевина одновременно точкой отсчета, мировоззренческой базой, мишенью иронии, пародии и игровой площадкой. Интересующая нас проблематика находит свое выражение на различных уровнях поэтики художественного текста Пелевина: как основная тема, структурирующая мнимый детективный сюжет, предмет рефлексии и диалогов персонажей, создание псевдоперсонажей, воплощающих слово как таковое; как языковая игра, «деметафоризация» метафоры, каламбуры, в изобилии рассыпанные по тексту («язык, вылизывающий сам себя в пустоте»), и т.п. Все это создает в текстах Пелевина достаточно определенные контуры философии языка, состоящей в сложных отношениях с исходным философским прототекстом.

Творчество Пелевина, на наш взгляд, практически исключает традиционные методы литературоведческого анализа, восходящие к парадигме XIX века. Во всяком случае, последовательное применение этих методов заставляет отнести писателя к разряду маскультных, «публицистов», фокусников от литературы и т.п. Именно так воспринимают Пелевина его многочисленные недоброжелатели. Однако и применение, например, постструктуралистских стратегий исследования к тексту, постоянно разоблачающему себя, обнажающему все возможные подтексты и приемы, не представляется удачной идеей. Против первого подхода протестует сам Пелевин, утверждая, что искусство и критика, всерьез использующие такие понятия, как «герой», «характер», «сопереживание» и т.п., превращаются в «низкий и тупой лубок». Второй кажется избыточным: Пелевин сам себе постструктуралист, критик, психоаналитик и философ языка с одновременным разоблачением всех этих авторских масок. Адекватная исследовательская стратегия в этом случае -

сравнительно-сопоставительный метод, описательная поэтика, включающая мотивный анализ с компонентами компьютерного кода, поскольку мотив слова, языка (дискурса, нарратива) неизменно присутствует в любом романе Пелевина.

Очевидно, что, при желании и определенном знании предмета, в романах Пелевина несложно восстановить самые разные «тексты влияния». Начиная с «Македонской критики французской мысли» (2003), имена Фуко, Деррида, Лакан, Бодрийяр, Делез, Хайдеггер, Витгенштейн, Жижек присутствуют в пелевинском тексте в виде цитат, аллюзий, непосредственных упоминаний, чаще всего в иронических контекстах, или даже как персонажи (выдуманный Делон Ведровуа или «мост между Сартром и Хайдеггером» – Жан-Люк Бейонд). Однако, на наш взгляд, наиболее значим и близок к мировосприятию Пелевина именно Бодрийяр с его философией кажимостей и гиперреальностей, тщательно выписанных в последующих романах русского писателя.

Едкие пародийно-иронические описания протагонистом французских философов в «Македонской критике французской мысли» начинаются с названий собственных работ главного персонажа Кики «Где облажался Бодрийяр», «Деррида из пруда»; Бодрийяр часто именуется «Бодриякром – по аналогии с термином «симулякр»» [13; с.16] и тем самым его философские принципы тоже квалифицируются как симулякр. Однако этот эксплицитно выраженный критицизм остается на уровне поверхностной структуры текста и совершенно не означает тождества мировоззренческой позиции персонажа и автора, Пелевина. Отметим, что приводимые в тексте имена философов и представляемые ими идеи органически связаны на глубинном уровне с предметно-тематическим полем «язык», и сам по себе этот феномен придает текстам Пелевина новые, глубинные, смыслы, так как «введение в текст семантически маркированного топонима или антропонима предопределяет выбор апеллятивной лексики, в свою очередь детерминирующей выбор имен собственных» [14; с.49].

Так, несомненный пафос автора в романе «iPhuck 10», как и «Фатальных стратегий» Бодрийяра [15], – иронический переход на сторону объекта, восстающего против философского субъекта. Фактически «Айфак» – своеобразная иллюстрация такого «восстания объекта», в качестве которого выступает само себе предоставленное слово в виде сверхсложного словесного объекта – алгоритма Порфирия или компьютерной суперпрограммы Жанны-Сафо. Порфирий пытается объяснить читателю свою «сущность», которой нет в принципе – «Я вообще не». Он всего лишь алгоритм, размещающий в определенном порядке слова, причем его стилистика (потенциально любая, что зависит от контекста требуемой заказчиком речевой ситуации) ориентирована на лучшие образцы классической русской прозы. В первых же строках романа псевдоперсонаж категорически отрицает возможность серьезного отношения к языку, функция которого – заставить «воспринимать перетекающие друг в друга безличные вибрации, из которых состоит реальность, в виде ложных сущностей...» [16; с.5]. Вполне естественно, что для героя нет ничего смешнее, чем взятая в кавычки «философия», опирающаяся на такой язык. Да и сам человек – не более чем «клубок лингвистических программ», по наивности принимаемых им за свое «Я».

Литературный алгоритм представляет собой культурную память «о том, как люди сопрягали слова последние две тысячи лет в ответ на внешние и внутренние раздражители» [16; с. 11]. На простой вопрос, понял ли он собеседника, Порфирий не объясняет, что применительно к нему это слово означает лишь анализ языкового материала, выделение смысловых ядер и «ответное генерирование связанных реплик» [16; с. 32]. Он может даже «глупо моргнуть» или «смутиться», если лингвистический анализ покажет, что в миллионах аналогичных речевых ситуаций возможны сходные невербальные сигналы, долженствующие выражать определенные «эмоции». Однако и его возможности не безграничны, так «айфак-десять не поддерживает переносных смыслов. Только прямые» [16; с. 315].

Основная вербальная стратегия Порфирия – цинизм, о котором Бодрийяр говорит, что человек вынужден быть циничным, и это даже не «классический» цинизм, радикально лишаящий «высокое» слово его подлинного значения и смысла, а просто следующий «из тайного порядка вещей» [15; с. 102]. Французский философ говорит об опьянении знаками, об их безудержности, более всесильной, чем сама реальность: реальность «совращается знаками», «торжество симуляции завораживает», соблазняет (одно из основных понятий в терминологии Бодрийяра). Порфирий именно соблазняет Мару, причем Пелевин тонко играет на первичном смысле слова, отсылающем к классическому контексту романов о соблазнении XVIII-XIX веков, и на бодрийяровском.

Объективная ирония, по Бодрийяру, является своего рода фильтром для слов (а также тел, понятий и удовольствий). Постоянно готовый объяснять свои вербальные стратегии Порфирий есть, собственно, не что иное, как словесная ирония, охотно демонстрирующая свои «фатальные стратегии» и «подставляющаяся» оппоненту, но в финале выигрывающая, жестко и жестоко вернув героиню к убивающей ее «реальности».

Философия кажимости Бодрийяра (успевшего застать Интернет во всем его всемогуществе, но сделавшего свои выводы уже в 80-х на основе власти телевидения как процесса продуцирования симулякров) фактически совпадает с пелевинской. Люди сами стали экранами, отвечающими на симуляцию симуляцией. Именно это происходит в романе между Порфирием и Марой (ранее – между Марой и Жанной), что обесмысливает любое словесное общение в принципе, но в итоге отнюдь не отменяет подлинных аффектов вполне человеческого бытия: «любовь» оказывается симулякром, ненависть и месть – нет. «Объект вовсе не невинен, он существует, и он мстит» [15; с. 129].

«Любовь много говорит, любовь – это дискурс» [15; с. 151], и она живет, возможно, лишь в пространстве высказывания, утверждает Бодрийяр. «Любовь» Порфирия и Мары – это обмен репликами, но в мире Пелевина не удивительно, что Порфирий может быть героем-любовником и в физическом смысле, подключившись к чуду техники – айфаку. Почему нет, если любовь – дискурс?

«Умные французские геи» не только «выкупили все ваши архетипы» [16; с. 299], но и изобрели «лингвудодос» – технику НЛП, позволяющей «создание и использование языковых конструкторов, не отражающих ничего, кроме комбинаторных возможностей языка, с целью парализации чужого сознания» [16; с. 313]. Если словесный поток – единственная умопостигаемая и доступная человеку реальность, то не странно, что он в форме мнимого субъекта может быть и любовником. Более того, возможен даже секс с самой философией [16; с. 314] – именно такой сюжет для айфильма заказывают Мару как режиссеру.

Сила и власть слова, не имеющего отношения к реальности, но всемогущего в лакановском пространстве Воображаемого и Символического, демонстрируется в другой значимой для Пелевина теме – теме современного искусства. Объект актуального искусства в «Айфаке» может состоять из одного только названия, т.е. за огромные деньги продается всего лишь несколько слов, сочетание которых принадлежит только этому покупателю. Нечто подобное было уже в «Поколении «П»», где владелец галереи актуального искусства демонстрирует гостю ряд висящих на стенах документов о приобретении дорогостоящих арт-объектов, при этом сами они никому не интересны и помещаются где-то в подвале. По мнению С. Каги, «iPhuck 10 advances a severe critique of contemporary art as parasitizing off older, genuinely creative works» [5; с. 212].

Слова образуют «дискурс» – понятие, вызывающее у писателя явное раздражение (вспомним остроумную теорию дискурса и гламура в «EmpireV»). Практически во всех романах Пелевин прибегает к любимому приему: «перевод» одного и того же текста на «язык» разных дискурсов, упражнения в стилистике, доставляющие читателю неизменное удовольствие. Так, искусствовед объясняет концепцию выставки: «Возникает гармоническая гамма подразумеваний и умолчаний» [16; с. 181].

Помимо бодрийяровского контекста, непосредственно связанного с философией слова, в романе «iPhuck 10» актуализированы идеи еще одного популярного персонажа европейской современной мысли – Славоя Жижека, чья постлакановская диалектика соотношения Воображаемого, Символического и Реального и сам способ философствования одновременно в парадигме постмодерна и в полемике с ним должны бы быть близки Пелевину. Однако и Жижек становится объектом пелевинской иронии: его многостраничный труд о французской философии становится подстилкой в клетке с морской свинкой – модном арт-объекте. В финале романа программа-алгоритм Жанна (она же Порфирий) инсценирует для Мары убивающее ту «Вторжение Реальности» именно из конструкторов ее (Мары) Воображаемого: тема, неоднократно возникающая в работах Жижека.

В последовавших за «iPhuck 10» романах «Тайные виды на гору Фудзи» и «Искусство легких касаний» Пелевин вновь возвращается к проблеме слова и языка, актуализируя несколько иной ее аспект: НЛП-техники и «настоящего» слова, противопоставленного «семиотической опухоли». Татьяна, героиня «Тайных видов...», – любопытный эксперимент Пелевина, неожиданно скрестившего в пространстве одного текста стилистику типичного «женского романа» и феминистский дискурс, с одной стороны, и традиционную буддистскую проблематику на фоне профанных поисков счастья-кайфа, с другой.

Наивные мечты Татьяны об успехе (т.е. богатом мужчине как способе решения проблем) упираются в поиск ею «заветного слова». Не очень умная и поверхностно образованная героиня все же понимает, что ей не хватает некоего набора «правильных слов», которые открывают доступ в избранное общество. Позже оказывается, что ей нужно было апеллировать к древним женским архетипам, и в ее случае дающее власть слово (одно-единственное) само находит ее. Федор, олигарх, тоже стремящийся к «счастью» под руководством продвинутого учителя-йога, размышляет с друзьями о природе слова как власти и о том, почему одни и те же слова у настоящего святого и псевдойога оказывают разное воздействие. Саядо Ан, учитель Федора, объясняет разницу между сутью вещей и «пустыми словами», когда человек верит, что постиг нечто

важное, «а ему просто добавили мусора в голову» [17; с.154]. Познание подлинной природы явлений предполагает отсутствие спора, даже думать, тем более «словами», об этом нельзя. Они лишь могут отдалить от реальности и истины.

Если в «EmpireV» и «Священной книге оборотня» жертвой авторской беспощадной иронии был «дискурс», то теперь главным врагом объявляется «нарратив». Федор размышляет о парадоксе богатства: вино за десять тысяч на вкус ничем не отличается от вина за тысячу, значит, «мы пьем... не вино, а растворенный в нем нарратив», «мы живем в нарративе, в сказке», «мы сами тоже нарратив» [17; с.192, 225]. Люди оказываются в рабстве у нарративов, своих для каждой социальной страты. Всем правит так называемый нарративный ум, заставляющий поступать и говорить определенным образом, и фактически жить не в мире, а в нарративе. У Пелевина даже личные местоимения «Я» и «оно» безденотатны, не соотносятся с субъектом, однако их требует нарративный ум, поскольку так ему легче соединять разнородные впечатления «в романчик, который он все время впаривает мозгу. Вот этот нарративный ум и есть наше все, а никакой не Пушкин» [17; с.226]. Однако слишком увлекшиеся выходами в транссловесную реальность Федор и его друзья с ужасом обнаруживают, что их мировосприятие буквально рассыпается, сменяясь все тем же нарративом о мире, поскольку «мы сами есть ложь» [17; с.351]. Эта ложь разрушает взаимосвязь между означающим и означаемым, поэтому Слова окончательно утрачивают коммуникативную функцию, сфера реального, сакрального уже не имеет к ним отношения: «Мы можем только по-верблужки жевать свой нарратив» [17; с.227].

В романе «Искусство легких касаний» сакральная функция слова, казалось бы, возвращается. Так, в первой повести «Иакинф» герой-проводник под видом развлечения для туристов читает древнее заклинание. Слушатели чувствуют магическую мощь и подлинность непонятных слов, причем, в отличие от «Тайных видов...», не магическая энергия наполняет ритуальные слова, а наоборот: слова вызывают бога независимо от силы и способностей вызывающего, сами по себе. Жертве необходимо рассказать перед закланием, зачем и почему все происходит. Профанное слово (байка для туристов) превращается в сакральное: жертва и смерть происходят «на самом деле».

Основная часть книги – краткий пересказ «романа в романе» К.П. Голгофского – тоже имитация: под видом модного конспирологического «кода-да-винчи» для бизнесменов и обеспеченных домохозяек изложена предыстория никем не замеченной третьей мировой. Сюжет развивается вокруг борьбы русской и английской разведок, запускающих в сознание противника химеры – «ноосферный импринт», своего рода запись в коллективном бессознательном нации. Химера, разрушающая сознание, основана на «лингвистическом конструкте», причем механизм «фиксации лингвоконструкта» может быть разным (даже «вилами по воде», но буквы должны быть начертаны обязательно). Так, англичане запускают в сознание современных россиян мемы «красный царь», «эффективный менеджер», «полководец Победы» и прочие, заставляющие полюбить советское и имперское [18; с.304]. Российские же специалисты придумали пресловутую политкорректность и «гендерную шизу» [18; с.317], а новые гендерные местоимения разработаны майором Козловской. Как обычно у Пелевина, сюжетобразующее событие, принадлежащее современной политической реальности (в данном случае шум о российском вмешательстве в американские выборы), имеет непосредственное отношение к проблеме языка и слова. Характерно, что удар по России наносится фактически популярной обценной метафорой – мощнейшей ноосферной торпедой MOAS: ментально победить русских можно лишь внушив им мысль-ощущение, что кругом – полная катастрофа. В новом романе вновь возникает эта чрезвычайно близкая Пелевину тема как метафоры абсолютного экзистенциального тупика, из которого, разумеется, нет и не может быть выхода.

В романах В. Пелевина русское слово стремится к великому надреальному смыслу, абсолютно игнорируя реальность повседневного бытия, и в этом стремлении «проваливается» в фикцию или молчание, великую пустоту. Пелевин работает преимущественно с множественными смыслами слов; «я», «душа», ментальные состояния индивида, искусство для него – всего лишь симулякры, «слова-призраки», но ему, несмотря на постмодернистские игры с дискурсом, удается избежать влияния примитивного мимесиса, апеллируя к глубинным смыслам слова, и продемонстрировать новые возможности романной формы.

Библиографический список

1. Богданова О., Кибальник С., Сафронова Л. Литературные стратегии Виктора Пелевина. СПб.: ИД «Петрополис». 2008. 184 с.
2. Tashinskiy A. Sprache und Subjektivitaet bei Viktor Pelevin: der Roman "Svjaščennajaknigaoborotnja" im Lichte der franzoesischen Gegenwartsphilosophie. Masterarbeit, Johannes Gutenberg Universitaet Mainz. 2012. 116 S.

3. Яворски М. Реконфигурация в романной поэтике Виктора Пелевина: Дис. ... канд. филол. наук. Познань, 2017. 184 с.
4. Янь М. Творчество Виктора Пелевина в XXI веке: Монография. Воронеж: НАУКА-ЮНИПИРЕСС. 2021. 192 с.
5. Khagi Sofya. Pelevin and Unfreedom. Poetics, Politics, Metaphysics. Evanston: Northwestern University Press. 2021. 302 p.
6. Заломкина Г.В. Роман В. Пелевина "IPHUCK 10" как мета-поэтологический // Миргород. 2019. № 1 (13). С. 164-192.
7. Заломкина Г.В. Ксерокопия света: взгляд на утопию искусственного в романах В. Пелевина "IPHUCK 10" и "S.N.U.F.F." // Новое литературное обозрение. 2020. № 3 (163). С. 194-210.
8. Иванова И.Н. Автор и персонажи Ф.М. Достоевского как субъекты диалога и объекты постмодернистской игры в современной отечественной прозе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Владикавказ, Изд-во СОГУ им. К.Л. Хетагурова. 2018. № 2. С.160-167.
9. Купина Н.А. Лингвистический катастрофизм в изображении В. Пелевина // Russian Literature 2015 / 04 Vol. 77; Iss. 3. pp. 383-405.
10. Широкова Е.Н. Языковое творчество и «лингвистическая археология» В. Пелевина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 5-1. С. 145-150.
11. Пелевин В.О. S.N.U.F.F. М.: Эксмо. 2013. 480 с.
12. Маринова Е.В. Оппозиция «ЧЕЛОВЕК - МАШИНА» в языковой картине мира XXI века // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 2. С. 161-170.
13. Пелевин В.О. Македонская критика французской мысли // Македонская критика французской мысли. Повести и рассказы. М.: Эксмо. 2008. С. 7-53.
14. Бугакова Н.Б., Скуридина С.А. Дух и душа в ономастических исканиях Ф.М. Достоевского и А.П. Платонова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 1 (48). С. 48-52.
15. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М.: Рипол классик, 2017. 288с.
16. Пелевин В.О. IPHuck 10. М.: Эксмо. 2017. 416 с.
17. Пелевин В.О. Тайные виды на гору Фудзи. М.: Эксмо. 2018. 416 с.
18. Пелевин В.О. Искусство легких касаний. М.: Эксмо, 2019. 416 с.

References

1. Bogdanova O., Kibalnik S., Safronova L. Literary strategies of Viktor Pelevin. SPb.: Petropolis PublishingHouse«Петрополис», 2008. 184 p.
2. Tashinskiy A. Sprache und Subjektivitaet bei Viktor Pelevin: der Roman "Svjaščennajaknigaoborotnja" im Lichte der franzoesischen Gegenwartsphilosophie. Masterarbeit, Johannes Gutenberg Universitaet Mainz. 2012. 116 S.
3. Javorski M. Reconfiguration in the novel poetics of Victor Pelevin: Abstract of Philology Dr. Dis. Poznan, 2017. 184 p.
4. Yan' Meypin. Creativity of Viktor Pelevin in the XXI century: monograph. Voronezh: SCIENCE-UNIPRESS PublishingHouse, 2021. 192 p.
5. Khagi Sofya Pelevin and Unfreedom. Poetics, Politics, Metaphysics. Evanston: Northwestern University Press, 2021. 302 p.
6. Zalomkina G.V. Victor Pelevin's IPhuck 10 As A Meta-Poetological Novel // Mirgorod. 2019. № 1 (13). pp. 164-192.
7. Zalomkina G.V. A Photocopy of Light: A View of the Utopia of Artificiality in V. Pelevin's Novels S.N.U.F.F. and iPhuck 10 // New Literary Review. 2020. № 3 (163). pp. 194-210.
8. Ivanova I.N. Author and characters of F.M. Dostoevsky as subjects of a dialogue and objects of postmodern play in the modern Russian prose // Aktual'nyeproblemyfilologiiipedagogicheskijlingvistiki. Vladikavkaz, Publishing House of the North Ossetian State University n.a. K. L. Khetagurov. 2018. № 2. pp. 160-167.
9. Kupina N.A. Linguistic Catastrophism In The Work Of Viktor Pelevin // Russian Literature, 2015 / 04 Vol. 77; Iss. 3. pp. 383-405.
10. Shirokova E.N. V. Pelevin's Language Creativity And «Linguistic Archeology» // Vestnik Of Lobachevsky State University Of Nizhni Novgorod. 2014. № 5-1. pp. 145-150.
11. Pelevin V.O. S.N.U.F.F. Moscow: Eksmo. 2013. P.480.
12. Marina E. V. The Opposition "Man - Machine" in the Language Picture of the World of the 21 Century // Humanitarian Vector, 2022. Vol. 17, No. 2. pp. 161-170.
13. Pelevin Viktor. Makedonskajakritikafrancuzskojmysli//Makedonskajakritikafrancuzskojmysli. Povesti i rasskazy. Moskva: Eksmo, 2008. pp. 7-53.
14. Bugakova N.B., Skuridina S.A. Spirit And Soul In The Onomastic Quest Of F.M. Dostoevsky And A.P. Platonov // Actual issues of modern philology and journalism, 2023. № 1 (48). pp. 48-52.
15. Baudrillard J. Fatal strategies. M.: Ripl classic, 2017. 288 p.
16. Pelevin V.O. IPHuck 10. Moskva: Eksmo, 2017. 416 p.
17. Pelevin V.O. Secret views at Mount Fuji. Moskva: Eksmo, 2019. 416 p.
18. Pelevin V.O. The art of slight touches. Moskva: Eksmo, 2019. 416 p.

УДК 81'33

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.32.21.006

Воронежский институт МВД Российской Федерации
Кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского и иностранных языков
О.Н. Олейникова
Россия, г. Воронеж, тел. +7(915)584-61-57
e-mail: oon_2004@mail.ru

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Cand. Philolog. Sci., Docent of the Department
of Russian and Foreign Languages
O.N. Oleinikova
Russia, Voronezh, +7(915)584-61-57
e-mail: oon_2004@mail.ru

О.Н. Олейникова

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В СТАТЬЯХ И ЭССЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями функционирования в статьях и эссе М.И. Цветаевой, посвящённым русской и иностранной литературе, поэтам, художникам, артистам, иноязычных вкраплений из французского, латинского, английского и некоторых других языков. Определена типология этого языкового явления в указанных текстах. Выявлены типы вкраплений (полные, частичные в исконной графике) по соотношению с системами контактирующих языков. Выделены иноязычные вкрапления следующих разрядов: непосредственно и косвенно связанных с национально-культурным своеобразием текста, ассоциативно связанных и не связанных с этой спецификой. Определены причины ввода М.И. Цветаевой иноязычных вкраплений в работы, посвящённые анализу различных гуманитарных вопросов, а также особенности их функционирования в статьях и эссе. Определён стилистический статус введённых М.И. Цветаевой иноязычных вкраплений. Объяснены причины отсутствия в текстах данного автора иноязычных вкраплений некоторых типов. Сделан анализ узуальных иноязычных вкраплений, использованных М.И. Цветаевой. Определена связь ввода в тексты иноязычных вкраплений с культурной традицией России позапрошлого века их речевого использования, а также классическим образованием автора, фактами её биографии. Отмечены индивидуальные особенности использования М.И. Цветаевой иноязычных вкраплений. Для анализа были взяты все тексты М.И. Цветаевой, отнесённые исследователями к жанрам статьи и эссе, методом сплошной выборки. Отмечены их жанровые особенности.

Ключевые слова: полные иноязычные вкрапления, частичные иноязычные вкрапления, иноязычные вкрапления международного фразеологического фонда, связанность иноязычных вкраплений с национально-культурным своеобразием текста.

O.N. Oleynikova

FOREIGN LANGUAGE INCLUSIONS IN ARTICLES AND ESSAYS BY M.I. TSVETAeva

This article discusses issues related to the peculiarities of the functioning of articles and essays by M.I. Tsvetaeva devoted to Russian and foreign literature, poets, artists, artists, foreign language inclusions from French, Latin, English and some other languages. The typology of this linguistic phenomenon in these texts is determined. The types of inclusions (complete, partial in the native graphics) are revealed in relation to the systems of contacting languages. Foreign-language inclusions of the following categories are highlighted: directly and indirectly related to the national-cultural originality of the text, associatively related and unrelated to this specificity. The reasons for the introduction of foreign language inclusions by M.I. Tsvetaeva in the works devoted to the analysis of various humanitarian issues, as well as the features of their functioning in articles and essays are determined. The stylistic status of foreign language inclusions introduced by M.I. Tsvetaeva is determined. The reasons for the absence of some types of foreign language inclusions in the texts of this author are explained. The analysis of the usual foreign language inclusions used by M.I. Tsvetaeva is made. The connection of the introduction of foreign language inclusions into the texts with the cultural tradition of Russia of the century before last of their speech use, as well as the classical education of the author, the facts of her biography is determined. The individual features of the use of foreign language inclusions by M.I. Tsvetaeva are noted. For the analysis, all texts attributed by researchers to the genres of articles and essays were taken. Their genre features are noted.

Key words: complete foreign-language inclusions, partial foreign-language inclusions, foreign-language inclusions of the international phraseological fund, the connectedness of foreign-language inclusions with the national-

cultural originality of the text.

Исследование иноязычных вкраплений в статьях и эссе М.И. Цветаевой вызвано тем, что системно это речевое явление в её прозе не изучалось. К настоящему времени исследованы немецкие вкрапления в текстах этого автора разных функционально-речевых стилей [1], некоторые аспекты их синтаксического функционирования [2]. Иноязычные вкрапления поэтических текстов Цветаевой отражены в словаре языка русской поэзии XX века как факт речи определённой части российского общества Серебряного века. [3] Но не рассмотрено функционирование иноязычных вкраплений в текстах о поэтах, литературе и т.п.; не исследованы их типы по соотношению с системами контактирующих языков, по степени связанности с национально-культурной спецификой принимающих их текстов, не определены индивидуальные особенности ввода вкраплений в прозаические тексты именно этим автором и некоторые другие вопросы. Материал для исследования отобран методом сплошной выборки.

Многие литераторы Серебряного века оставили после себя не только художественные произведения, но и тексты научного стиля речи, в которых исследованы отдельные произведения или творчество поэтов и писателей, как российских, так и зарубежных. Блестящим литературоведом был К.И. Чуковский, автор прекрасных работ о творчестве поэтов, своих современников. Глубоки исследования А.А. Ахматовой, называвшей себя пушкинисткой, чьи литературоведческие статьи великолепны и не утратили значения и в наши дни. [4] Прекрасны работы О.Э. Мандельштама, посвящённые как отдельным авторам, так и гуманитарным проблемам своего времени. [5] М.И. Цветаева также явилась автором ряда работ об отдельных поэтах и литературе в целом, о художниках, артистах, гуманитарных проблемах времени. Эти работы исследователи её творчества обозначили как статьи и эссе. Проза Цветаевой считается уникальной по многим причинам. Её тексты сложно разделить на жанры, в том числе научного стиля. Деление на эссе и статьи весьма условно. Жанр научной статьи автором не выдерживается. М.И. Цветаева писала так, как считала нужным, как писалось. «Мне не хочется писать о Рильке статью. Мне не хочется говорить о нём, этим изымая и отчуждая его, делая его третьим, вещью, о которой говоришь, вне меня. » [6, т. 2, с. 344] В этих словах – позиция Цветаевой, которой она придерживалась всегда. В её текстах любого жанра и любой тематики главный герой – это она сама. О чём бы ни писала Цветаева, она писала о себе, своих восприятии и впечатлении от любого описываемого ею материала. Всю её прозу можно считать автобиографической. В связи с этим сложно отнести безусловно её работы на литературные темы к научному стилю речи, в отличие от статей А.А. Ахматовой, О.Э. Мандельштама и др. Тем не менее они очень содержательны и интересны для исследователей, так как написаны одним из лучших поэтов России прошлого века, чья личность вызывает неизменный интерес, человеком неординарным, со сложной, трагической судьбой. [7]

Теоретическую базу любых исследований иноязычных вкраплений составляют работы воронежского филолога-профессора Ю.Т. Листровой-Правды. Именно она определила, что иноязычные вкрапления представляют собой слова, словосочетания, фразы, отрывки текста и тексты на иностранном языке, включённые в русскую речь без изменений или с теми или иными изменениями. [8] В исследованных текстах есть иноязычные вкрапления объёмом от одного слова до нескольких фраз. Цветаева ввела в тексты вкрапления из французского, немецкого, латинского, английского и некоторых других языков. По сравнению с текстами русских авторов XIX века вкрапления невелики по объёму. Но они отразили общую тенденцию того времени – ввод в тексты вкраплений меньшего, по сравнению, например, с текстами XIX и начала XX века объёма. [4, 5, 8]

Анализ исследованного материала по соотношению с системами контактирующих языков показал, что Цветаева включила в тексты вкрапления разных типов, в том числе полные иноязычные вкрапления, представляющие собой вставленные без всяких изменений в принимающий текст отрезки текста на иностранном языке (самостоятельные предложения или их сочетание, междометия, обращения, части сложного предложения, вставные или вводные конструкции) [8] Например: «Nathalie est un ange» (Смирнова).» [6, т. 2, с. 58] Так Цветаева передаёт характеристику жены Пушкина их современницы, цитатой на французском языке, бывшем языком общения дам высшего света российского общества первой трети XIX века. Ещё один пример: «Ибо обратное красавице не чудовище («la belle et la bête»), как в первую секунду может показаться, а – сущность, личность, печать». [6, т. 2, с. 62]

В тексты включены частичные иноязычные вкрапления в исконной графике разных типов, представляющие собой «слово, словосочетание, предложение или более крупный отрезок иностранного текста, в той или другой мере (фонетически или морфологически) ассимилированные в языке или включённые в синтаксические отношения в составе русского предложения». [8, с. 24] Цветаева использует, например, частичные вкрапления, сохранившие без изменений свой морфологический облик, не имеющие морфологических показателей синтаксической связи с русскими членами предложения. Например: «Так, многие красавицы рождённые красавицами не были – «Ne daigne» красоте, как Наташа Ростова – уму, как многие – славе, как столькие – счастью!» [6, т. 2, с. 58-59]; «В двойной отрешённости cause perdue Добровольчества и cause perdue о нём поэмы». [6, т. 2, с. 369] Используются вкрапления, приобретшие частично морфологический облик, свойственный русским словам, например входящие в словоизменительную парадигму или в систему согласования. «Не весь ли в этом «Serment du jeu de raume». [6, т. 2, с. 334] В этом примере французское вкрапление согласовано с местоимением мужского рода. «Пресловутая «Tour d'ivoire» на гончаровский лад ». [6, т. 2, с. 42] Здесь французское вкрапление согласовано с определением в женском роде. «И – о чудо – кому же памятник? Kind'y, а не Гёте». [6, т. 2, с. 348] Вкрапление-оним включено в падежную парадигму (к нему присоединено окончание русского дательного падежа). Контаминированные и нулевые вкрапления Цветаева в тексты не включала. Не было необходимости передавать искажённую русскую речь или переводить иноязычную речь на русский язык с указанием, что кто-то говорил на том или ином иностранном языке.

По соотношению с национально-культурной спецификой текстов в статьях и эссе М.И. Цветаевой есть иноязычные вкрапления двух разрядов. Вкрапления первого разряда делятся на непосредственно связанные с национально-культурной спецификой текста и косвенно связанные с этой спецификой. Вкрапления второго разряда делятся на ассоциативно связанные с национально-культурной спецификой принимающего иноязычное вкрапление текста и никак не связанные с нею.[8] Между двумя составляющими каждого разряда иногда довольно сложно провести грань, поэтому выделены только два разряда. Вкраплений первого разряда в исследованных текстах больше, чем второго. К вкраплениям первого разряда относятся многочисленные онимы всех видов (топонимы, антропонимы, мифонимы и т.п.). Например, в тексте с французской национально-культурной спецификой станцию метро Цветаева обозначила вкраплением: «... гончаровское метро Mabillon, где я ни разу за десятки лет не поднималась, ... ». [6, т. 2, с. 99] Напечатанный во Франции альбом художницы Натальи Гончаровой Цветаева называет без перевода, как и другие библионимы, например: «Альбомы «Les cités» (Города, Театральные портреты, рисунки костюмов ...). Иллюстрации к «Via persanne». [6, т. 2, с. 104] У М.И. Цветаевой в одной фразе может быть несколько иноязычных вкраплений, в том числе первого разряда, например: «Лиц, затронутых данными письмами и может быть немецкого языка не знающих (хорошего перевода на русский его стихов - нет), отвожу к его книге «Les Cahiers de Malte Laurids Brigge» (в прекрасном переводе Maurice Betz'a, самим Рильке проверенном) и к маленькой, предсмертной, книжечке стихов «Vergers», французской в подлиннике». [6, т. 2, с. 351] Ещё пример: «Maison roulante» (детская книжка о мальчике, украденном цыганами), - да, tapis roulant – нет». [6, т. 2, с. 99] В работе о русском поэте Николае Гронском, эмигранте, покончившем жизнь самоубийством в Париже, Цветаева использует много вкраплений, среди которых оним – название французской деревни: «Про аллоброгов можно догадаться и по названию деревни: Allemont». [6, т. 2, с. 424], названия рек – по-французски: «Реки: Romanche, Sonnant». [6, т. 2, с. 424] Музыкальные произведения иностранных авторов обозначаются вкраплениями, например: «... пример Пикассо, в своих костюмах к балету «Tricorne» (Треуголка) давший такую же Испанию, как Гончарова – Россию, по тому же руслу народности». [6, т. 2, с. 97] Для М.И. Цветаевой не характерен перевод иноязычных вкраплений на русский язык, но несколько таких примеров есть. Вот ещё один. В статье, анализирующей зарубежные работы известного русского автора, Цветаева приводит цитату: «Лучший отзыв о них недоумённый возглас одного газетного рецензента: «Mais ce ne sont pas des femmes? Ce sont des cathédrales!» (Да это же не женщины, это – соборы!))» [6, т. 2, с. 101]

К иноязычным вкраплениям первого разряда относятся полные вкрапления, иногда довольно большие по объёму, представляющие собой цитаты из иностранных авторов. Например, к ним относится пространное вкрапление из Жорж Санд в тексте «Две Гончаровы». [6, т. 2, с. 62] Вкрапления первого разряда передают речь иностранцев, например французского мальчика в произведении «Мастерская»: «Сколько бы раз я ни вышла на лестницу: «Bonjour, Madame!» - и сейчас показывать. » [6, т. 2, с. 42]

Среди вкраплений второго разряда можно выделить ассоциативно связанные с национально-культурным содержанием сообщения. Например, в работе о Бальмонте Цветаева по-французски указывает на особенность в одежде дочери. Персонажи находятся в центре Москвы, но мода в начале прошлого века была прерогативой Франции. Отсюда, видимо, и ассоциация автора текста: «Аля, в моей коричневой юбке на плечах, *en guise de mantilla*, с Еленой и Миррой впереди, я иду с Бальмонтом, по другую сторону Варя». [6, т. 2, с. 33]

Но, безусловно, гораздо больше иноязычных вкраплений, никак не связанных с национально-культурной спецификой текста. Их принято называть узуальными, выполняющими так называемую престижную функцию, уходящую корнями в западноевропейскую литературу, откуда традиция их ввода в текст без перевода перешла в русские тексты разных стилей определённой части общества. Постепенно сложившийся из этих вкраплений международный фразеологический фонд зафиксирован в словаре А.М. Бабкина и А.М. Шендеева. [9]

Часть узуальных вкраплений представляет собой слова и выражения, уже вошедшие заимствованиями при жизни Цветаевой в лексический состав русского языка, но она вводит их в тексты в исконной графике, что естественно для полилингва и связано с культурной традицией использования иноязычных вкраплений определённого периода развития русской литературной речи. Например, в «Поэте-альпинисте» Цветаева пишет: «И одновременно с ним чувство – благонадёжности (*sécurité*).» [6, т. 2, с. 413] Благонадёжность ассоциируется у автора с безопасностью. Конечно, больше узуальных вкраплений, не заимствованных русским языком. Например, в статье «О новой русской детской книге»: «*Brisons-là*, ибо с первой страницы до последней – всё тот же бездарный, бесстыдный, безграмотный вздор. » [6, т. 2, с. 354] Ещё подобный пример из статьи «Поэт и время»: «В лучшем случае – *bonne mine à mauvais jeu*, а в худшем – постоянном – настоящем – измена за изменой всё с тем же любимым» [6, т. 2, с. 372]. В исследованных текстах Цветаева использует узуальные аббревиатуры из разных языков, чего наши современники уже практически не делают. Самые часто используемые: S.O.S, P.S., NB. Причём оформлены они точками, которые позднее были почти утрачены в русской письменной речи.

Функционирование иноязычных вкраплений в обозначенных текстах М.И. Цветаевой, с одной стороны, укладывается в рамки культурной традиции того времени авторов, получивших классическое гимназическое образование, дававшее глубокое изучение как древних языков, так и европейских, вводить в тексты иноязычные вкрапления разных типов и разрядов. М.И. Цветаева изучала языки в зарубежных пансионах, даже прослушала курс средневековой французской литературы во французском университете, разговаривала с матерью и её родственниками по-немецки и по-французски, подрабатывала переводами и даже, отвечая на вопросы анкеты, свою профессию обозначила как «переводчица». Полилингвизм Цветаевой позволил ей свободно вводить иноязычные вкрапления в тексты. С другой стороны, обнаруживаются индивидуальные черты использования этого речевого явления в её текстах. Одной из таких особенностей является то, что Цветаева с помощью вкраплений даёт характеристику героям своих текстов. Например, в работе «Пастернак и быт»: «Он человечен – *durch*.» [6, т. 2, с. 336] В русском языке есть полный аналог этого вкрапления, но Цветаева предпочитает написать именно так. Это свойственно полилингвам. Как многие её современники, Цветаева иногда объясняла выбор иностранного слова. [5, 10] Например, в статье «Несколько писем Райнер-Мария Рильке» она комментирует свой выбор немецкого слова: «Насколько у немцев лучше – *nachdichten*! Идя по следу поэта, заново прокладывая дорогу, которую прокладывал он. Ибо, пусть – *nach* (вслед), но – *dichten* - то, что всегда заново. *Nachdichten* – заново прокладывая дорогу по мгновенно зарастающим следам». [6 т. 2, с. 350] Доказано, что проживание в иноязычной стране увеличивает число вкраплений в текстах русских авторов, но этого нет в произведениях М.И. Цветаевой. [8, 11] Наоборот, их относительно меньше, чем в текстах, созданных в России, что необычно. Но и сама М.И. Цветаева была во многом уникальной личностью, не похожей ни на кого, что в определённой степени видно из того, как в её статьях и эссе функционируют иноязычные вкрапления.

Таким образом, в статьях и эссе М.И. Цветаевой есть иноязычные вкрапления из европейских языков и латыни, а их использование соответствует сложившимся в XIX веке культурным традициям. При этом очевидна связанность ввода иноязычных вкраплений с полилингвизмом этого автора, с полученным ею классическим гимназическим образованием, предполагавшим изучение нескольких языков. Долгая же эмиграция не оказала значимого влияния на частотность этого речевого явления в данных текстах М.И. Цветаевой.

Библиографический список

1. Чигирин Е.А. Немецкие вкрапления в текстах М.И. Цветаевой : дис. ...канд. филол.
2. Пучинина О.П. Иноязычные вкрапления в структуре несобственно-прямой речи на материале прозаических текстов М.И. Цветаевой // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики: Электронный сборник научных трудов / Под ред. В.М. Панфиловой. Елабуга: Изд. ЕИ КФУ. - 2017. 236 с. С.154 – 156
3. Словарь языка русской поэзии XX века : в 8 т. / Под ред. В.П. Григорьева, Л.Л. Шестаковой. Языки славянской культуры, М.: 2001-2020гг.
4. Олейникова О.Н. иноязычные вкрапления в текстах научного стиля А.А. Ахматовой // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики: /Под ред. С.А. Скуридиной. Воронеж: Изд. ВГТУ. – 2022. 144 с. С.48-53
5. Олейникова О.Н. Об одном речевом явлении в текстах О.Э. Мандельштама разных стилей // Воронежское лингвокраеведение. Выпуск 5: Межвузовский продолжающийся сборник научных трудов. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2021. С. 47-62.
6. Цветаева М.И. Сочинения. В 2-х т. М.: Худож. лит. 1988. – 719с.
7. Саакянц А.А. Твой миг, твой день, твой век: жизнь Марины Цветаевой / Анна Саакянц. – Москва : Терра : Книжный клуб Книговек, сор. 2016. 348с.
8. Листрова-Правда Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1986. 144с.
9. Бабкин А.М., Шендцов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода: В 3-х т. 2-е изд., СПб.: «КВТОТАМ», 1994.
10. Олейникова О. Н. Иноязычные вкрапления в текстах разговорно-бытового стиля А. А. Ахматовой // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 3. С. 182–185. DOI: 10.47438/2309-7078_2022_3_182
11. Олейникова О.Н. Иноязычные вкрапления в текстах И.А. Бунина разных функционально-речевых стилей // Материалы по русско-славянскому языкознанию : международный сборник научных трудов / Воронежский государственный университет. Воронеж, 2007. Вып. 28. 408 с. С.177-183.

References

1. Chigirin E.A. German inclusions in the texts of M.I. Tsvetaeva : dis. ...candidate of Philology.
2. Puchinina O.P. Foreign-language inclusions in the structure of inappropriate direct speech based on the material of prose texts by M.I. Tsvetaeva // Modern problems of philology and methods of teaching languages: questions of theory and practice: Electronic collection of scientific papers / Edited by V.M. Panfilova. Yelabuga: Ed. EI KFU. - 2017. 236 p. p.154 – 156
3. Dictionary of the language of Russian poetry of the twentieth century: in 8 volumes / Edited by V.P. Grigoriev, L.L. Shestakova. Languages of Slavic culture, Moscow: 2001-2020.
4. Oleynikova O.N. foreign language inclusions in the texts of the scientific style of A.A. Akhmatova // Topical issues of modern philology and journalism: / Edited by S.A. Skuridina. Voronezh: VSTU Publishing House. – 2022. 144 p.p.48-53
5. Oleynikova O.N. About one speech phenomenon in O.E. Mandelstam's texts of different styles // Voronezh linguo-regional studies. Issue 5: Interuniversity ongoing collection of scientific papers. Voronezh: Voronezh State University, 2021. pp. 47-62.
6. Tsvetaeva M.I. Essays. In 2 volumes. M.: Art. lit., 1988. – 719s.
7. Sahakyants A.A. Your moment, your day, your century: the life of Marina Tsvetaeva / Anna Sahakyants. – Moscow : Terra : Book Club of Booksellers, sor. 2016. 348с.
8. Listrova-Pravda Y.T. Selection and use of foreign language inclusions in the Russian literary speech of the XIX century. Voronezh: Voronezh University Publishing House, 1986. 144s.
9. Babkin A.M., Shendetsov V.V. Dictionary of foreign language expressions and words used in Russian without translation: In 3 vols. 2nd ed., St. Petersburg: "KVOTAM", 1994.
10. Oleynikova O. N. Foreign-language inclusions in the texts of the conversational and everyday style of A. A. Akhmatova // Izvestiya Voronezh State Pedagogical University. 2022. No. 3. pp. 182-185. DOI: 10.47438/2309-7078_2022_3_182
11. Oleinikova O.N. Foreign language inclusions in I.A. Bunin's texts of different functional speech styles // Materials on Russian-Slavic linguistics : International collection of scientific papers / Voronezh State University. Voronezh, 2007. Issue 28. 408 p. 177-183.

УДК 81-26

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.31.94.007

Воронежский государственный технический университет

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Воронова Т.А.*

Россия, г. Воронеж

e-mail: invisible2editor@gmail.com

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language*

*and cross-cultural communication
PhD, associate professor*

Voronova T.A.

Russia, Voronezh

e-mail: invisible2editor@gmail.com

Т.А. Воронова

УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА В РОМАНЕ И.В. ГОЛОВКИНОЙ «ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЬ»

В статье рассматривается устаревшая лексика в романе И.В. Головкиной (1904-1989) «Лебединая песнь» (второе название – «Побежденные»). Написанный в 1960 году и впервые изданный в 1992 году, роман имеет четкие хронологические рамки (с 1928 по 1937 годы) и в значительной мере отражает языковую ситуацию первой трети XX века. Согласно традиционной классификации, весь корпус устаревшей лексики, использованной в романе, можно разделить на две группы: историзмы и архаизмы. Историзмы в романе в свою очередь тоже делятся на две группы. Лексика первой относится к дореволюционной эпохе и используется автором для описания прошлого или речевой характеристики некоторых героев романа, особенно тех, кому не нашлось места в новой, советской реальности. Вторая группа историзмов представлена т.н. советизмами, т.е. лексикой новой эпохи, которая, являясь устаревшей с точки зрения современной языковой ситуации, для автора и ее современников представляет собой неологизмы, о чем свидетельствуют и нормативные толковые словари этого времени. Архаизмы в романе представлены в основном семантическими и собственно лексическими. Данная группа лексических единиц требует особого рассмотрения и комментария в силу недостаточной понятности для современного читателя, что не всегда учитывается издателями романа. В статье отмечаются параллели между языком романа «Лебединая песнь», современной исторической беллетристики и мемуарной литературы, написанной современниками И.В. Головкиной. Особое внимание в исследовании уделяется сочетанию старой и новой лексики в романе.

Ключевые слова: И.В. Головкина, роман «Лебединая песнь», лексическая единица, устаревшая лексика, историзмы, архаизмы, неологизмы, советизмы.

T.A. Voronova

OLD-FASHION RUSSIAN LEXICON IN THE NOVEL “THE LAST SONG” BY I.V. GOLOVKINA

The article considers old-fashion lexicon in the novel “The last song” (or “The defeated”) by I.V. Golovkina (1904-1989). Written in 1960 and first published in 1992, the novel has exact chronology (since 1928 till 1937) and reflects language situation of the 1930s significantly. According to the traditional classification, all the old-fashion lexicon in the novel can be divided into the two groups: historicisms and archaisms. Historicisms in the novel also form two groups. The former group includes those lexical units which refer to the pre-revolutionary period. Such lexemes are used by the author for description of the past or speech portraying of the characters who had become the outsiders of the new Soviet reality. The latter group of lexical historicisms is represented by so called Sovietisms, the vocabulary of the new epoch. This lexical group, being old-fashion from the contemporary position, is regarded by the author and the characters of the novel as neologisms, which is also proved by the dictionaries of that period. The group of archaisms in the novel is represented mainly by semantic and lexical types. This lexical group demands special attention and commentary, being not completely clear for modern readers, which is sometimes ignored by the editors of the novel. The article compares the language of the novel, modern historical fiction and memoir literature written by Golovkina's con-

temporaries. Special attention is paid to the combination of old and new vocabulary in the novel.

Key words: I.V. Golovkina, the novel "The last song", lexical units, old-fashion lexicon, historicisms, archaisms, neologisms, Sovietisms

Роман «Лебединая песнь», написанный Ириной Владимировной Головкиной (1904-1989), внучкой композитора Н.А. Римского-Корсакова, в 1960 году, в силу идеологических причин долгое время не мог быть опубликован и дошел до читателя только в 1992 году, уже после смерти автора, когда в журнале «Наш современник» была напечатана сокращенная версия книги под измененным названием – «Побежденные». Нельзя сказать, что роман завоевал широкую читательскую популярность (возможно, не последнюю роль сыграл значительный объем произведения), однако внимание издателей (в самом широком смысле слова) к «Лебединой песни» не ослабевает. Первое отдельное издание романа вышло стотысячным тиражом в 1993 году, спустя два года появилась первая аудиоверсия книги (впоследствии была записана еще одна), в 2018 году полный вариант «Лебединой песни» был размещен в свободном доступе на интернет-портале «Азбука веры»; наконец, в 2021 году группа «Лениздат» (Санкт-Петербург) выпустила роман отдельным изданием.

Действие в романе имеет четко очерченные хронологические рамки: 1928 – 1937 годы – переломный период в истории России, когда «старое», сосуществуя с «новым», вступает в нем в болезненный и трагичный конфликт. Столкновение двух эпох отражено в романе и на лексическом уровне; каждая из них имеет своеобразный лексический код, и данный аспект не может не привлечь интерес исследователя-филолога, поскольку язык романа в значительной мере отражает языковую ситуацию первой трети XX века.

Главным предметом нашего исследования является устаревшая лексика и ее функции в романе И.В. Головкиной «Лебединая песнь». Актуальность данной темы объясняется, во-первых, недостаточной степенью исследованности данного романа в лингвистическом аспекте; во-вторых, тем, что рассматриваемая лексика может быть не до конца понятна современному читателю и потому требует анализа и пояснений. Отдельная трудность для исследователя заключается еще и в том, что некоторые из анализируемых лексических единиц не представлены в нормативных толковых словарях (включая словари, в которых отражена изображаемая в романе эпоха), и при их объяснении приходится опираться исключительно на контекст.

Устаревшая лексика в романе включает в себя как историзмы («слова, прекратившие активно использоваться по причине исчезновения предметов или явлений» [1, с. 73]), так и архаизмы («слова, которые заменяются новыми при сохранении предметов и явлений действительности» [Там же]). Историзмы, используемые автором, включают в себя такие слова и выражения, как *лорнет*, *тальяна*, *земство*, *земский* (врач), *институтка* (воспитанница института благородных девиц), *гувернантка*, *фрейлина*, *смолянка* (выпускница Смольного института), *паж* (выпускник Пажеского корпуса), *князь*, *графиня*, *камергер*, *пепиньерка*, *классная дама*, *поручик*, *кадет*, *визитка*, *шифр*, *курсистка*, *бестужевка*, *сенатор* (член Сената – Т.В.), *кавалергард*, *эсер*, *правовед* (выпускник училища правоведения) и т.д., а также вышедшие из обихода обращения *барыня*, *ваше благородие*, *ваше превосходительство*, *сударыня* и т.п. Как видно из приведенного списка лексем, значительная их часть обозначает род деятельности, звание или общественное положение, которые в 1930-е годы уже отошли в прошлое. Данный слой лексики является своеобразным кодом ушедшей эпохи и, как правило, употребляется в тексте для описания дореволюционного прошлого героев романа, сопровождает их воспоминания или биографические ретроспективы, а также встречается преимущественно в речи персонажей (дворян, бывших военных или выходцев из крестьянского сословия), не принявших нового строя или не сумевших в него влиться:

«Память Елочкиного отца высоко чтилась, и Елочка много раз слышала, как подошел стилю всей семьи этот талантливый **земский врач**» [2, с. 74];

«В 1914 году... вместе с другими **институтками** она писала письма солдатам, собирала посылки на фронт... и жила ожиданием известий» [2, с. 9];

«Если бы не революция, я... могла бы стать **фрейлиной**... Тогда бы я была окружена гвардейцами и **пажами**» [2, с. 14-15];

«Муж ее – **кавалергард князь** Дашков – убит в Белой армии, в Крыму» [2, с. 64];

«Сёстры матери (**курсистки-бестужевки**) были несколько сухи и своеобразно аскетичны» [2, с. 73];

«Нина... невольно проводила параллель между ней и своими **классными дамами** – бывшими **смолянками с шифром**» [2, с. 455];

«*Был взят в концлагерь отец Пети Валуева – бывший **правовед***» [2, с. 348].

Любопытно сочетание в тексте романа «нового» и «старого» лексического элемента (например, курьезное обращение «ваше благородие товарищ доктор» или «товарищ господин доктор»), а также подача автором устаревшей лексики. Как правило, последняя не сопровождается авторским комментарием или объяснением; автор явно рассчитывает на соответствующие фоновые знания читательской аудитории. При этом историзмы, обозначающие предметы одежды и внешнего убранства, нередко сопровождаются соответствующими эпитетами: *ветхозаветная визитка*, *старомодный лорнет*, *допотопная тальма*.

Следует отметить, что издатели романа и составители комментариев к нему придерживаются аналогичной позиции и практически не дают ссылок на устаревшую лексику, относящуюся к историзмам. Не получают пояснений лексические единицы, существующие в современном русском языке, но обозначающие совсем иные реалии. К подобным лексемам можно отнести, к примеру, существительные *визитка* – «из сочетания «визитный костюм» [3, с. 96]; *шифр* – «знак отличия в виде осыпанного бриллиантами вензеля императрицы, которым жаловали блестяще окончивших курс воспитанниц Института Благородных Девиц» [4, с. 567]. Исключение составляют только такие малоизвестные историзмы, как *первоприсутствующий* («глава департамента в Сенате» [2, с. 560]) *тальма* (накидка без рукавов) или *пепиньерка* («девушка, окончившая среднее закрытое учебное заведение и оставленная в нем для педагогической практики» [2, с. 9]). Примечательно, что данное существительное, встречающееся в мемуарах современниц Ирины Головкиной (например, у А.Д. Оберучевой [6]), еще присутствует в нормативных толковых словарях, изданных до Великой Отечественной войны (к примеру, в толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова), но полностью исчезает из словарей в 1950-е годы.

Однако далеко не все лексические единицы в романе «Лебединая песнь», считающиеся устаревшими с точки зрения современной языковой ситуации, являются таковыми для автора и героев романа. Среди историзмов в данном произведении немалую долю составляют т.н. советизмы, или «новые историзмы», которые в контексте изображаемой эпохи представляют собой скорее неологизмы, обозначающие реалии, чуждые или прямо враждебные для представителей «прежней» России. К данной лексической группе относятся такие слова, как: *большевик*, *рабфак*, *жакет*, *местком*, *фининспектор*, *гепеушник*, *колхоз*, *комсомолец*, *выдвиженец*, *пионер*, *управдом*, *партячейка*, *пионервожатая*, *лишенец*, *раскулачивание*, «*минус*» (запрет на проживание в определенных, чаще всего крупных городах) и т.д., а также обращение *товарищ*. В этом ряду можно поместить и прилагательное «*бывший*», неоднократно упоминаемое в романе и приобретшее особый смысл в послереволюционные годы – «лишенный своего звания или прав после Октябрьской революции» [5]. Особо отметим, что «Большой толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, вышедший в 1935-1940 гг., приводит данное значение слова с пометой «неологизм». Этой же пометой сопровождаются и перечисленные выше советизмы.

Нетрудно заметить, что многие лексические единицы из данной группы образованы путем аббревиации; можно предположить, что засилие подобных новообразований в языке первых советских десятилетий вызывало у Головкиной не только идеологическое, но и чисто эстетическое отторжение. Об этом свидетельствует и «словотворчество» некоторых персонажей («совдевушка»; «замком по морде – заместитель комиссара по морским делам» [2, с. 353]), и иронично-пренебрежительный тон, с которым подобная лексика употребляется в речи героев из категории «бывших»:

«*Что вас страшит? Это только **управдом**, а не комиссар Чрезвычайки*» [2, с. 71];

«*Не за **выдвиженцев** же и **комсомольцев** выходить Асе?*» [2, с. 42];

«*Я однажды уже вылетел с **рабфака** потому только, что не сумел держать себя так, как это было необходимо перед... этими **месткомами** и **партячейками***» [2, с. 171];

«*От **фининспектора** нам покоя нет: я малость сапожничаю, зачинаю дыры – так он житья не дает, в любой день и час открывай окаянному!*» [2, с. 326];

«*Казалось бы, советский **колхоз** и ведьмы – две вещи несовместимые, а вот – изволите ли видеть!*» [2, с. 534].

Отметим также, что слова, маркирующие новую, советскую эпоху, И.В. Головкина нередко заключает в кавычки, тем самым обозначая их как чужеродный (для автора или персонажа) элемент: «совсправка», «зарплата», «раздевалка», «коммунальная квартира», «барахолка», «жилплощадь» и

т.д. В некоторых случаях автор использует устаревший синоним в качестве пояснения к новому (напр., «зарплата» – жалование).

Архаизмы в романе «Лебединая песнь» заслуживают не менее тщательного рассмотрения. Прежде всего отметим, что в основном они относятся к категории семантических или собственно лексических; единственный грамматический архаизм в романе – существительное «зало» («зало Дворянского собрания»), которое, однако, в издании 2021 года заменено на современную форму «зал».

К семантическим архаизмам, встречающимся в романе, относятся следующие глаголы и существительные: *отчислить* в значении «уволить»; *служба, служить* в значении «работа», «работать» (в романе используются оба эквивалента); *поступить* в значении «наняться, устроиться на работу»; *институт* в значении «женское среднее учебное закрытое заведение» [5], *гонимик* в значении «обитатель ночлежки», «бродяга»:

«Меня *отчислили* с работы даже без предупреждения» [2, с. 440];

«Смотри, Елизавета, *отчислю!*» [2, с. 25];

«Бабушка не хочет, чтобы я *служила*» [2, с. 170];

«Агаша... в домработницы к моему знакомому академику *поступила*» [2, с. 518];

«Могу вас уверить, что на советской *службе* не слишком весело» [2, с. 203];

«Всенощное бдение в *институте*, причащение с другими девочками – все это поэтическое воспоминание, и – только!» [2, с. 412];

«Другой на моем месте стал бы вором или *гонимиком*, или просто спился» [2, с. 174].

Последний из приведенных примеров особенно интересен. В современном русском языке существительное *гонимик* относится к разряду жаргонизмов и чаще всего употребляется в значении «хулиган, грабитель» [7] или «малообразованный молодой человек, ведущий себя агрессивно и вульгарно» [Там же]. Однако это слово существует в русском языке уже около ста (!) лет и в 1920-е годы употреблялось в значении «представитель городских низов», «обитатель ГОПа» [Там же] – Городского общежития пролетариата (советский «аналог» ночлежного дома). Примечательно, что данная лексема используется и в современной исторической беллетристике – например, в романе И.А. Богдановой «Три Анны»:

«– Отличная комнатка, не сомневайтесь. И хозяйка берет недорого. Не идти же вам ночевать к *гонимикам!* – Видя, что приезжая не понимает его слов, он важно разъяснил: – ГОП, чтобы вы знали, гражданочка, – Городское общежитие пролетариата. И сброд там проживает – не приведи Бог» [8, с. 400].

Не менее интересны и собственно лексические архаизмы, представленные в романе: *впрыскивание, впрыскивать* – инъекция, укол; делать укол, колоть; *нарколизатор* – анестезиолог, *порт-мюзик* – папка для нот (очевидно, несклоняемое; в словарях не встречается. – Т.В.), *градоначальник* – мэр города; *покойницкая* – морг, *сестра милосердия* – медсестра:

«Морфий *впрыскивали* уже» [2, с. 25]; «укрепляющие сердечную мышцу *впрыскивания*» [2, с. 197];

«Человек лежит под хлороформом, и я слышу от врача-*нарколизатора*, что пульс слабеет!» [2, с. 437];

«Меня провели в *покойницкую*: он совсем холодный и лицо неподвижное» [2, с. 498];

«Ася... стояла у стенки зала со своим *порт-мюзик* в черном закрытом платье с полоской брюссельских кружев у горла» [2, с. 35].

Важно отметить, что приведенные нами архаизмы нередко встречаются и в мемуаристике этого времени, т.е. в романе мы видим определенный лексический «срез» эпохи. Так, в воспоминаниях педагога С.С. Куломзиной (1903 – 2000) читаем: «Врач... дал отцу несколько ампул морфия, показал, как их *впрыскивать*» [9, с. 39-40]; «Было решено устроить меня на *службу* в учреждение, где бываю пайки» [9, с. 80]. В мемуарах А.Д. Оберучевой (1870 – 1943), одной из первых выпускниц Женского медицинского института в Санкт-Петербурге, мы находим те же лексические эквиваленты, что и в романе И.В. Головкиной: «Поспешила к больному ребенку, чтобы сделать ему *впрыскивание*» (антидифтерийной сыворотки. – Т.В.) [6, с. 94]; «Врачу, бывшему при умирающем, приходилось постоянно *впрыскивать* морфий» [5, с. 187-188]; «Я намерен недолго *служить*, скоро выйду в отставку» [6, с. 123]; «Я *поступила* в земство на *службу* в статистическое отделение» [6, с. 39].

Как уже отмечалось выше, «старая» и «новая» лексика в романе «Лебединая песнь» могут соединяться автором в одном отрывке с целью противопоставления реалий прошлого и настоящего. Показательным в этом отношении является сравнение понятий «сестра милосердия» и «медсестра», прежде всего с точки зрения мотивации: «С формой изменилось и название, из *сестры милосердия*

она стала «медсестрой» – работающей за деньги советской служащей, и разом сброшен был ореол романтизма с белой косынки! Медсестра уже не имела того образа, который был у *сестрицы* в глазах как офицеров, так и самых простых солдат. Если она стала медсестрой, то только потому, что надо было зарабатывать на жизнь» [2, с. 81].

Однако устаревший и более современный синонимы в романе могут употребляться и наравне друг с другом, не служа какой-то определенной авторской идее: *служба* и *работа*, *впрыскивание* и *укол*, *покойница* и *морг* (второе используется даже чаще), эвфемизм *прости Господи* и *проститутка* и т.д. Возможно, некая лексическая разнородность произведения свидетельствует о не до конца устоявшейся языковой норме в изображаемый автором исторический период.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что роман «Лебединая песнь» представляет собой «портрет» переломного для России времени не только на сюжетном, но и на лексическом уровне. Анализ устаревшей лексики, используемой в романе, дает исследователю возможность лучше понять языковые и социальные процессы, происходившие в ту эпоху, которая описана в романе И.В. Головкиной.

Библиографический список

1. Современный русский язык: Курс лекций / Воронеж. гос. техн. ун-т; сост. О.В. Новикова, Т.А. Воронова, Ю.С. Попова, Н.Н. Лапынина. Воронеж, 2017. 244 с.
2. Головкина И.В. Лебединая песнь (Побежденные). СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Книжная лаборатория», 2021. 992 с.
3. Воронова Т.А. Словарь лирики Арсения Тарковского. Часть I (А-Йота). Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. 296 с.
4. Рогожникова Р.П., Карская Т.С. Школьный словарь устаревших слов русского языка. М.: Просвещение, 1996. 608 с.
5. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. 1935-1940. [Электронный ресурс] URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 21.10.2023).
6. Оберучева А.Д. История одной старушки. М.: Сибирская благовонница, 2016. 846 с.
7. Гопник // Викисловарь [Электронный ресурс] URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/гопник> (дата обращения: 21.10.2023).
8. Богданова И.А. Три Анны. М.: Сибирская благовонница, 2016. 780 с.
9. Куломзина С.С. Миры за мирами: Россия и Церковь в моей жизни. М.: Православ. Свято-Тихоновский гуманитар. ун-т, 2018. 488 с.

References

1. Modern Russian language: a course of lectures. Comp. by O.V. Novikova, T.A. Voronova, Y.S. Popova, N.N. Lapynina. Voronezh State Technical University, 2017. 244 p.
2. Golovkina I.V. The last song (The defeated). St.-Petersburg, 2021. 992 p.
3. Voronova T.A. Vocabulary of Arseny Tarkovsky's verse. Part I. Voronezh State University, 2004. 296 p.
4. Rogozhnikova R.P., Karskaya T.S. School dictionary of old-fashion Russian words. Moscow, 1996. 608 p.
5. Explanatory dictionary of Russian language: in 4 vol. Ed. by prof. D.N. Ushakov. 1935-1940. [Electronic resource] URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (date of application: 21.10.2023).
6. Oberucheva A.D. A story of an old lady. Moscow, 2016. 846 p.
7. Gopnik // Wiktionary [Electronic resource] URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/гопник> (date of application: 21.10.2023).
8. Bogdanova I.A. Three Annas. Moscow, 2016. 780 p.
9. Kulomzina S.S. Worlds after worlds: Russia and Church in my life. Moscow, 2018. 488 p.

УДК 82

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.93.53.008

*Воронежский государственный
технический университет
Доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Ковалева Л.В.
Россия, г. Воронеж
тел. +79107498716
e-mail: kafedra_rus@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
Doctor of Philology, full professor
Kovaleva L.V.
Russia, Voronezh
tel.: +79107498716
e-mail: kafedra_rus@mail.ru*

Л.В. Ковалева

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ И.С. ШМЕЛЕВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»

Произведение И.С. Шмелева «Лето Господне» посвящено изображению русских религиозных традиций, обрядов, то есть русской православной культуре. В статье рассматриваются образы русских женщин как воплощение мудрости, смирения, религиозности. Автор акцентирует внимание на контрасте духовного и материального, который пронизывает всю сюжетную линию романа. Этот контраст особенно ярко показан при описании женских образов. С одной стороны, автор показывает, что простые русские женщины могут быть бедны, некрасивы, с другой стороны – они добродетельны, мудры и религиозны. В романе присутствует целая плеяда женских образов: банщица Полугариха, Пашенька-преблаженная, торговка Маревна, торговка лесом Катерина Ивановна и другие. Все они описаны И.С. Шмелевым с симпатией и любовью. У женщин трудная судьба. Однако писатель показывает истинную сущность русских женщин, именно благодаря жизненным испытаниям, они обретают себя в православии и находят силы прийти в трудную минуту на помощь. Писателю было важным подчеркнуть красоту народной души, православное мировоззрение русского народа, его подлинно христианский взгляд на мир и человека.

Ключевые слова: добродетель, религиозность, православие, мудрость, гостеприимство.

L.V. Kovaleva

FEMALE IMAGES IN THE NOVEL “THE YEAR OF THE LORD” BY I.S. SHMELEV

The novel «The year of the Lord» by I.S. Shmelev is dedicated to the depiction of Russian religious traditions, rituals, that is Russian Orthodox culture. The article sites the images of Russian women as the embodiment of wisdom, humility and religiosity. The author focuses on the contrast between the spiritual and the material, which permeates the entire plot line of the novel. This contrast is especially clearly shown in female images. On the one hand, the author shows that ordinary Russian women can be poor and ugly, on the other hand, they are virtuous, wise and religious. The novel contains a whole galaxy of female characters: the bathhouse attendant Polugarikha, Pashenka the Blessed, the merchant Marevna, the timber merchant Katerina Ivanovna and others. All of them are described by I.S. Shmelev with sympathy and love. Women have a difficult fate. However, the writer shows the true essence of Russian women: due to life trials they find themselves in Orthodoxy and find the strength to come to the rescue in difficult times. It was important for the writer to emphasize the beauty of the people's soul, the Orthodox worldview of the Russian people, their truly Christian view of the world and man.

Key words: virtue, religiosity, Orthodox Christianity, wisdom, hospitality.

Произведение И.С. Шмелева «Лето Господне» выделяется среди других книг писателя, потому что, с одной стороны, это изображение религиозности и русских традиций, воплощенных в образах простых русских людей. С другой стороны, это история православных праздников, книга об обрядах православия, поэтому можно констатировать, что главная тема романа – православная культура. Опубликовав это произведение в эмиграции в 1926 году, И.С. Шмелев получил восторженные отзывы об этом романе. Книга эта заняла значительное место как в мировой, так в русской

литературе.

Герои произведения рассказывают о святых и их подвигах, о смысле религиозных обрядов. Женские образы описаны так душевно и правдоподобно, что, говоря словами И. Ильина, как будто эти образы вторгаются в читателя, в его душу, настолько они подлинно-реальные [1, с. 339].

Автор акцентирует внимание на противопоставлении духовного и материального мира, которое пронизывает всю сюжетную линию: и нищие, и купцы, богатые и бедные, монахи и миряне.

Особенно ясно этот контраст наблюдается при описании женских образов. Величественно описывает Шмелев образ Пресвятой Богородицы, ее появление перед народом, «грядет Царица Небесная надо всем народом. Идет она воздушной поступью, Вся в алмазах и жемчугах. Она – Царица Небесная. Она – над всеми. Она – свет» [2, с.94]. Стало светло вокруг, и все стало храмом.

Высокий светлый женский образ Богородицы контрастирует с мирской жизнью. «Темное – головы и спины, множество рук молящих, весь забитый народом двор»: петух и куры, мычащая корова, грязь. Антитезой образа Богородицы является фигура Цыганки, которая прячется от страха перед появлением Царицы Небесной, забивается под бревна и начинает «скулить».

В романе присутствует целая плеяда небольших женских образов, которые в романе описаны И.С. Шмелевым с искренностью и любовью. Автор старается показать, что простые русские женщины могут быть бедны, некрасивы, однако мудры и религиозны.

Например, банщица Полугариха. Внешне она некрасива, в бородавках и даже кривая, и пахнет от нее пробками, но очень богомольна: ходила в «старый Ерусалим» и защищала православие. Несмотря на побои турок, русские женщины в «Ерусалиме» ждали появления святого огня. «Мы-то плачем, у гроба Господня, а они с мечами... да с бичами... – хлесть-хлесть! И выстегнули. Ждут демоны, – не сойдет огонь с неба, – всем нам голову долой! Как пал огонь с небес, так все лампадки-свечечки и загорелись. Как мы вскричим – «правильная наша вера!» [2, с. 136] Она искренне считает правильной веру православную, которую надо стойко отстаивать, и полагает, что все демоны разбегаются перед Господом.

Замечателен также образ Пашеньки-преблаженной. В молодости она была счастливой и богатой, но случилось несчастье – дети в огне сгорели. Одета она теперь всегда в черном, худенькая, подвижная. Горе не сломило ее, она стала богомолицей и провидицей: «Как сказала однажды, что дни у Васи коротки, так и умер через неделю в Крыму» [2, с.134]. Боится ее кучерявый и желтозубый Цыган, все время крест ей показывает, тем самым старается доказать, что он тоже православный, и постоянно ей кланяется.

Торговка Маревна показана Шмелевым доброй, отзывчивой и благодарной. Однажды граф Сергей Иванович помог Маревне пристроить ее внуков и разрешил ей торговать около бани, потому что торговля там идет очень бойко. Как увидит Маревна своего спасителя, так радуется, крестится: «Вот уж святая радость-то какая, видеть нашего Сергея Ивановича» [2, с.371]. Торгует Маревна медовыми пряниками, сахарными петушками, сахарной клубникой – все это, казалось бы, мелочи, но и они веселят народ. Все говорят: «Святая радость».

В эпизоде с Маревной автор подчеркивает, что, имея общую для русского народа православную веру, все люди живут мирно друг с другом, помогают друг другу. Богатые в лице графа Сергея Ивановича протягивают руку помощи бедной Маревне, считая эту помощь своей обязанностью, а бедные уважают и преклоняются перед ними, благодарят их. Ванечка, главный герой романа, учится на примере своего отца быть добрым и отзывчивым к людям. Горкин учит его: «Горкин мне говорит взволнованно – дрожит у него голос: «Так и поступай, с папашеньки пример бери... не обижай никогда людей... Наши ребята хорошие» [2, с. 291].

Женские персонажи в романе имеют сложные судьбы – например, Анна Ивановна, сторожиха-банщица. Граф Сергей Иванович очень почитал ее, называл «светлой и чистой Аннушкой». Она была молода, ходила в белом платке и в светлом ситцевом платье; на вид очень приятная, милая, добрая и тихая; очень разумно говорила. Но у нее горе неутешное: ребенок умер; однако Анна горя не показывает, не плачет. Муж у нее в солдатах, угнали куда-то далеко.

Теперь, спустя годы, женщина стала скучной и болезненной. Однако, понимая чужое горе – болезнь графа Сергея Ивановича, она пришла ухаживать за ним. Она взяла с собой лишь узелок, самое необходимое. Попросила провести ее к больному; рассказала ему, что все бабы очень его жалеют: Полюшка далеко пешком ходила в монастырь, чтобы помолиться за его здоровье, и просила передать две просвиры. Повеселел больной. Начала Анна Ивановна его бульоном кормить с

ложечки, Евангелие читать, уговаривала больного Сергея Ивановича, чтобы тот не плакал: «Миленький ты мой... не надо плакать. Бог милостив» [2, с. 412]. Всю тяжелую работу она взяла на себя по уходу за умирающим графом, говоря, что пришла потрудиться.

На праздник Вознесения Господня Аннушка ходит с лампадкой, подходит к образам, которые находятся в спальне Сергея Ивановича, и молится за здоровье графа. Становится у него светло на душе, и он говорит ей: «Душевная ты, добрая, ласковая. Спасибо тебе, милая Аннушка, за доброту твою» [2, с. 413].

Не пощадила судьба и Катерину Ивановну. Катерина Ивановна – женщина богомольная; раньше богато жила, лесом торговала, но случилось так, что она прогорела. Несмотря на беду, она не ожесточилась, наоборот – стала милосердной: нищим помогает, кормит, горячим чаем поит. Обратилась она к Богу, молилась. Услышал Бог ее молитвы, и Господь подарил ей хорошего сына, богомольного, который каждый день в церковь ходит.

Еще один женский персонаж – Палагея Ивановна, родная тетка графа Сергея Ивановича. Ее все боятся, потому что она «тайная премудрость». И.С. Шмелев подробно описывает ее внешность: полная, даже грузная, ходит медленно, тяжело, перевалочкой; одета всегда в широком платье, а сверху платья накинута турецкая шаль, на голове черная косынка, завязанная по старинке. Особенно выразительны ее глаза, в которых скрыта какая-то тайна, что-то непонятное и страшное. Говорит она без единой запинки, красиво, беседовать может целый вечер. Все ее боятся за то, что она каждому судьбу рассказать может. Говорят, что «ангелы ей шепчут». Предсказала она, что умрет на масленицу, так и случилось. Отвезли Палагею Ивановну на Ваганьковское кладбище как раз на масленицу.

Интересен образ Домны Парфеновны, пожилой женщины, приветливой, верующей, гостеприимной, живущей она на церковном дворе. Она толстая, юбка у нее как колокол. Парфеновна – повитуха. Некоторых она от мозолей лечит, у женщин роды принимает. В гости всех приглашает. Вся комната у нее в образах. Была она Святой земле. У нее редкости иорданские: святая земля в пузырьке, рыбки из Христова моря, апостольские туфельки, которые под иконками висят. Так светло и уютно, как будто не в комнате, а в церкви находишься.

Судьба у нее непростая: дочь умерла, внучка Аннушка осталась сиротой. Домна Парфеновна свою внучку воспитывает по-христиански, в святости. По праздникам на могилку к дочке вместе с Аннушкой ходит. Анюта говорит, что, когда выйдет замуж, бабушка ей подарит образа и все святыни и будет она их хранить, а потом и деткам передаст. С детства Аннушка понимает христианскую веру, будет в жизни хранить ее и передавать будущим поколениям, станет хранительницей семейных ценностей и прекрасной матерью.

Автор показывает истинную сущность русских женщин: именно благодаря жизненным испытаниям они обретают себя в православии и находят силы прийти в трудную минуту на помощь ближнему. В то же время произведение «Лето Господне» является для автора ностальгией по утраченной родине, о своих близких и родных, и «идеалом православной русской культуры» [3, с.343] Как отмечает Е.М.Болдырева: «русская атмосфера» является проявлением ностальгии автора по родине и противопоставляется западному миру, который так и остается чуждым душе писателя [4, с. 248].

Библиографический список

1. Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. М., 2007. С. 339.
2. Шмелев И.С. Лето Господне. Повести. Рассказы. М., 2010. 831С.
3. Лисица Ю.Т. Идеи и идеалы русской культуры. Русская книга – XXI век. М., 2007. С.343.
4. Болдырева Е.М. «Утраченный рай» Ивана Шмелева в автобиографической повести «Лето Господне» // Ярославский педагогический вестник. 1999. №1 (19). С. 248.

References

1. Shmelev I.S. The year of the Lord. Novels. Stories. Moscow, 2010.
2. Iljin I.A. The essence and specificity of Russian culture. Moscow, 2007. P. 339.
3. Lisitsa Y.T. Ideas and ideals of Russian culture. Russian book – 21st century. Moscow, 2007.
4. Boldyreva E.M. "The lost paradise" of Ivan Shmelev in autobiographical novel "The year of the Lord" // Yaroslavl teaching bulletin. 1999. Vol.1 (19). С. 343.

УДК 808.2:82-3

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.45.66.009

Воронежский государственный технический университет»

преподаватель кафедры русского языка

и межкультурной коммуникации

Устинова Н.Н.

Россия, г. Воронеж, +7(4732)71-50-48

e-mail: xelina@list.ru

Voronezh State Technical University

The chair of Russian language and cross-cultural communication, assistant

Ustinova N.N.

Россия, г. Воронеж, +7(4732)71-50-48

e-mail: xelina@list.ru

Н.Н. Устинова

БИБЛИОНИМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ВИТАЛИЯ БИАНИ

В статье уделяется внимание изучению библионимов как одному из важнейших компонентов исследования художественного произведения на примере творчества В.В. Бианки. На данный момент библионимы изучены недостаточно, но исследования в этом направлении актуальны и значимы, поскольку название текста тесно связано с его содержанием. Затрагивается вопрос о целесообразности версии прямого влияния названия художественного текста на его содержание. Принято полагать, что В. Бианки писал тексты, адресованные исключительно детской аудитории, о природе, при этом произведения автора написаны в соответствии с романтической концепцией двоемирия, писатель представлял природу как высшую реальность, противопоставленную «цивилизованной жизни». Нелегкая судьба писателя получила отражение в его творчестве. В данной статье отмечается, что библионимы В.В. Бианки включают такие элементы, как зоонимы, топонимы, аллюзии и др., автором статьи выделяются персонифицированные и комические названия, заголовки-предложения разнообразные по характеристике. В. Бианки работал для детской и взрослой аудитории, только спустя годы автор понял, что писал для взрослых, сумевших не утратить в себе детскую душу, что в библионимах.

Ключевые слова: библионим, ономастика, природа, В.В. Бианки, детская литература.

N.N. Ustinova

BIBLIONYMS IN THE WORKS OF VITALY BIANCHI

The article pays attention to the study of biblionyms as one of the most important components of the study of a work of art on the example of the work of V.V. Bianchi. At the moment, biblionyms have not been studied enough, but research in this direction is relevant and significant, since the name of the text is closely related to its content. The question of the expediency of the version of the direct influence of the title of the literary text on its content is raised. It is generally assumed that V. Bianchi wrote texts addressed exclusively to a children's audience about nature, while the author's works are written in accordance with the romantic concept of the two worlds, the writer represented nature as the highest reality opposed to "civilized life". The difficult fate of the writer was reflected in his work. In this article it is noted that the biblionyms of V.V. Bianchi include such elements as zoonyms, toponyms, allusions, etc., the author of the article highlights personalized and comic names, headings-sentences of various characteristics. V. Bianchi worked for children and adults, only years later the author realized that he was writing for adults who managed not to lose the child's soul in themselves, which is in biblionyms.

Keywords: biblionym, onomastics, nature, V.V. Bianchi, children's literature.

Творческое наследие Виталия Валентиновича Бианки состоит из большого количества произведений для детской аудитории. Язык его повествования доступен любому читателю, биологическое образование помогло автору более реалистично описывать природу и животных. Однако проза В.В. Бианки при ее понятности и доступности изучена недостаточно и представляет собой, по мнению Т.А. Федяева, «сложное явление, вписанное в контекст культуры русского модерна и постсимволизма» [1]. Принято полагать, что В. Бианки писал тексты, адресованные исключительно детской аудитории, но это не совсем так. Т. Федяева предлагает взглянуть на творчество В.В. Бианки с точки зре-

ния его склонности к мистицизму. Из воспоминаний дочери Елены следует, что писатель «...увлекался Индией, читал «Тайную доктрину Блаватской, штудировал современных мыслителей современных мыслителей, даже таких парадоксальных, как Н. Федоров, размышлявших, в частности, о возвращении жизни всем умершим», а благодаря бывшей соседке по даче он познакомился с последователями оккультного учения Р. Штайнера.

Следует упомянуть о том, что любимым автором В. Бианки был символист А. Блок. Особенно он ценил его драму «Роза и крест» и отождествлял себя с героем-скитальцем Гаэтаном. Миссией своей В. Бианки считал трогать сердца людей «бесцельным зовом». Поэтому, в соответствии с романтической концепцией двоемирия, писатель представлял природу как высшую реальность, противопоставленную «цивилизованной жизни». Подобно многим своим современникам, он мечтал сочетать познание мира в синтезе науки, искусства и мистицизма [2]. Эти факты не могли не отразиться на творчестве.

Обратимся к биографии автора. Писатель родился в Санкт-Петербурге в семье известного русского учёного-биолога Валентина Львовича Бианки. Детство прошло большей частью на работе отца Валентина Бианки в Зоологическом музее. К литературе В. Бианки приобщился во время обучения, так как учился он сначала в Филологической гимназии при Историко-филологическом факультете университета, затем в частной гимназии Столбцова. Но в 1915 г. после смерти матери идиллическая юность писателя закончилась. Желая уйти от жизненных трудностей, писатель предпочел занятия любимым делом. Он наблюдал за окружающим миром, природой, записывал увиденное. Эти записки послужили отправной точкой при создании рассказов о природе. В общей сложности В. Бианки сочинил три сотни произведений, среди которых детские сказки, рассказы, статьи, повести. Он издал порядка 120 своих книг и главными жанрами были рассказ, повесть и сказка. По его мнению, это самые популярные у читателя жанры [1].

Свои первые прозаические произведения В.В. Бианки называл «нёсказками», с ударением на первый слог, что уже подчеркивает близость к реальности и расширяет возрастную аудиторию. Эти были небольшие тексты, чаще написанные в манере, близкой к сказовой, с обилием разговорной речи и композиционными приемами, напоминающими о фольклоре. Но за сказочной формой скрывались вполне конкретные факты о животных, показанные читателю. Он стремился не допускать антропоморфизма, считал недопустимым облачать животных в человеческие обличья, избегал морали, деления персонажей на плохих и хороших, в описаниях природы, из рассказов дочери Елены Бианки-Ливеровской, тяготел к научной точности [1], однако в изображаемых им животных мы уезжаем человеческие черты. В лесе Одинце мы видим неудержимую любовь к свободе, желание обрести дом встречаем у мышонка по имени Пик, тягу к творчеству видим у любопытного медведя в рассказе «Музыкант», где он забавляется игрой на торчащей из пня щепке.

Характеризуя названия произведений писателя этого периода, можно выделить те разновидности библионимов, которые преобладали на протяжении всего его творческого пути:

названия-зоонимы, которые невольно одушевляют животных, ставя в один ряд с человеком: «Путешествие красноглазого воробья», «Мышонок Пик»;

топонимы, фокусирующие внимание на природе: «Лесные домишки», «На великом морском пути».

С точки зрения синтаксиса, выделим *вопросительные предложения* в названии, которые притягивают особенно юного читателя, отличающегося желанием найти ответ: «Чей нос лучше?»(1923), «Чьи это ноги?», «Кто чем поёт?»(1923).

Вслед за этим В. Бианки написал еще несколько книг, вышедших отдельным тиражом. Отметим, что в 1920-е годы В. Бианки и его коллегам, молодым писателям-натуралистам, фактически с нуля пришлось создавать детскую литературу о природе. Но написанное делает его одним из основоположников советской литературы для детей, основателем целого направления, посвященного научно-художественному изображению жизни леса и его обитателей.

В течение жизни писателю довелось бывать в разных местах нашей страны: на Кавказе, Алтае, Южном и Северном Урале, Заполярье. Пребывание на Алтае сыграло решающую роль в судьбе В.В. Бианки. Четыре года, проведенные здесь (1918–1922), привели к изменениям семейных связей – разрыву с первой женой и обретению новой семьи, а также определили выбор профессии – именно на Алтае он решил стать писателем-натуралистом, а не ученым-биологом [4]. Выделим особенности, характерные для названий произведений В.В. Бианки более позднего периода.

Начатую в первых произведениях тенденцию использовать в названии *зоонимы* наблюдаем и позже. Они составляют подавляющее большинство, в основном употребляются автором в названиях,

включающих определение или приложение: «Анюткина утка», «Глухариный ток», «Заячьи хитрости», «Золотая чайка», «Ёж-спаситель», «Заяц-всезнаец», «Кошкин выкормыш», «Медвежья болельница», «Паучки-летчики», «Паучок-пилот», «Рыбий дом», «Рыбы голоса», «Старая ворона», «Маленькая собака и лиса, большая собака и волк», «Малограмотный лисенок», «Одуроченные тетерева», «Кузьяр-Бурундук и Инойка-Медведь», «Кукушонок», «Купание медвежат», «Сумасшедшая птица», «Страшный птенчик», «Тигр-пятитолосик», «Хитрый Лис и умная Уточка», «Храбрая рыбешка», «Черная лисица», «Черный сокол», «Золотое сердечко», «Зеленый друг», «Роковой зверь», «Стеклянные лягушата», «Ушки в мешке», «Живое облако», «Живые кладовые», «Живые памятники», «Учебные площадки», «Хитроумные площадки», «Умная голова».

Еще одну группу составляют названия с *устаревшим* зоонимом: «Одинец», «Зинзивер в избе».

Выделяются *персонафицированные названия*: «Аскыр», «Аришка-трусишка», «Косой Санька», «Секрет Аршака», «Соня Маша», «Храбрый Ваня», «Терентий-Тетерев».

Встречаются в названиях произведений В.В. Бианки *устойчивые сочетания*: «Где раки зимуют», «Кому законы не писаны», «Кому смех, кому слезы», «Мал да удал», «Один за всех, все за одного», «Оставили с носом», «Шиворот -навыворот».

Отметим в качестве библионимов *полные предложения-утверждения*: «Плохо пришлось даже птицам», «По речкам, рекам и озерам», «Новые лесные обычаи», «Не быть лесу мертвым», «Открытие охоты на зайцев», «Открытие летней охоты», «Зимние гости собираются в путь».

Используются В.В. Бианки *вопросительные предложения* в составе названий текстов: «Дотерпят ли?», «Кто где живет», «Кто еще проснулся?», «Кто из чего строил себе дом?», «Кто как читает?», «Кто ночью не спит?», «Кто убийца», «Кто чем питается?», «Кто чем поёт?», «Опять лето?», «Сколько у кого детей?», «Что же в гнездах?», «Что делали рыбы зимой?», «У кого еще гнезда», «Какие вывелись птенцы у бекаса и сарыча?».

Отдельную группу составляют названия, являющиеся *повествовательными предложениями*: «Как дяденька Волов искал волков» (рассказ деревенского школьника), «Как Лис Ежа Перехитрил», «Как лиса барсука из дома выжила», «Как муха медведя от смерти спасла», «Как я хотел зайцу соли на хвост насыпать» (рассказ корабельного механика). Отметим, что подобные конструкции составлены в традициях фольклора.

Выделим *императивные предложения*: «Проверьте, пожалуйста!»

Встречаются названия, включающие *звукоподражания*: «О Аулей, Аулей, Аулей!» напоминает обращение, на самом деле это крик птички-морянки), «Уммб!».

Отметим названия с указанием на место и время (*хронотопы*): «Зимнее летечко», «Зимний полдень», «Цветная ночь», «На Великом морском пути», «На дне снежного моря».

В отдельную группу нами отнесены названия *парадоксальные, с эффектом комизма*: «С поросячком на волков», «С ружьем на комаров», «С гончими по чернотопу», «Рыло из проруби», «С флажками на волков», «Странное исчезновение козодоевых яиц», «Шестиногая лошадь», «Чучела и пугала», «Угри отправляются в последнее путешествие», «Фокус маленьких крутиголовок», «Трубные звуки с неба», «За утками на маркизову лужу».

Используются В.В. Бианки названия-аллюзии, а также библионимы, основанные на игре слов: «Метельки, или тысяча и один день», «Муравей и Стрекоза», «Муха и чудовище», «На дне снежного моря», «Репортаж со стадиона Жукамо».

В некоторых библионимах содержится указание на субъект: «Она», «Бун». Обратим внимание на названия представленных рассказов, которые образуют единое целое. Налицо идентичность заглавий в плане трехбуквенного состава. Начиная с конца 1930-х годов для советской литературы становится популярным уход в сказку как способ бегства от действительности, что нашло отражение и в произведении В.В. Бианки. Сюжет рассказа «Она» схож с фольклорным. Молодость героя, сближение ойротки с могучей «мистической» силой – «Ею», имя коня – «Воронко» – все это намекает на сказочный подтекст [5]. Более пристальное рассмотрение инвентаря и порядка функций персонажей произведения устанавливает подобие его строения с типичной сказочной композицией, исчерпывающе описанной В.Я.Проппом [6]. Ученый-метеоролог ассоциируется со сказочным персонажем, с царём, которого в финале сменяет прошедший испытания герой, а также присутствует вредитель, с которым герой вступает конфликт. Далее следует предварительное испытание, в результате чего герой получает волшебную помощь. Изоморфизм змеи и реки – один из самых древних в мировой культуре. В мифологии сибирских аборигенов есть сюжет о происхождении рек из следа, протертого

телом змея [7], Змея выступает Хозяйкой реки [8]. Сакральное число семь постоянно используется при описании мировой реки в мифах и фольклоре сибирских автохтонов [7].

Рассказ «Бун» – это притчеподобное предостережение человечеству о последствиях самонадеянного, надменного отношения к окружающему миру. Звукобуквенный состав заглавий организован по принципу инверсии: «согласный – гласный – согласный» и «гласный – согласный – гласный». Антонимична также категория рода: мужское – женское. Оба заглавных субъекта в текстах произведений подлежат множественной номинации, расположенной в противоположных местах текста.

Исход сюжетов различен. Если в рассказе «Она» молодой и самонадеянный герой проходит своеобразную инициацию, приобретает новый, более глубокий и многоракурсный взгляд на мир, то в раннем произведении повествуется, скорее, о неудачной инициации, о неспособности довериться интуитивному чувству, уловить естественное, органическое единство мироздания. Тем самым два рассказа В.В. Бианки диаметрально противоположным образом варьируют одну и ту же связанную с Алтаем проблематику, являясь текстами-антагонистами. Следует отметить, что в творчестве писателей первой половины XX века «дух Алтая» является одним ведущих. Таким образом, корпус текстов В.В. Бианки, в которых явно или благодаря историко-культурным комментариям устанавливается географическая привязка к Алтаю, обладает не только тематической связностью, но и внутренней упорядоченностью. Тенденция к образованию двоичных микроциклов, наличие единого сюжетного инварианта и мифологического субстрата говорят о существовании алтайского текста в творчестве писателя.

После того как В.В. Бианки вернулся в родной Ленинград с Алтая, его творческая биография вышла на новый уровень. В родном городе писатель начал посещать кружок С. Маршака и полностью погрузился в написание своих произведений, в которых зеленела трава, щебетали птицы и животные отправлялись за новыми приключениями.

В 1925 году в Петрограде В.В. Бианки вновь был арестован за участие в несуществующей подпольной организации и приговорен к ссылке на 3 года в Уральск. Впервые писатель со своей семьей приезжает на новгородскую землю летом 1924 года. В этом же году начинает вести в журнале «Воробей» раздел о природе, названный им «Лесная газета». Из этого раздела выросла главная книга Бианки – «Лесная газета», над которой он начал трудиться в 1924 году. До 1958 года вышло десять ее изданий, постоянно дополняющихся и изменяющихся внешне. Оригинальная подача новостей лесной жизни пришлась по душе читателям. «Лесная газета» так понравилась детям за границей, что была переведена на несколько языков и издана во многих странах мира.

В начале 1929 года В.В. Бианки получает разрешение вернуться в Ленинград, но почти каждый год, теперь уже добровольно, он снова появляется на Новгородчине.

В мае 1942 года семья писателя была эвакуирована в Молотов (Пермь). Здесь В. В. Бианки встречается с работниками и воспитанниками детских домов и интернатов, выступает на конференциях и семинарах, в школах, домах культуры, читает свои рассказы в педучилищах и школах. В эти годы было написано около полутора десятков рассказов, среди них – «Приказ на снегу» (1942), «Терева в лунках» (1942), «Мышарик» (1943) и др.

Относительно «взрослым» произведением В.В. Бианки стали репортажные заметки о блокадном Ленинграде «Город, покинули птицы», которое было опубликовано в 1944 году.

Летом 1947 г. семья Бианки отправляется на озеро Боровно Окуловского района, в местечко Погост. Там создаются рассказы и сказка под названием «Синичкин календарь», в которой в доступной форме описываются законы природы, для многих являющиеся загадкой.

Нелёгкая судьба В.В. Бианки отразилась в его произведениях, которые адресованы в основном детям. Рвущиеся на волю герои автобиографичны и отражают свободолюбивые стремления автора, свист и пение «музыкального мышонка Пика на самом деле хрип из сдавленной груди [1]. Популярность писателю принесла и программа на радио «Вести леса», которая выходила в эфир один раз в месяц и подавалась в форме своеобразного календаря.

Литературный путь В.В. Бианки закончился незавершенной книгой под названием «Опознаватель птиц на воле». На страницах дневника оставлена запись о том, что он движется вперед благодаря какой-то жизнерадостной силе, что именно она дала ему все то хорошее, что случилось с ним в жизни. История В.В. Бианки напоминает биографию его старшего товарища Михаила Пришвина. Оба были охотниками, краеведами, натуралистами, подвергались арестам.

В одном из своих интервью В.В. Бианки сказал, что старался писать так, чтобы и взрослые читали его произведения с удовольствием, и только спустя годы автор понял, что писал для взрослых,

сумевших не утратить в себе детскую душу. Названия текстов и тот смысл, который он вкладывал в них, это отражают.

Библиографический список

1. Нестерова И.А. Творчество Виталия Бианки // Энциклопедия Нестеровых. URL: <https://odiplom.ru/lab/tvorchestvo-vitaliya-bianki.html> (Дата обращения: 27.08.2023)
2. Федяева Т.А., Бианки В.В. Виталий Бианки. М.: Молодая гвардия, 2021.
3. Богумил Т.А. Алтайский текст Виталия Бианки. Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. №19 (2). С. 226–237. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.201> (Дата обращения 27.08.2023)
4. Богумил Т.А. Бианки Виталий Валентинович // Богумил Т.А., Завгородняя Н.И., Куляпин А.И., Худенко Е.А. Литературно-туристический Алтай: топосы – мифы – имена. Барнаул, 2018. С. 94–98.
5. Куляпин А.И. Образ Алтая в рассказе В.Бианки «Она» // Худенко Е.А., Куляпин А.И., Богумил Т.А., Завгородняя Н.И. Литературная мифология Алтая. Барнаул, 2019. С. 114–123.
6. Пропп В.Я. Морфология (волшебной) сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998.
7. Павлинская Л.Р. Реки Сибири // Реки и народы Сибири: сб. науч. ст. СПб.: Наука, 2007. С. 18-55.
8. Тадина Н.А. Река как образ родины у алтайцев. В сб.: Реки и народы Сибири: сб. науч. ст.. СПб.: Наука, 2007. С. 151–158.

References

1. Nesterova I.A. The work of Vitaly Bianchi // Encyclopedia of the Nesterovs. URL: <https://odiplom.ru/lab/tvorchestvo-vitaliya-bianki.html> (Accessed: 08/27/2023)
2. Fedyaeva T.A., Bianki V.V. Vitaliy Bianki. M.: Molodaya gvardiya, 2021.
3. Bogumil T.A. Altaisky text by Vitaliy Bianki. Bulletin of St. Petersburg University. Language and literature. 2022. No.19 (2). pp. 226-237. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.201> (Accessed 27.08.2023)
4. Bogumil T.A. Bianki Vitaly Valentinovich // Bogumil T.A., Zavgorodnaya N.I., Kulyapin A.I., Khudenko E.A. Literary and tourist Altai: topos – myths – names. Barnaul, 2018. pp. 94-98.
5. Kulyapin A.I. The image of Altai in V.Bianka's story "She" // Khudenko E.A., Kulyapin A.I., Bogumil T.A., Zavgorodnaya N.I. Literary mythology of Altai. Barnaul, 2019. pp. 114-123.
6. Propp V.Ya. Morphology of a (magical) fairy tale. The historical roots of a fairy tale. M.: Labyrinth, 1998.
7. Pavlinskaya L.R. Rivers of Siberia // Rivers and peoples of Siberia: collection of scientific Art. SPb.: Nauka, 2007. pp. 18-55.
8. Tadina N.A. River as an image of the motherland among the Altaians. In the collection: Rivers and Peoples of Siberia: Collection of scientific articles. St. Petersburg: Nauka, 2007. pp. 151-158.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 81'276.5

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.95.87.010

Ростовский государственный университет путей сообщения, филиал в г. Воронеж

Кандидат филологических наук

Доцент

Белявцева И. В.

Россия, г. Воронеж, тел. +7-903-856-55-34

e-mail: ibelyavtseva@rambler.ru

Rostov State Transport University, Branch in the city of Voronezh

PhD in Philology

Associate Professor

Belyavtseva I. V.

Russia, Voronezh, tel. +7-903-856-55-34

e-mail: ibelyavtseva@rambler.ru

И.В. Белявцева

ЗООМОРФНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЕДИНИЦ ПОДВИЖНОГО СОСТАВА В ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ЖАРГОНЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена анализу семантических особенностей зооморфных метафорических номинаций единиц подвижного состава немецкого языка в профессиональном жаргоне. Интерес к железнодорожному жаргону вызван стремлением к более глубокому пониманию профессиональной картины мира специалистов этой сферы деятельности. Целью исследования является выявление совокупности лексических единиц, служащих для репрезентации метафорических образов железнодорожного транспорта, и их классификация. К методам, использованным в ходе исследования, относятся: метод лингвистического наблюдения и описания, метод сплошной выборки, классификационный, когнитивный и количественный методы. Анализ языкового материала, извлеченного из железнодорожных интернет-форумов и чатов, показал, что в немецком профессиональном жаргоне при номинации единиц подвижного состава активно воплощаются образы различных представителей животного мира (млекопитающих (домашних и диких), птиц, насекомых, пресмыкающихся, земноводных, рыб), которые обнаруживают различную степень продуктивности. Было выяснено, что ядро номинативного поля составляют зоонимы, возникшие при переносе значения на основе внешнего сходства, которое может быть мотивировано размером, формой или цветом. На периферии поля находятся жаргонные обозначения единиц подвижного состава, образованные при переносе наименования на основе сходства с действиями животных. Выявление этнокультурных особенностей развития и функционирования переносных значений и описание возможных моделей метафорического осмысления способствует взаимопониманию в профессиональной среде разных национальных лингвокультур.

Ключевые слова: метафора, зооморфизм, железнодорожный жаргон, подвижной состав, немецкий язык.

I.V. Belyavtseva

ZOOMORPHIC NAMES OF ROLLING STOCK UNITS IN THE RAILWAY JARGON OF THE GERMAN LANGUAGE

The article is devoted to the analysis of semantic features of zoomorphic metaphorical nominations of rolling stock units in the professional jargon of the German language. The interest to railway jargon is caused by the desire for a deeper understanding of the professional picture of the world of specialists in this field of activity. The aim of the study is to identify a set of lexical units that serve to represent metaphorical images of railway transport, and their classification. The methods used in the course of the study include: the method of linguistic observation and description, the method of continuous sampling, classification, cognitive, and quantitative methods. The analysis of linguistic material extracted from railway Internet forums and chats showed that in German professional jargon, when nominating units of rolling stock, images of various representatives of the animal world (mammals (domestic and wild), birds, insects, reptiles, amphibians, fish) are actively embodied, and they show different degrees of productivity. It was found out that the core of the nominative field consists of zoonyms that arose when transferring meanings based on external similarity, which may be motivated by size, shape or color. On the periphery of the field there are slang designations of rolling stock units formed during the transfer of the name based on similarities with the actions of animals. The identification

of ethno-cultural features of the development and functioning of figurative meanings and the description of possible models of metaphorical comprehension contributes to mutual understanding in the professional environment of different national linguistic cultures.

Keywords: metaphor, zoomorphism, railway jargon, rolling stock, German.

На современном этапе развития лингвистической науки значительно возрос интерес лингвистов к изучению такого явления, как метафоризация - приобретения словом метафорического значения (Н.Д. Арутюнова, М. Джонсон, Дж. Лакофф, В.П. Москвин, Дж. Миллер, З.И. Резанова, Г.А. Складневская, М. Блэк, О.И. Глазунова). Метафора привлекает внимание ученых своей неоднозначностью. Ее рассматривают не только как языковой, но и как ментальный феномен. Метафорический перенос, как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, представляет собой сложную мыслительную операцию, состоящую в том, чтобы абстрагировать какой-либо признак от одного предмета и увидеть его в другом [1; с.394]. Метафоры, по мнению А.П. Чудинова, «заложены уже в самой понятийной системе мышления человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует» [2; с. 37]. Таким образом, ассоциативность, будучи одним из способов языковой номинации окружающей действительности, ведет к установлению формальных и функциональных сходств, связывающих предметы мира, к выявлению новых связей между ними.

Говорящий, желая охарактеризовать объект речи, прибегает к метафорическим моделям на основе разных видов образных аналогий. Одной из наиболее продуктивных моделей метафорического обозначения, по наблюдению ученых, является зооморфная метафора, или зооморфизм [3; 4; 5]. Этот термин появился в отечественной лингвистике в конце прошлого столетия и определяется как метафорический дериват зоонимов, образующийся в результате семантического переноса, отражающего общую когнитивную «антропоцентрическую тенденцию процесса метафоризации, согласно которой перенос наименований предметов и явлений окружающей среды осуществляется на человека» [6; с. 14]. В нашем исследовании мы несколько расширяем значение термина «зооморфизм» и понимаем его как результат когнитивной проекции, основанной на переносе наименований животного мира не только на человека, но и на предметы, понятия, явления действительности, которые непосредственным образом связаны с жизнедеятельностью людей.

В последнее время значительно возрос интерес к зооморфизмам среди лингвистов, изучающих профессиональные социолекты [7; 8; 9; 10; 11], поскольку зооморфные жаргонные наименования самым неожиданным образом способны раскрыть ранее не известные отношения между предметами мира. Для лингвиста анализ метафорических образов и их интерпретация в жаргоне является не только способом изучения ментальных процессов, но и средством постижения национального мировосприятия, а образ животного, выбираемый в качестве основы для сравнения, опирается на национальные стереотипы сознания конкретного языкового коллектива.

В настоящей статье мы рассмотрим зооморфные наименования единиц подвижного состава (локомотивов, вагонов, поездов) в немецком железнодорожном жаргоне. Интерес к данному жаргону вызван стремлением к более глубокому пониманию профессиональной картины мира специалистов этой сферы деятельности. А выявление этнокультурных особенностей развития и функционирования переносных значений и описание возможных моделей метафорического осмысления будет способствовать более успешной коммуникации и взаимопониманию в профессиональной среде разных национальных лингвокультур. Таким образом, целью нашего исследования является выявление совокупности лексических единиц, служащих для репрезентации метафорических образов железнодорожного транспорта в немецком профессиональном жаргоне, и их классификация.

Источником фактического материала послужили материалы немецких железнодорожных интернет-форумов и чатов, а также книга Р. Дейса «Silberling und Bügeleisen: 1000 Spitznamen in Transport und Verkehr und was dahinter steckt», посвященная жаргонам сферы транспорта.

При осуществлении исследования использовались метод лингвистического наблюдения и описания, метод сплошной выборки, классификационный, когнитивный и количественный методы анализа.

Как уже отмечалось выше, особый научный интерес вызывает вопрос, связанный с изучением названий животных, служащих для характеристики человека – его внешности, качеств характера, особенностей поведения, социальной роли. Зооморфным наименованиям неживых предметов уделяется гораздо меньше внимания. Однако анализ немецкого железнодорожного жаргона показал, что в

нем очень активно проявляют себя, прежде всего, зоонимы, служащие для номинации транспортных средств – локомотивов (паровозов, тепловозов, а позднее – электровозов). В этой связи изучение проблемы «зооморфности» в немецком железнодорожном жаргоне представляется весьма обоснованным.

Как показал собранный эмпирический материал, зоонимы, служащие метафоризаторами при жаргонном наименовании единиц подвижного состава в немецком языке, представляют собой весьма разнообразные лексические единицы, которые в реализации образных значений обнаруживают различную степень продуктивности. В ядерную зону входят названия млекопитающих животных. В приядерной зоне находятся названия насекомых, птиц, рыб, земноводных и пресмыкающихся. В периферийную зону входят наименования вымерших животных, вымышленных существ, а также части тела (органов) животных. Рассмотрим эти смысловые объединения подробнее.

Тематическая группа «Млекопитающие», как самая многочисленная, может быть подразделена на несколько подгрупп. Самую большую подгруппу образуют парнокопытные. Такая частотность метафорического переноса в этой подгруппе не случайна и объясняется тем, что именно с этими животными человек обнаруживает тесную взаимосвязь, активно используя их для ведения своей самой разнообразной хозяйственной деятельности. Наблюдая каждый день за этими животными, их внешним видом и функциями, человек находит общие черты, устанавливает внешнее и внутреннее сходство, а затем присваивает имена животных предметам, которые он сам создал. В данной подгруппе можно выделить как диких животных (*Kamel – верблюд, Elch – лось, Gazelle – газель, Bergziege – горный козел, Edelhirsch – благородный олень*), так и домашних (*Schwein – свинья, Bulle – бык, Ochsen – вол, Bock – козел, Kuh – корова*).

Наряду с обозначениями диких и домашних парнокопытных для номинации единиц подвижного состава в железнодорожном жаргоне используются названия хищных животных. Наиболее востребованы такие представители мира фауны, как *Tiger – тигр, Raubkatze – хищная кошка, Bär – медведь*.

Лексемы, указывающие на другие подгруппы класса «Млекопитающие», представлены единичными примерами (*Pony – пони, Steppenpferd – степняк, Elefant – слон, Igel – еж, Fledermaus – летучая мышь, Ameisenbär – муравьед, Spitzmaus – землеройка*).

Лексемы тематической группы «Насекомые, черви, пауки» являются также типичным источником метафорических переносов, моделирующих зооморфный образ единиц подвижного состава в жаргонной сфере. Здесь активно проявляют себя следующие лексемы: *Biene – пчела, Maikäfer – майский жук, Kartoffelkäfer – колорадский жук, Brummer – навозная муха, Tausendfüßler – многоножка, Kreuzspinne – паук-крестовик, Mehlwurm – мучной червь, Wanze – клоп*.

Высокий индекс употребления показала тематическая группа «Птицы», которая представлена такими зоонимами, как *Schwan – лебедь, Kanarienvogel – канарейка, Papagei – попугай, Eule – сова, Broiler – бройлер, Ente – утка*.

Тематическая группа «Рыбы, земноводные и пресмыкающиеся» репрезентирована лексемами *Hai – акула, Krokodil – крокодил, Chameleon – хамелеон, Frosch – лягушка, Wal – кит*. Здесь следует заметить, что лексемы, указывающие на рыб, не очень активно используются как метафорическая номинация подвижного состава в немецком языке. Данный факт можно объяснить тем, что в связи с географическими, хозяйственно-экономическими особенностями Германии мир морских обитателей для немцев не так близок и важен, как мир наземной фауны.

Что касается употребляемой в качестве вторичной номинации для локомотива BR 641 лексемы *Wal – кит*, то она с биологической точки зрения не является обозначением рыбы, это млекопитающее, то есть животное. Но, согласно стереотипным представлениям, которые были сформированы узусом еще до появления научной мысли, все обитатели водоемов, внешне похожие на рыбу, считаются рыбами. Это, кстати, отразилось во втором наименовании *kita* в немецком языке – в слове *Walfisch*. Исходя из положения, что языковое знание является базовым для сохранения и передачи знаний об окружающем мире, мы отнесли данную номинацию в нашей классификации к группе «Рыбы».

Незначительное место занимает тематическая группа «Вымершие животные», которая в нашем материале представлена единственным примером: *Mammut – мамонт*.

Лексемы тематической группы «Вымышленные животные» лишь косвенно имеют зооморфное происхождение. Это имена героев мультфильмов, мифологических существ: *Taurus – Телец, Micky-maus – Микки Маус, Donald Duck – Дональд Дак*.

Тематическая группа «Части тела (органов) животного» включает в себя тоже косвенные зооморфизмы и не является распространенной: *Hainase – нос акулы, Hundelunge – легкие собаки*. К пе-

риферии анатомического аспекта образа животного могут быть отнесены предметы одежды (в нашей картотеке примеров – это обувь или какие-либо предметы, предназначенные для передвижения): *Elefantenschuh* – *башимак слона* или, как вариант, *Elefantenrollschuh* – *ролики слона*.

Частота использования зооморфной метафорической модели при жаргонной номинации единиц подвижного состава обусловлена спецификой самого денотата. Поезда в сознании человека воспринимаются как живой организм, которые так же, как животное, имеют форму, внутреннее устройство, могут передвигаться, издавать звуки. Как отмечает А.А. Абрамова, «физические процессы и действия некоторых механизмов настолько сложны и разнообразны, что позволяют приписать им ментальную и психическую деятельность» [12; с.8]. Поэтому для характеристики железнодорожных транспортных средств через свойства живых могут быть использованы разные основания. Условно их можно разделить на три вида.

1. Перенос наименования на основе внешнего сходства.
2. Перенос наименования на основе сходства функций/предназначений.
3. Перенос наименования на основе сходства поведения/повадок.

Рассмотрим каждый из этих видов подробнее.

Наибольшую активность зоонимы иллюстрируют при переносе значения первого типа – на основе внешнего сходства, который, в частности, может быть мотивирован размером, формой или цветом.

Так, для обозначения большого размера единиц подвижного состава применяются названия крупных парнокопытных животных или хищных зверей. Например, класс паровозов С 5/6 был разработан для использования на крутых склонах и считался самым большим паровозом, который может тянуть 1000-тонный поезд. За это он получил прозвище *Elefant* – *слон*, так как сема «крупный» заключена в прямом значении этого слова и отражает прототипическое представление о слоне через названный доминирующий признак внешнего вида. Скоростной универсальный электровоз BR 182, предназначенный для вождения грузовых поездов, с асинхронными тяговыми электродвигателями переменного тока за свои размеры и мощность назвали в немецком жаргоне *Stier* – *бык*. А электровоз BR 101 весом 83 тонны и мощностью 8600 л. с., который используется в быстрых грузовых поездах, имеет прозвище *Dino* – *динозавр*. Ассоциация здесь тоже очевидна, так как динозавр – это вымершее пресмыкающееся животное, отличающееся гигантскими размерами. Также в жаргонных наименованиях единиц подвижного состава отражается относительно небольшой размер. Локомотивы класса BR 89 считаются самыми маленькими паровозами, когда-либо строившимися для немецкой государственной железной дороги, поэтому их часто называют *Teckel* – *такса*. Большая длина скоростных поездов (например, ICE3) репрезентируется в немецком железнодорожном жаргоне с помощью лексемы *Mehlwurm* – *мучной червь*, имеющий в своем значении сему «длинный». Эта же сема акцентируется в жаргонном наименовании *Tausendfüßler* – *сороконожка* тепловоза DR12, имеющего длину 18,5 метров.

Основой метафоризации могут являться особенности формы или строения животного. Паровоз BR 94, получивший прозвище *Deutsches Krokodil* (*немецкий крокодил*), напоминает по форме тело этого животного. Тепловоз BR 199 *Rotes Kamel* – *красный верблюд* имеет в качестве конструктивной особенности центральную кабину машиниста, которая возвышается над кузовом и тем самым создает сходство с горбом верблюда, что и послужило мотивом для вторичной номинации. Стандартные пассажирские вагоны экспресс-поездов типа 21, 22, 23 и 26 из-за их особой пикообразной формы широко известны как *Hechtwagen* (*вагоны – щуки*): для лучшего использования светлого пространства вагоны были скошены на концах, что делало их более узкими, напоминающими хищную рыбу. В ряде случаев для обозначения жаргонных наименований электровозов были выбраны животные, имеющие рога: *BR 104 Bergziege* – *горный козел*, *BR 03 Gazelle* – *газель*, *BR 118 Edelhirsch* – *благородный олень*. Мотивом для выбора в данной ситуации послужило наличие у электропоезда токоприемников, расположенных на крыше кузова, которые внешне похожи на рога животных.

Типичным цветом для окраски подвижного состава считается зеленый, поэтому он среди прочих признаков послужил основанием для использования в качестве зоометафоры таких животных, как *Deutsches Krokodil* – *немецкий крокодил* и *Laubfrosch* – *лягушка* (BR 94, BR 141). Локомотив SBB: RDe 560 получил обозначение *Kolibri* – *колибри*, поскольку все четыре состава были представлены в разных цветовых схемах, одной из которых была ливрея, используемая для основной серии (синий с белыми бортами,

желтые двери и красные грани). За пеструю раскраску электровозы DB 111, DB 141 были названы *Parapei* – *попугай* или *Kanarienvogel* – *канарейка*.

Основание для номинации локомотива SBB RE446 (Re 4/4 IV) как *Chameleon* – *хамелеон* тоже вполне очевидно. Поскольку SBB тестировала новые цветовые схемы, каждый прототип локомотива получил свою окраску: у одного были красные кабины и темно-серые боковые панели, у другого та же цветовая гамма со светло-серыми боковыми панелями, третий был полностью окрашен в красный цвет с большой печаткой SBB. В 2007 году снова была введена новая цветовая схема: серебристая с красными участками на боковых стенках, сужающимися на концах. На сегодняшний день этот локомотив имеет 13 вариантов цветовой окраски, а, как известно, хамелеон – это животное, способное менять окраску тела.

При метафорическом обозначении транспортных средств может быть использовано не только сходство по форме с тем или иным животным, но и сходство по форме с отдельными частями тела животного. Конструктивная особенность передней части кузова дизельного локомотива NS 320/710 делает его похожим на голову собаки, что и способствовало соответствующему жаргонному наименованию – *Hundekopf*. Электровоз SNCF 2D2 5500 из-за своей округлой цилиндрической формы имеет обозначение в немецком железнодорожном жаргоне *Schweineschnaute* – *свиное рыло*. Лексема *нос* традиционно имеет переносное значение – передняя часть агрегата, поэтому в прозвищах подвижного состава встречается указание на данную часть тела, например, тепловоз RF 16 называют по сходству формы *Hainase* – *нос акулы*.

Функциональное сходство рассматриваемых транспортных средств с животными реализуется в немецком железнодорожном жаргоне также весьма активно. В качестве примеров можно привести следующие. Паровоз DR/DB 024, получивший прозвище *Steppenpferd* – *степной конь*, был разработан специально для длинных плоских маршрутов в восточной и западной частях страны, представляющих собой степной регион. А ассоциация коня с единицами подвижного состава легко объясняется тем, что это животное, как и локомотивы, до сих пор является средством передвижения человека и используется для перевозки грузов. Грузовой паровоз BR 41 железнодорожники прозвали *Ochsen* – *вол* из-за первоначального применения его для перевозки крупного рогатого скота. Elektro 712 немецкие железнодорожники называют *Tunneligel* – *туннельный еж*, что связано, по всей видимости, с местом обитания ежа – обычно это норы. Электровоз SNCF: 2740 может развивать скорость до 160 км/ч, за что получил наименование *Windhund* – *борзая*, которая является одной из самых быстрых собак в мире.

Особенности единиц подвижного состава могут вызывать ассоциации с повадками, поведением животных. Это явление позволило выделить третий тип жаргонных наименований-зоонимов. Как показал собранный материал, данный метафорический перенос не очень распространен в немецком железнодорожном жаргоне. В качестве примера можно привести тепловоз MAV M41, именуемый *Rattler* – *собака-крысолов* из-за сходства стремительного и ровного передвижения собаки во время охоты с плавным ходом этого транспортного средства. Elektro 143 *Wackel-Dackel* – *качающаяся такса* из-за принудительного наклона кузова при движении на большой скорости, что делает его похожим на переваливающуюся походку таксы.

Собранный материал показал, что в ряде случаев зооморфные метафоры основаны на ироническом сравнении и содержат иронический подтекст, который характеризуется наличием скрытого смысла, связанного отношением противоположности. Например, самый быстрый локомотив 70-х годов прошлого века FS E 444 получил прозвище *Schildkröte* – *черепаха*. Цистерна - ассенизатор (*Fäkalienabsaug*) получила в немецком языке жаргонное название *Honigbiene* – *медовая пчела*.

Иногда жаргонные наименования бывают слабо мотивированы. Так, локомотив OeBB:1044 282-0, кузов которого красного цвета со светло-серым поясом и темно-серой окантовкой на передних окнах, имеет метафорический зооним *Grüne Ente* – *зеленая утка*. А тепловоз BR 216 получил прозвище *Hundelunge* – *собачьи легкие*. Это явление говорит о том, что ассоциативная соотнесенность базируется на субъективном факторе восприятия действительности, и, следовательно, для понимания закодированного значения признака необходимо обладать более глубокими фоновыми знаниями относительно сложившихся в железнодорожной среде предметно-практических связей.

Обращает на себя внимание тот факт, что одна и та же единица подвижного состава может иметь несколько зооморфных наименований, акцентирующих один и тот же признак. Например, электровоз BR 254 именуется и как *Deutsches Krokodil* – *немецкий крокодил*, и как *Eisenschwein* – *железная свинья*. И то и другое название подчеркивает сходство формы.

Достаточно часто зооморфные наименования в железнодорожном жаргоне репрезентируют несколько признаков: высокоскоростные поезда ICE, в основном распространённые в Германии, получили прозвище *weißer Hai* – *белая акула*, тем самым актуализируется два признака: и цвет (белый), и форма.

Таким образом, на основе анализа языкового воплощения образа животного при метафорической номинации единиц подвижного состава в железнодорожном жаргоне можно сделать вывод, что этот образ очень активно используется в рассматриваемой сфере. В процессе репрезентации данного образа наиболее частотным ожидаемо оказался такой аспект, как внешний физический признак (размер, форма, цвет). Немножко реже представлен функциональный аспект. Что касается ментального аспекта, то он оказался не характерным явлением для экспликации зооморфного наименования железнодорожного транспорта в немецком жаргоне. Проведенное исследование показало, что в метафорах находит отражение национальная специфика мировосприятия, присущая определенному языковому сообществу. Поэтому анализ и интерпретация метафорических образов являются одним из способов понимания национального самосознания.

Библиографический список

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387- 416.
2. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2001. 238 с.
3. Гаврилюк М.А. Зооморфная метафора как фрагмент китайской и русской языковых картин мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 10 (721). С. 109-119.
4. Синакаева Л.И. Зоонимические метафоры // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 1. С. 78 - 80.
5. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М.: Наследие, 1997. 206с.
6. Яскевич Н.В. Зооморфизмы в русском и белорусском языках: сравнительно-типологическая характеристика: дис. ... канд. филол. наук. Минск: МГЛУ, 2004.
7. Голодов А.Г. Зооморфные метафоры в разговорно окрашенной специальной лексике и проблемы их перевода // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. №2. С. 115-121.
8. Рубанова Е.В. Зоометафора в сленге: монография. Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2009. 154 с.
9. Литвинова Т.И. Зооморфная метафора как средство концептуализации политической действительности Германии // Известия ВГПУ. 2015. № 2 (267). С.177-179.
10. Небольсина Е.В. Зооморфная метафора в биржевой лексике // Человеческий капитал. 2018. № 4 (112). С. 71-82.
11. Феоктистова Л.А. Ономастика и ономастическая лексика в жаргоне железнодорожников // Вопросы ономастики. 2010. № 2 (9). С. 69-85.
12. Абрамова А.А. Метафорический образ механизма в русской языковой картине мира // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 369. С. 7-11.

References

1. Lakoff J., Johnson M. Metaphors we live by // The theory of metaphor. M., 1990. pp. 387- 416.
2. Chudinov A. P. Russia in a Metaphorical Mirror: a Cognitive Study of Political Metaphor (1991-2000): monograph. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural State Pedagogical University, 2001. 238 p.
3. Gavriluk M.A. Zoomorphic metaphor as a fragment of Chinese and Russian language pictures of the world Bulletin of the Moscow State Linguistic University. 2015. No. 10 (721). pp. 109-119.
4. Sinakaeva L.I. Zoonymic metaphors // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2017. No. 1. pp. 78-80.
5. Maslova V.A. Introduction to linguoculturology. M.: Heritage, 1997. 206p.
6. Yaskevich N.V. Zoomorphisms in the Russian and Belarusian languages: comparative typological characteristics: thesis ... Candidate of Philology. Minsk: MGLU, 2004.
7. Golodov A.G. Zoomorphic metaphors in colloquially colored special vocabulary and problems of their translation // Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2005. No. 2. pp. 115-121.
8. Rubanova E.V. Zoometaphora in slang: monograph. Mogilev: MA «MSU named after A.A. Kuleshova», 2009. 154 p.
9. Litvinova T.I. Zoomorphic metaphor as a means of conceptualizing the political reality of Germany // Izvestia of VSPU, No. 2 (267). 2015. pp.177-179.
10. Nebolsina E.V. Zoomorphic metaphor in stock exchange vocabulary // Human capital. 2018. No. 4 (112). pp. 71-82.
11. Feoktistova L. A. Onomastics and onomastic vocabulary in the jargon of railwaymen // Problems of onomastics. 2010. № 2 (9). pp. 69-85.
12. Abramova A.A. Metaphorical image of the mechanism in the Russian language picture of the world // Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2013. No. 369. pp. 7-11.

УДК791.43.03

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.37.95.011

Казанский национальный исследовательский технологический университет

Kazan National Research Technological University

Кандидат филологических наук, доцент кафедры материалов и технологий легкой промышленности

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Materials and Technologies of Light Industry

Абдель Вахед Э.А.М.

Abdel Vakhed E.A.M.

Россия, г. Казань, тел: +79520341648

Russia, Kazan, тел: +79520341648

e-mail: essam-essam@rambler.ru

essam-essam@rambler.ru

Казанский национальный исследовательский технологический университет

Kazan National Research Technological University

Магистрант кафедры материалов и технологий легкой промышленности

Undergraduate of the Department of Materials and Technologies of Light Industry

Абдель Вахед А. Э.

Abdel Vakhed A.E.

Россия, г. Казань, тел: +79046633446

Russia, Kazan, тел: +79046633446

e-mail: essam-essam@rambler.ru

essam-essam@rambler.ru

Э.А.М. Абдель Вахед, А.Э. Абдель Вахед

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА В КИНЕМАТОГРАФЕ

В статье рассматривается отображение элементов истории и культуры Древнего Египта в мировых художественных кинолентах «Клеопатра», «Астерикс и Обеликс: Миссия Клеопатры», «Жемчужина Нила», «Исход: цари и боги», «Озирис Нуна». Особое внимание уделяется костюмам и декорациям. Отмечается, что существующие кинокартины не всегда точно отражают эпоху древнего мира, в костюмах или декорациях присутствуют современные детали, что искажает историческую действительность. С помощью декораций и костюмов создатели фильма изображают культуру и традиции народа, поэтому при экранизации кинофильмов следует внимательно подходить к созданию декораций, предметов быта и одежды, чтобы не сформировать у зрителей ложное или неверное представление о культурных особенностях той или иной страны. В статье отдельное внимание уделяется исследованию костюма Древнего Египта как части мировой культуры. Отмечается, что на протяжении многих лет дизайнеры вдохновляются образами национального костюма египтян, визажисты совершенствуют стили макияжа, режиссеры снимают документальные и фантастические фильмы, в основе сюжета которых лежит история этой древней цивилизации. Подготовка дизайна костюма или декораций предполагает создание эскиза, максимально приближенного к исторической действительности и видению художника. Большинство декораций в кинематографе создается с помощью компьютерных технологий, а при их создании необходим зрительный образ, на который можно опираться. Для этого необходимо детальное изучение культуры Древнего Египта, особенностей костюма, жизни людей, чтобы сформировать правильный исторический образ в сознании зрителей.

Ключевые слова: культура, журналистика, история Древнего Египта, костюм, декорации, кинематограф.

E. A. M. Abdel Wahed, A. E. Abdel Wahed

THE IMAGE OF THE ELEMENTS OF THE CULTURE OF ANCIENT EGYPT IN CINEMA

The article sites the display of elements of the history and culture of Ancient Egypt in the world feature films "Cleopatra", "Asterix and Obelix: Cleopatra's Mission", "Pearl of the Nile", "Exodus: Kings and Gods", "Oziris Nuna". Special attention is paid to costumes and scenery. It is noted that existing films do not always accurately reflect the era of the ancient world, there are modern details in costumes or scenery, which distorts historical reality. Through the scenery and costumes, the culture and traditions of the people are vividly expressed, therefore, when making movies, one should carefully approach to the creation of scenery, household items and clothing so as not to form false or incorrect ideas of the cultural characteristics of a particular country among the audience. In the study, special attention is paid to the study of the costume of Ancient Egypt as part of world culture. It is noted that over the years, designers have been inspired by the images of the national costume of the Egyptians, make-up artists have been improving make-up styles, directors have been making documentaries and science fiction films, the plot of which is based on the history of this ancient civilization. Preparing a costume involves creating a sketch that is as close as possible to historical reality and the artist's vision. Most of the scenery in the cinema is created using computer technology, and when creating them, you need a visual image that you can rely on. This requires a detailed study of the culture of Ancient Egypt, the characteristics of the costume, the life of people in order to form the correct historical image in the minds of the audience.

Key words: culture, journalism, history of ancient Egypt, costume, scenery, cinematography.

В современном обществе возрастает значение информации и новых знаний, передаваемых посредством коммуникации между людьми, группами, производственными компаниями. Процесс общения наблюдается и на международном уровне – представители разных наций и национальностей устанавливают контакт для обмена информацией и опытом. Успешное взаимодействие достигается путем анализа элементов культуры собеседника, практическому их применению, следованию национальным традициям, нормам этикета и т.д.

Наиболее ярким примером культурного и исторического кода является одежда. С древнейших времен она отражает историю каждого народа и человечества в целом. Изучение особенностей национального костюма позволяет определить условия быта, в которых существовал индивид, его социальный статус, род деятельности, его характер, привычки.

Воссозданием зрительного образа людей, их костюма, образа жизни занимается кинематограф. Подбирая аутентичные костюмы и декорации для кинолент, продюсеры отражают тенденции той или иной эпохи, таким образом, погружая зрителей во времена своих героев.

Традиционный стиль одежды древних египтян включал точный крой и изящную декоративную отделку, об чем свидетельствуют найденные археологами образцы в гробницах и домах, а также сохранившиеся до нашего времени статуи и настенные росписи.

Ключевым элементом одежды являлись украшения, определяющие социальный статус человека, например, кольца, браслеты, ожерелья, пуговицы. В одежде имелись прямые линии и такие фигуры, как: треугольник, прямоугольник и трапеция.

Наиболее популярным и практичным материалом для одежды был лен. Климатические условия Египта позволяли его выращивать на берегах Нила для производства легкой ткани. После сбора урожая лен размягчали водой, делили на волокна, их измельчали и пряли нити, а далее ткали полотна. По качеству льняного полотна можно было также определить финансовое состояние человека.

Со временем одежда видоизменялась: так, мужчины Древнего царства носили «схенти» – короткие юбки с запахом, в Среднем царстве длина юбки достигала щиколотки. Женщины носили длинные прямые платья свободной формы с ремнями. Популярным элементом как мужской, так и женской одежды стала плиссировка, т.е. появление на ткани мелких, часто повторяющихся плоских складок.

Основным головным убором служил платок; также были в ходу парики из льна и шерсти. Чем длиннее был парик, тем выше на сословной лестнице находился человек. Обувь изготавливали из папируса или пальмы, богатым людям делали сандалии из кожи.

Образ древних египтян завершал макияж: глаза подводили черным цветом, затемняли ресницы и брови, в качестве теней использовали голубой или зеленый порошкообразный минерал, ноги и губы красили хной [1].

Макияж выполнял эстетическую и защитную функцию, защищая кожу от агрессивного воздействия солнечных лучей. Его наносили представители обоих полов [2].

Мода древних египтян оказала существенное влияние на современный мир моды, сохранившись до нашего времени в различных интерпретациях дизайнеров, визажистов и костюмеров и являясь важной частью мировой культуры. Не одно десятилетие дизайнеры вдохновляются образами национального костюма египтян, визажисты совершенствуют стили макияжа, например, «smokeyeyes», режиссеры снимают документальные и фантастические фильмы, в основе сюжета которых лежит история этой древней цивилизации.

Точная передача костюмов героев способствует целостному формированию картины мира, задуманного режиссером. Созданием зрительного образа актеров занимаются художники-постановщики и костюмеры. Перед изготовлением одежды проводятся исследования, ведется анализ фресок, настенных росписей, скульптур, изучаются особенности быта и пр. Так, например, художественная команда фильма «Исход: цари и боги» провела исследовательское путешествие по Нилу, с посещением Луксора и храма Амона-Ра, посетили несколько музеев, в том числе Британский музей и Египетский музей в Турине. На появление в фильме военного костюма Моисея, изображенного на рисунке 1, костюмеры вдохновились настенными росписями древних египтян: «Египетская армия носила пластинчатый доспех – это туника, созданная из небольших металлических лепестков. Она напоминает кольчугу и спускается до самых икр. Моисей же – приближенный ко двору военачальник, поэтому его доспех имеет больше украшений, например, его нагрудные пластины украшены гравировкой» [3, с. 111].

Рис. 1. Костюмы к фильму «Исход: цари и боги».

Изготовление женских костюмов для исторических и фантастических фильмов требует глубокого знания египтологии, профессионального мастерства и занимает продолжительное время. Неоднократно в кино изображали египетскую царицу Клеопатру, придавая ее образу роскошный и величественный вид. Костюмы для актрис расшивались вручную элементами декора: стразами, стеклышками и пр.

Наиболее знаменитой является кинокартина «Клеопатра» (1963), в которой главную роль исполнила Э. Тейлор [4, р. 82-86]. Для фильма было изготовлено 26000 костюмов, однако одежда не соответствовала полностью историческому представлению о национальном костюме древних египтян. На рисунке 2 изображена женщина-египтянка, образ которой отличается от героини Э. Тейлор.

Рис. 2. Египетская женщина и Э. Тейлор в фильме «Клеопатра».

Платя были с глубокими вырезами, облегающими, которые подчеркивали тонкую талию актрисы. В одежде актеров отчетливо прослеживались элементы моды 1960-х годов, стиля ар-деко, отсутствовали украшения и драгоценности, которые любили египетские женщины [5; 6, с. 120].

Головные уборы получились практически идентичными оригиналу. На рисунке 3 видно сходство традиционного убора «шуты» с изображением на пластине.

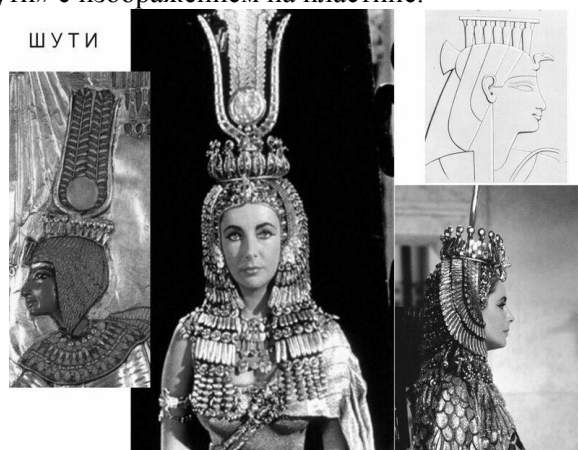

Рис. 3. Головной убор «шуты».

Шути состоит из двух высоких страусиных перьев, у основания которых находится солнечный диск. Перья закреплены на красной платформе «модиусе» [7].

Современный взгляд на Клеопатру представил Ален Шаб. В отдельных нарядах царицы прослеживаются египетские орнаменты, однако в образах много элементов модерна, например, глубокое декольте [8]. На рисунке 4 видно, что царица облачена в мужскую юбку и топ, несвойственный эпохе Древнего Египта.

Рис. 4 . Моника Беллуччи в образе Клеопатры.

Таким образом, неточная передача костюмов того времени влияет на само представление о египтянах, формируя ложный образ в сознании зрителей, потенциальных туристов современного Египта. Древнеегипетский костюм обладает исторической значимостью, так как отражает особенности культуры целой цивилизации, и попытки ее фальсификации недопустимы.

Большинство декораций в кинематографе создается с помощью компьютерных технологий, например, для изображения животных используют 3d графику.

Пейзажную съемку окрестностей ведут или на специально оборудованных киностудиях, создают с помощью графики или снимают в пустыне. Например, на открытой киностудии Atlas Film Studios, расположенной в Марокко, снимали «Астерикс и Обеликс: Миссия Клеопатры», «Жемчужина Нила» и другие картины. Декорации к фильмам изготавливались из пенопласта небольшой толщины, который тщательно раскрашивали, например, под фасад различных построек или статуи. На рисунке 5 изображен способ крепления декораций: деревянный каркас, решетки из бамбука.

Рис. 5. Декорации на киностудии Atlas Film Studios.

В качестве связующего материала использовали красную глину [9]. Для более массивных построек и опорных колонн фильма «Исход: цари и боги», кинематографисты использовали пластик и сталь, а на возведение декораций целого города пришлось привлечь свыше тысячи человек. Команде художников удалось воссоздать также предметы мебели (троны, кресла и т.д.) по старым фрескам, сохранившимся в музеях. На рисунке 6 изображены кадры со съемочной площадки фильма.

Рис. 6. Кадры со съемок фильма «Исход: цари и боги».

Изготовление декораций необходимо для помощи актерам вхождения в образ, а также дизайнерам и специалистам, занимающимся визуальной графикой. Изначально изготавливаются небольшие макеты статуй, потом они сканируются, и получается 3d-изображение, по которому из утолщенного пенопласта вырезается фигура в натуральную величину, и дорабатывается скульпторами и художниками.

В фильме присутствуют натурные съемки, например, поселение египетских рабов, снимали в действующих каменоломнях на юге Испании, а пейзажи острова Фуэртевентура использовали в сцене перемещения евреев к Синайскую пустыню.

Несмотря на грандиозные костюмы, декорации и актерский состав, в Египте запретили показ данного фильма из-за содержания исторических неточностей. Фильм осуждался за «сионистский взгляд» на библейский сюжет. Министр культуры Египта Габер Асфор заявил, что в фильме неверно показан образ Моисея, а также евреев – строителей пирамид. Поступали жалобы и на расизм при подборе актеров. Практика запретов мировых кинопремьер таких, как «Ной», «Принц Египта», «Исход: цари и боги», с древнеегипетскими и библейскими сюжетами показывает, что власти восточных регионов заботятся о сохранении своего исторического наследия, не допуская фальсификации исторических событий [10].

Художнику другой кинокартины также пришлось потратить достаточно усилий и времени на изучение исторических материалов, работы с книгами и музейными экспонатами. Атмосфера древней цивилизации в фильме «Озирис Нуна» создавалась и с помощью идей художника, превращаясь в собирательный образ из действительности и отдельных фантазий. На рисунке 7 наглядно изображены кадры съемочного процесса, детальность проработки фресок и костюмов заслуживает отдельного внимания исследователей-египтологов.

Рис. 7. Кадры со съемок фильма «Озирис Нуна».

Учеными не установлено, ставили ли во дворцах Древнего Египта огромные статуи крокодила и бегемота, показанные в кинокартине [11]. Вероятно, в фильме использованы значительные художественные преувеличения, помогающие создать атмосферу того времени.

Создание декораций – кропотливая работа, для которой требуется проведение глобального анализа конкретной эпохи, его стилизация под сценарий, творческий подход, консультации со специалистами в различных областях, например, лингвистами, историками, египтологами, востоковедами, инженерами и т.п.

В декорациях к фильмам про древние цивилизации особенно ярко отражается культура народа, поэтому следует тщательно подходить к интерпретации построек, предметов быта, чтобы не сформировать у зрителей ложное или неверное представление о культурных особенностях той или иной страны.

Подготовка дизайна костюма или декораций предполагает создание эскиза, максимально приближенного к исторической действительности и видению художника. Большинство декораций в кинематографе создается с помощью компьютерных технологий, а при их создании необходим зрительный образ, на который можно опираться. Существующие кинокартины не всегда точно отражают эпоху древнего мира, в костюмах или декорациях присутствуют современные детали, что искажает процесс коммуникации. Поэтому необходимо детальное изучение культуры Древнего Египта, особенностей костюма, жизни людей, чтобы сформировать правильный исторический образ в сознании зрителей.

Библиографический список

1. Egyptian Clothing: Pharaohs to Commoners [Электронный ресурс]. URL: <https://www.historyonthenet.com/egyptian-clothing> (дата обращения: 12.07.2023).
2. Fashion in Ancient Egypt [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ancient-egypt-online.com/ancient-egypt-fashion.html> (дата обращения: 12.07.2023).
3. Эрман А. Государство, армия и общество Древнего Египта [Электронный ресурс]: М.: Центрполиграф, 2018. 391 с.
4. Butchart A. The Fashion of Film: How Cinema has Inspired Fashion // Hachette UK. 2016. P 82-86. 224 p.
5. Aravanis M. A Closer Look at Hollywood's Historical Accuracy in the 1963 Film «Cleopatra» // Egyptian Streets. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://egyptianstreets.com/2020/10/17/a-closer-look-at-hollywoods-historical-accuracy-in-the-1963-film-cleopatra/> (дата обращения: 12.07.2023).
6. Marta Garcia Morcillo, Pauline Hanesworth, Óscar Lapeña Marchena Imagining Ancient Cities in Film: From Babylon to Cinecittà. New York, 2015. 338 p.
7. Жигмунд И. Фильм «Клеопатра» (1963 г). Гламур в египетском стиле. [Электронный ресурс]. URL: <https://la-gatta-ciara.livejournal.com/76928.html> (дата обращения: 12.07.2023).
8. Клеопатра в кино и на подиуме [Электронный ресурс]. URL: https://www.cinemoda.ru/cleopatra_2/ (дата обращения: 12.07.2023).
9. Киностудия «Атлас» [Электронный ресурс]. URL: <https://guide.travel.ru/morocco/223515.html> (дата обращения: 12.07.2023).
10. Богданова И. Египет запретил фильм "Исход" за сионистскую пропаганду и фальсификацию истории. [Электронный ресурс]. URL: <https://svr.su/content/item/4648/> (дата обращения: 12.07.2023).

11. Портнов П. Египтология. Декорации к фильму «АзирисНуна» // SalonInterior. 2007. №10. [Электронный ресурс] URL: <https://salon.ru/article/egiptologiya-7778> (дата обращения: 12.07.2023).

References

1. Egyptian Clothing: Pharaohs to Commoners [Electronic text]. URL: <https://www.historyonthenet.com/egyptian-clothing> (date of application: 12.07.2023).
2. Fashion in Ancient Egypt [Electronic text]. URL: <https://www.ancient-egypt-online.com/ancient-egypt-fashion.html> (date of application: 12.07.2023).
3. Erman A. State, army and society of ancient Egypt. Moscow, 2018. 391 p.
4. Butchart A. The Fashion of Film: How Cinema has Inspired Fashion // Hachette UK. 2016. P 82-86. 224 p.
5. Aravanis M.A Closer Look at Hollywood's Historical Accuracy in the 1963 Film «Cleopatra» // Egyptian Streets. 2020. Electronic text. URL: <https://egyptianstreets.com/2020/10/17/a-closer-look-at-hollywoods-historical-accuracy-in-the-1963-film-cleopatra/> (date of application: 12.07.2023).
6. Marta Garcia Morcillo, Pauline Hanesworth, Óscar Lapeña Marchena Imagining Ancient Cities in Film: From Babylon to Cinecittà. New York, 2015.338 p.
7. Zhigmund I. The film "Cleopatra" (1963).Glamour, Egyptian style.Electronic text. URL: <https://la-gattaciara.livejournal.com/76928.html> (date of application:12.07.2023).
8. Cleopatra in the cinema and on the catwalk. Electronic text. URL: https://www.cinemoda.ru/cleopatra_2/ (date of application:12.07.2023).
9. Film studio "Atlas". Electronic text. URL: <https://guide.travel.ru/morocco/223515.html> (date of application: 12.07.2023).
10. Bogdanova I. Egypt banned the film "Exodus" for Zionist propaganda and falsification of history. Electronic text. URL: <https://svr.su/content/item/4648/> (date of application:12.07.2023).
11. Portnov P. Egyptology. Scenery for the film "AzirisNuna"// Salon Interior. 2007. Vol. 10. Electronic text. URL: <https://salon.ru/article/egiptologiya-7778> (date of application: 12.07.2023).

УДК 811

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.69.93.012

*Институт филологии Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
заведующий кафедрой русского языка и литературы, д-р филол. наук, профессор
Попова Е.А.
Россия, г. Липецк, тел. +7(4742)32-84-61
e-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru*

*Institute of Philology of Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University
The department of Russian Language and Literature,
head of the department, PhD, professor
Popova E.A.
Russia, Lipetsk, +7(4742)32-84-61
e-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru*

Е.А. Попова

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АГИОНИМЫ В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО (ЛИПЕЦКОГО) ТЕКСТА И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИЙНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ ГРАМОТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

(Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации по теме: «Формирование медийно-информационной грамотности обучающихся в рамках общеобразовательных программ в условиях информационного полифонизма и неоднородности современной коммуникативной среды» (соглашение № 073-03-2023-043/1 от 19.06.2023 г.)

Статья посвящена региональным агионимам, являющимся неотъемлемой частью ономастического и культурного пространства Провинциального (Липецкого) текста. На материале художественных, мемуарных, дневниковых произведений XIX – начала XXI вв., принадлежащих таким авторам, как В.А. Жуковский, П.И. Бартенев, Н.П. Грот (Семенова), М.М. Пришвин, А.П. Платонов, В.Д. Коршиков, Г.Н. Рязанцев-Седогин и др., уточняется список агионимов, нашедших отражение в прецедентных текстах региональной направленности, рассматривается национально-культурная информация, содержащаяся в этих агионимах. Агионимы как часть ономастического пространства Провинциального текста, связанного с Липецким краем, соответствуют реальным храмам и монастырям, информацию о которых можно найти в медиaprостранстве, на федеральных и региональных сайтах и порталах. В этих медиатекстах находит отражение положительный потенциал русского языка, что отличает эту часть медиаконтента от большей части современного Интернет-пространства, где происходит разрушение традиционных духовно-нравственных ценностей. По этой причине фрагменты из медиатекстов, посвященных агионимам, в том числе региональным, обязательно должны использоваться как одни из немногих образцовых текстов при формировании медийно-информационной грамотности обучающихся.

Ключевые слова: Провинциальный (Липецкий) текст, агионимы, ономастическое пространство, культурное пространство, медиaprостранство, медийно-информационная грамотность, положительный потенциал языка, тренажер, традиционные ценности.

Е.А. Popova

REGIONAL HAGIONYMS IN THE ONOMASTIC SPACE OF THE PROVINCIAL (LIPETSK) TEXT AND THE PROBLEM OF FORMATION OF MEDIA AND INFORMATION LITERACY OF STUDENTS

(The article was prepared as part of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation on the topic: "Formation of media and information literacy of students in the framework of general education programs in the conditions of information polyphonism and heterogeneity of the modern communicative environment" (agreement No. 073-03-2023-043/1 of 06/19/2023)

The article is devoted to regional hagionyms, which are an integral part of the onomastic and cultural space of the Provincial (Lipetsk) text. Based on the material of artistic, memoir, diary works of the XIX – early XXI centuries, belonging to such authors as V.A. Zhukovsky, P.I. Bartenev, N.P. Grot (Semenova), M.M. Prishvin, A.P. Platonov, V.D. Korshikov, G.N. Ryazantsev-Sedogin, etc., the list of hagionyms reflected in the precedent texts of a regional orientation is specified, the national-cultural information contained in these hagionyms is considered. Hagionyms as part of the onomastic space of the Provincial text associated with the Lipetsk Region correspond to real temples and monasteries, information about which can be found in the media space, on federal and regional websites and portals. These media texts reflect the positive potential of the Russian language, which distinguishes this part of the media content from most of the modern Internet space, where traditional spiritual and moral values are being destroyed. For this reason, fragments from media texts devoted to hagionyms, including regional ones, must necessarily be used as one of the few exemplary texts in the formation of media and information literacy of students.

Key words: Provincial (Lipetsk) text, hagionyms, onomastic space, cultural space, media space, media and information literacy, positive language potential, simulator, traditional values.

В региональных текстах русской литературы, образующих Провинциальный свертхтекст, запечатлен образ малой родины. Эти тексты очень важны для формирования национальной, культурной, гражданской идентичности языковой личности, особенно представителей молодого поколения. «Открытие мира классической русской литературы для каждого россиянина немыслимо без знакомства с литературой родного края, малой родины. Погружение в нее должно происходить постепенно и в тесной связи с изучением русской литературы и русского языка в целом» [1; с. 5]. Литературное наследие любого региона России уникально, не является исключением и Липецкая область, которая связана с именами таких выдающихся деятелей русской культуры, как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, В.А. Жуковский, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, П.И. Барте́нев, И.А. Бунин, А.П. Бунина, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, М.М. Пришвин, Е.И. Замятин, А.П. Платонов, К.Г. Паустовский и др.

Региональную направленность текстам о родном крае придают региональные топонимы и антропонимы, образующие ономастическое и – шире – культурное пространство этих текстов. Предметом рассмотрения в данной статье являются региональные агонимы как часть ономастического пространства Липецкого текста русской литературы – одного из локальных ответвлений Провинциального свертхтекста.

Региональные агонимы, т.е. «имена собственные, связанные с реалиями православной культуры, отражают названия религиозных объектов (храмов, монастырей, часовен, скитов, пустыней), находящихся на территории Липецкого края и упомянутых в произведениях Липецкого текста. Обладая яркой национальной спецификой, являясь неотъемлемым элементом формы литературного произведения, агонимы, с одной стороны, несут богатую культурную информацию, а с другой – оказываются одним из средств, создающих художественный образ, художественное пространство и композицию произведений» [2; с. 7-8]. Каждый из двух выпусков корпуса прецедентных текстов региональной направленности, составленных преподавателями кафедры русского языка и литературы ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тянь-Шанского в рамках проекта, поддержанного РФФИ, – «Провинциальный (Липецкий) текст: лингвокультурологические аспекты и ментально-сущностные характеристики», завершается списком агонимов, названия которых встречаются в данных текстах [2; с. 526-531; 3; с. 647-660].

Так, большое количество агонимов, в том числе тех, которые являются названиями храмов, разрушенных в годы советской власти, упоминается в текстах, посвященных Липецку и Ельцу (*Христорождественский собор, Древне-Успенский храм, церковь «Живоносный Источник», Евдокиевский храм, Троицкий храм, храм Преображения Господня* и др. в Липецке; *Вознесенский собор, Знаменский монастырь, колокольня Михаила Архангела, церковь Преображения Господня, Знаменский собор (Собор Курской Коренной иконы Божией Матери «Знамение»), церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы, храм Казанской иконы Божией Матери, Покровский храм (храм Покрова Богородицы), храм Рождества Богородицы, Сретенская церковь (храм Сретения Господня), храм святого Сергия Радонежского* и др. в Ельце).

Наш земляк П.И. Барте́нев, историк, первый пушкинист, основатель и издатель журнала «Русский архив», чьи детские годы прошли в Липецке, в «Воспоминаниях» пишет: «Но мы жилали в этой деревне (Королевщино. – Е.П.) только летом, остальное время проводили в 25-ти верстах оттуда в г. Липецке на Дворянской улице с прекрасным видом на огромное озеро. Улица была на значительном возвышении, и под горою **церковь** (здесь и далее выделено нами. – Е.П.) и так называемый “**Живоносный Источник**” с чудесною водою, которую можно было пить сколько угодно» [4; с. 48].

Речь в этом отрывке идет о церкви «Живоносный источник» в Липецке – надкладезной часовне иконы Божией Матери «Живоносный источник», находившейся у южной стены Древне-Успенской церкви. В годы советской власти этот храм был уничтожен. Церковь «Живоносный источник» запечатлена на одном из рисунков В.А. Жуковского, сделанных в дорожном альбоме во время посещения Липецка в 1837 г. во время обзорного путешествия по России наследника Александра Николаевича (будущего императора Александра II) по России.

О нескольких липецких храмах пишет в следующем фрагменте современный липецкий писатель В.Д. Коршиков: «До конца XIX века в городе было возведено восемь храмов, среди которых величественный **Христорождественский собор** и пятиглавая **Троицкая церковь**, ставшая доминантой Воронежского (бывшего Уступного) холма. Она была построена на средства купца А.П. Хренникова, поставлявшего целебные грязи “для лечения к Высочайшему Двору”. Мраморный обелиск липецкого мецената, потомственного почетного гражданина, можно и сегодня увидеть в церковном некрополе **Евдокиевского храма**, где похоронены герои Отечественной войны 1812 года и многие знаменитые люди города» (В.Д. Коршиков. «Медоносное древо») [5; с. 14-15]. Упомянутый автором Троицкий храм (храм Троицы Живоначальной) в годы советской власти был разрушен, на его месте находится стадион «Металлург». Христорождественский собор и Евдокиевский храм сохранились.

В романе современного писателя-священника Г.Н. Рязанцева-Седогина «Становящийся смысл» (журнальный вариант романа печатался под названием «Земля живых» [6; 7]) встречается большое количество агионимов, прежде всего тех, которые являются названиями храмов и монастырей Липецка и Липецкой области (*Христорождественский кафедральный собор, Вознесенский собор, храм Преображения Господня, Христорождественский храм на Соколе (Рождества Христова храм в бывшем селе Студёнки, вошедшем в 1933 г. в состав Липецка), строящийся в поселке Трактростроителей Михайло-Архангельский храм, Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, храм Архистратига Михаила в селе Кривополянье Чаплыгинского района, Петропавловская пустынь* и др.), что свидетельствует о том, что агионимы – обязательный элемент Липецкого текста на всем протяжении его существования (XIX–XXI вв.).

Отец Евгений Седогин, от лица которого ведется повествование, в липецком архиве изучает документы о храмах города. Например, Вознесенский собор был знаменит тем, что «в нем венчалась бабушка Пушкина Мария Алексеевна с Осипом Ганнибалом. И еще у стен этого сооружения находился фамильный некрополь Пушкиных, и тут покоится прах капитана Пушкина, отца Марии Алексеевны» [6; с. 183]. После посещения здания архива отец Евгений вспоминает продолжение истории Вознесенского храма и находящегося рядом с ним фамильного захоронения Пушкиных: «...они (большевики. – Е.П.) не только снесли в 60-х годах двадцатого века **храм Вознесения**, но на месте захоронения поставили общественный туалет, который просуществовал не один десяток лет. А сейчас здесь ловким предпринимателем поставлен стеклянный павильон, где разливают пиво, напиток бюргеров и пролетариата» [6; с. 183].

Самым известным монастырем Липецкой области является Рождество-Богородицкий мужской монастырь в Задонске, в котором жил святитель Тихон Задонский (1724–1783) – епископ Воронежский, крупнейший православный религиозный просветитель XVIII в., богослов, причисленный к лику святых в 1861 г. Следующий 2024 г. – год 300-летия со дня рождения святителя Тихона. Своими трудами он повлиял на Ф.М. Достоевского и других русских писателей. С 1769 г. он поселился в Задонском монастыре, где все дни проводил в молитвах и духовных беседах. Его мощи, почитаемые как православная святыня, находятся на территории монастыря.

В прецедентных текстах региональной направленности, связанных с Липецким краем (художественных произведениях, очерках, мемуарах, дневниках), большое внимание уделяется как Тихону Задонскому, так и монастырю, в каком он жил. Например, В.А. Жуковский в дневниках пишет о посещении Задонского монастыря, который он называет «монастырь Тихона Чудотворца» (запись от 7 июля 1837 г.) [8; с. 65].

А.П. Платонов в одном из своих областных организационно-философских очерков «Че-че-о» пишет о том, что автобиографический персонаж, от лица которого ведется повествование, в детстве жил в Задонске и слышал «от деда, через мать» [9; с. 206], что в этот город приезжал великий русский писатель Ф.М. Достоевский, он посещал «знаменитый монастырь, где жил Тихон Задонский, сокровище души Достоевского, как он сам об этом потом писал» [9; с. 206]. Далее Платонов указывает, что

черты Тихона Задонского запечатлены в герое романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» – старце Зосиме, а, кроме того, частично и в Алеше Карамазове [9; с. 206].

После Октябрьской революции 1917 г. монастырь был закрыт, в 1919 г. мощи Тихона Задонского были вскрыты; в 1932 г. их передали в музей: вначале в Елец, затем в Орел. Об осквернении мощей святителя Тихона много размышляет в своих дневниковых записях 1919 г. М.М. Пришвин, который в это время жил в Елецком уезде – на своей малой родине: «Вот разобрали мощи Тихона Задонского, народ ответил на это верой, что Тихон Задонский ушел и стал невидим. Так в царстве (1 нрзб.) зло – власти, все любовное стало невидимо, и всякое слово добра умалилось. Мы отданы року и молчим, потому что нельзя говорить: мы виноваты в попущении, мы должны молчать, пока наше страдание не окончится, пока рок не насытится и уйдет: ему пищи не будет. Тогда вдруг все мы скажем:

– Да воскреснет Бог!» (запись от 20 февраля 1919 г.) [10; с. 247];

«Пример поругания мощей Тихона Задонского и встречная легенда, что “батюшка ушел!”, показывает всю бесполезность борьбы с религией таким способом» (запись от 24 февраля 1919 г.) [10; с. 251].

Прошлое и настоящее Задонского монастыря описывает А.П. Платонов в рассказе «Экономик Магов» (1926): «**Задонск – древнерусский монастырский центр**, город божьих старушек и церковных золотых дел мастеров. Монастырь был кормильцем обитателей этого города (200 тысяч в год странников, богомольцев, богомолков и прочих пешеходов), а **теперь**, когда монастырь имеет значение пожарной каланчи и радиоприемника, жителям питаться нечем. **Раньше** по грунтовым дорогам в город несли холстину, а **теперь** по эфиру туда несется радиомузыка» [9; с. 35]. В этом фрагменте очень ярко представлен прием антитезы, с помощью которого противопоставляется дореволюционное прошлое и советское настоящее монастыря (*раньше – теперь*).

В произведениях современных липецких авторов отражено возрождение Задонского монастыря, обретение мощей святителя Тихона в конце XX – начале XXI вв. и то, что и сейчас монастырь с мощами Тихона Задонского продолжает оставаться главной достопримечательностью Задонска: «Главной достопримечательностью городка был **монастырь с мощами святителя Тихона Задонского**. В девяностых годах начали его реставрацию и вскоре **обрели мощи святителя**, и жизнь в монастыре была восстановлена.

К двухтысячному году в монастыре насчитывалось около ста монахов. Было много послушников и бесчисленное количество трудников <...>» (Г.Н. Рязанцев-Седогин. «Земля живых») [6; с. 189].

Некоторые села Липецкой области называются по приходскому храму (*Покровское* (иногда *Покровка*) Тербунского района, *Покровское* Становлянского района, *Троицкое* Липецкого района, *Успенское* Становлянского района, *Знаменское* Задонского района, *Знаменское* Лев-Толстовского района, *Никольское* Краснинского района, *Никольское* Липецкого района, *Никольское* Усманского района, *Преображение* Измалковского района, *Пятницкое* Краснинского района, *Пятницкое* Измалковского района, *Сергиевское* Краснинского района и др.). Ряд сел имел по два названия, причем одно из них было дано по приходскому храму: *Подосинки* (*Архангельское*) в Чаплыгинском районе Липецкой области (ранее – Раненбургском уезде Рязанской губернии), *Богословское* (*Калиновка*), *Красная Пальна* (*Петропавловское*), *Рождество* (*Петрищево*) в Становлянском районе Липецкой области (ранее Елецком уезде Орловской губернии), *Знаменское* (*Чичерино*), *Васильевское*, в настоящее время *Васильевка* (*Глотова*) в Измалковском районе Липецкой области (ранее Елецком уезде Орловской губернии) и др.

Например, село *Подосинки* (*Архангельское*) своим возникновением связано с деятельностью деда П.П. Семенова-Тян-Шанского – Николая Петровича Семенова (1755–1837). В дальнейшем усадьба принадлежала Михаилу Николаевичу Семенову (1798–1859), дяде и крестному отцу П.П. Семенова-Тян-Шанского. Отставной полковник Измайловского полка после выхода в отставку поселился в имении Подосинки. После смерти отца Петра Петровича Михаил Николаевич взял на себя управление имениями старшего брата. В Подосинках жила сестра Петра Петровича – Наталья Петровна Семенова – после окончания Екатерининского института, а также Мария Петровна Семенова – мать владельца усадьбы и бабушка П.П. Семенова-Тян-Шанского и Н.П. Грот (Семеновой). П.П. Семенов-Тян-Шанский останавливался и жил в усадьбе Подосинки в период своего романа с Верой Александровной Чулковой. Он жил в ветхом флигеле усадьбы, куда перевез книги и коллекцию бабочек. Здесь он занимался переводом «Землеведения Азии» Карла Риттера, работал над статьей «О важности ботанико-географических исследований в России». В храме Михаила Архангела осенью 1851 г. П.П. Семенов-Тян-Шанский обвенчался с В.А. Чулковой. В настоящее время это село почти исчезло с лица земли. Усадьба и храм были уничтожены, сохранился участок леса на месте усадеб-

ного парка и дубовой рощи. О населенном пункте напоминает лишь кладбище, сохранившееся на пригорке; на его окраине стоит памятник с могилы бывшего владельца усадьбы – М.Н. Семенова. После Октябрьской революции храм был закрыт, а в 30-е гг. XX в. разобран. В настоящее время на месте храма установлен памятный крест.

Старшая сестра П.П. Семенова-Тян-Шанского – Н.П. Грот (Семенова) – двойное название села Подосинки (Архангельское) объясняет так: «Погостив в Москве, мы пустились в Рязанскую губернию, в имение дяди – **Осинники** (или **Подосинки**). Оно называлось теперь **селом Архангельским** с тех пор, как дядя выстроил в нем небольшую **церковь**, в которой все образа писаны были известным художником Николаем Аполлоновичем Майковым» (Н.П. Грот. «Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков») [11].

Агионимы дали названия многим городским объектам, прежде всего улицам, площадям, микрорайонам. Например, центральная площадь Липецка имеет двойное название *Соборная* (в советское время – *площадь Ленина*). Эта площадь была образована в XIX в. как площадь перед Христорождественским собором, благодаря которому и получила свое название.

Один из старейших районов Липецка, расположенный между Нижним и Верхним парками и Петровским проездом, называется *Монастырка*. До 1764 г. здесь существовал мужской монастырь Паройская пустынь, давший название этому району. Несомненным украшением здешней местности является старейший храм города Липецка – Древне-Успенская церковь, построенная в конце XVII – начале XVIII вв. как монастырский храм.

Театральная площадь Липецка раньше называлась *Вознесенской площадью*, а улица Льва Толстого – *Церковной улицей*. Эти названия площадь и улица получили по расположенному здесь Вознесенскому собору – первому каменному храму Липецку, в котором в 1773 гг. состоялось венчание деда и бабушки А.С. Пушкина – О.А. Ганнибала и М.А. Пушкиной. Рядом с храмом находился семейный некрополь Пушкиных.

Коммунальная площадь Липецка, всю территорию которой сейчас занимает стадион «Металлург», раньше называлась *Троицкой площадью* – по расположенному на ней Троицкому храму (храму Троицы Живоначальной), уничтоженному в начале 1930-х гг.

Евдокиевский храм (храм преподобномученицы *Евдокии*) дал название некрополю, на котором он расположен (*Евдокиевское кладбище*). В 60-е гг. XX века на этом кладбище были захоронены воины, умершие в липецких эвакогоспиталях во время Великой Отечественной войны.

В Ельце в честь храмов были названы многие улицы: *Успенская улица* (по храму Успения Пресвятой Богородицы; после Октябрьской революции улица была переименована в Советскую), *Введенский спуск* (по храму Введения во храм пресвятой Богородицы; впоследствии здесь были улицы Профсоюзная и Шевченко), *Рождественская улица* (переименована в улицу Горького), *Монастырская улица* (переименована в улицу Демьяна Бедного), *Соборная улица* (переименована в улицу Октябрьская) и др. См. примеры употребления этих и других названий в художественных текстах: «Еще минута – и побегут, побегут эти лошади, эти сани по **Успенской улице** вон из города, в серые снежные поля – и прости-пощай, счастливейшая в жизни неделя!» (И.А. Бунин. «Подснежник») [12; с. 506]; «Каждое воскресенье, после обедни, по **Соборной улице**, ведущей к выезду из города, направляется маленькая женщина в трауре, в черных лайковых перчатках, с зонтиком из черного дерева» (И.А. Бунин. «Легкое дыхание») [12; с. 97]; «**Монастырская улица** – пролет в поля и дорога: одним из города домой, в деревню, другим – в город мертвых» (И.А. Бунин. «Поздний час») [13; с. 281].

Таким образом, агионимы, обладающие яркой национально-культурной спецификой, содержащие важную культурную информацию, – неотъемлемая часть топонимии и персонимии прецедентных текстов региональной направленности.

Прецедентные тексты региональной направленности запечатлели, а следовательно, сохранили для потомства сведения об исчезнувших храмах (*Вознесенский храм*, *Троицкий храм*, *церковь «Животворный источник»* в Липецке, *храм Михаила Архангела* в селе Подосинки (Архангельское) Раненбургского уезда и др.).

Проанализированные нами агионимы из региональных текстов соответствуют реальным храмам, монастырям. Информацию о них можно найти в медиапространстве, на федеральных и региональных сайтах и порталах: сайте Липецкой митрополии, православном портале «Азбука веры», народном каталоге православной архитектуры «Соборы.ру», портале «Страницы истории города Ельца», сайте «Святитель Тихон Задонский» и др. В открытом доступе находятся книги липецких крае-

ведов А.Ю. Клокова, А.А. Найдёнова и др. «Храмы и монастыри Липецкой и Елецкой епархии», посвященные храмам Ельца, Липецка, Лебедянского, Задонского и других районов [14; 15 и др.]. На одном из сайтов, где размещены эти книги, сказано: «В 2006 году Липецкое областное краеведческое общество и коллектив авторов приступил к изданию многотомного исследования, рассказывающего об истории православных храмов, монастырей и часовен, существовавших некогда и существующих сегодня на территории Липецкой области в пределах юрисдикции Липецкой и Елецкой епархии, а также святынях, святых и подвижниках Липецкой земли, получившего название “Храмы и монастыри Липецкой и Елецкой епархии”. В научно-популярных очерках по истории всех монастырей, храмов и часовен, находившихся когда-либо на территории современной Липецкой области приводятся сведения о строительстве и дальнейшей судьбе святынь, их архитектурных особенностях и внутреннем убранстве, замечательных событиях в их истории, людях, строивших и украшавших храмы, прославивших их своей подвижнической жизнью, священно- и церковнослужителях» [16].

В статьях, посвященных храмам и монастырям, находит отражение положительный потенциал русского языка, что отличает эту часть медиаконтента от большей части современного Интернет-пространства, где наблюдается нарушение норм литературного языка и речевой этики, использование жаргонной и даже обценной лексики. В медиапространстве происходит разрушение традиционных духовно-нравственных ценностей, что можно рассматривать как покушение на русскую ментальность. По этой причине фрагменты из медиатекстов, посвященных агионимам, в том числе региональным, должны использоваться как одни из немногих образцовых текстов при формировании медийно-информационной грамотности обучающихся, в частности в соответствующем тренажере. Цель этого тренажера – разработка технологии работы с медиатекстами, обеспечивающей формирование медийно-информационной грамотности обучающихся на основе аксиологического осмысления культурного пространства.

Являясь частью ономастического и культурного пространства Провинциального (Липецкого) текста, региональные агионимы, запечатлели не только историю Липецкого края, но и историю русского народа со всеми ее взлетами и падениями. Работа с текстами, в том числе с медийными, содержащими агионимы, позволит «активно транслировать традиционные идейные, морально-нравственные и духовные ценности, которые всегда были свойственны уникальной русской культуре и отражались в “великом, могучем, правдивом и свободном” (И.С. Тургенев) русском языке» [17; с. 98].

Библиографический список

1. Романов Д.А., Старцева Н.М., Печурова Е.А. Тульский край и русская литература: Очерки о литературном контексте Тульского края: Метод. пособие для учителей. Тула: ТППО, 2020. 243 с.
2. Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы: корпус прецедентных текстов региональной направленности. Учебное пособие / Отв. ред. Е.А. Попова. Липецк: Липецк-Плюс, 2018. 532 с.
3. Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы: корпус прецедентных текстов региональной направленности. Второй выпуск. Учебное пособие / Научные редакторы: Т.В. Гончарова, И.П. Черноусова. Отв. редактор Е.А. Попова. Липецк: Липецк-Плюс, 2020. 662 с.
4. Бартенев П.И. Воспоминания // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. [Т.] 1. С. 47-95. URL: <http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra1/ra1-047-.htm>
5. Коршиков, В.Д. Медоносное дерево. Легенды и были Липецкого края. Липецк: ООО “ИГ” ИНФОЛ”, 2005. 256 с.
6. Рязанцев-Седогин Г. Земля живых // Север. 2015. №9-10. С. 180-233.
7. Рязанцев-Седогин Г. Земля живых (Окончание) // Север. 2015. №11-12. С. 168-223.
8. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847. М.: Языки славянской культуры, 2004. 768 с.
9. Платонов А.П. Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения. М.: Время, 2011. 656 с.
10. Пришвин М.М. Дневники. 1918–1919. Книга вторая. М.: Московский рабочий, 1994. 383 с.
11. Гротъ Н. Изъ семейной хроники. Воспоминанія для дѣтей и внуковъ. Изданіе семьи. URL: <http://www.ostrov.ca/memoires/npgrot/index.htm>
12. Бунин И.А. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 4. Произведения 1914–1931. М.: Худож. лит., 1988. 703 с.
13. Бунин И.А. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 5. Жизнь Арсеньева. Темные аллеи; Рассказы 1932–1952 гг. М.: Худож. лит., 1988. 639 с.
14. Клоков А.Ю., Найдёнов А.А., Новосельцев А.В. Храмы и монастыри Липецкой и Елецкой Епархии. Елец. Липецк: Липецкое областное краеведческое общество, 2006. 512 с.

15. Клоков А.Ю., Найдёнов А.А. Храмы и монастыри Липецкой и Елецкой епархии. Липецк. Липецк: Липецкое областное краеведческое общество, 2007. 384 с.
16. Страницы истории города Ельца. URL: <https://vorgol.ru/hramy-i-monastyri-eleckoj-i-lipeckoj-eparhii/>
17. Ильченко О.С. *Сердце не ёкает*, или *Русинглиш* в современной России // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, №3. С. 91-98. URL: <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-91-98>.

References

1. Romanov D.A., Starceva N.M., Pechurova E.A. Tula Region and Russian Literature: Essays on the literary context of the Tula Region: Methodical manual for teachers. Tula: TPPO, 2020. 243 p.
2. Provincial (Lipetsk) text of Russian literature: a corpus of precedent texts of regional orientation. Textbook / Ed. by E.A. Popov. Lipetsk: Lipetsk-Plus, 2018. 532 p.
3. Provincial (Lipetsk) text of Russian literature: a corpus of precedent texts of regional orientation. The second issue. Textbook / Scientific editors: T.V. Goncharova, I.P. Chernousova. Editor-in-chief E.A. Popova. Lipetsk: Lipetsk-Plus, 2020. 662 p.
4. Bartenev P.I. Memories // The Russian Archive: The History of the Fatherland in certificates and documents of the XVIII-XX centuries: Almanac. M.: Studio TRITE: Ros. Archive, 1994. [Vol.] 1. Pp. 47-95. URL: <http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra1/ra1-047-.htm>
5. Korshikov V.D. Honey tree. Legends and true stories of the Lipetsk region. Lipetsk: LLC "IG "INFOL", 2005. 256 p.
6. Ryazancev-Sedogin G. Land of the Living // Sever (North). 2015. No. 9-10. Pp. 180-233.
7. Ryazancev-Sedogin G. Land of the Living (Ending) // Sever (North). 2015. No.11-12. Pp. 168-223.
8. Zhukovskij V.A. Complete works and letters: In twenty volumes. Vol. 14. Diaries. Diary letters. Notebooks. 1834-1847. M.: Languages of Slavic culture, 2004. 768 p.
9. Platonov A.P. Doubtful Makar: Stories of the 1920s; Poems. M.: Vremya, 2011. 656 p.
10. Prishvin M.M. Diaries. 1918-1919. Book two. M.: Moskovsky Rabochy, 1994. 383 p.
11. Grot N. From the family chronicle. Memories for children and grandchildren. The publication of the family. URL: <http://www.ostrov.ca/memoires/npgrot/index.htm>
12. Bunin I.A. Collected works. In 6 vols. Vol. 4. Works of 1914-1931. M.: Art. lit., 1988. 703 p.
13. Bunin I.A. Collected works. In 6 vol. t. 5. Arsenyev's life. Dark alleys; Stories 1932-1952. M.: Art. lit., 1988. 639 p.
14. Klovok A.Yu., Najdyonov A.A., Novosel`cev A.V. Temples and monasteries of the Lipetsk and Yelets Dioceses. Yelets. Lipetsk: Lipetsk Regional Local History Society, 2006. 512 p.
15. Klovok A.Yu., Najdyonov A.A. Temples and monasteries of the Lipetsk and Yelets dioceses. Lipetsk. Lipetsk: Lipetsk Regional Local History Society, 2007. 384 p.
16. Pages of the history of the city of Yelets. URL: <https://vorgol.ru/hramy-i-monastyri-eleckoj-i-lipeckoj-eparhii/>
17. Il`chenko O.S. The heart does not skip a beat, or Rusinglish in modern Russia // Russian language at school. 2023. Vol. 84, No. 3. Pp. 91-98. URL: <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-91-98>.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК [81'282(470.319):821.161.1]:[81'25:811.112.2]

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.70.62.013

*Орловский государственный университет им.
И.С. Тургенева
Доцент кафедры немецкого языка
Кандидат филологических наук
Цуканова Е.М.
Россия, г. Орёл, тел. +7 903 882 4048
e-mail: tsukanova68@mail.ru*

*Orel State University named after I.S Turgenev
Associate professor of the Department of the Ger-
man language
Candidate of Philology
Tsukanova E.M.
Russia, Orel, tel. +7 903 882 4048
e-mail: tsukanova68@mail.ru*

*Магистрант 1 курса института иностранных
языков
Гаврилова П.П.
Россия, г. Орёл, тел. +7 910 302 6999
e-mail: pgavrilova23@gmail.com*

*Institute of Foreign Languages
1-st-year master's student
Gavrilova P.P.
Russia, Orel, tel. +7 910 302 6999
e-mail: pgavrilova23@gmail.com*

Е.М. Цуканова, П.П. Гаврилова

ПРЕОДОЛЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО БАРЬЕРА В УСЛОВИЯХ КУЛЬТУРНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА ДИАЛЕКТИЗМОВ)

В статье представлены результаты исследования, целью которого является описание способов перевода диалектизм Орловского говора из произведений И.С. Тургенева на немецкий язык. Исследование предполагает комплексный подход к описанию, а именно: определение типов диалектизм, способ их перевода на немецкий язык, выявление наиболее частотных переводческих трансформаций для конкретных типов диалектизм, анализ переводческих решений с точки зрения возможности отражения национально-культурной специфики диалектизм при переводе на язык носителей немецкой культуры без смысловых и эстетических потерь. Данный подход создает базу для обоснования научной новизны исследования: впервые описаны способы перевода диалектизм Орловского говора из произведений И.С. Тургенева на немецкий язык с учетом многоаспектности феномена диалектизм. Подчеркивается, что актуальность исследования обусловлена рядом проблем: во-первых, сложностью предмета исследования, многогранностью диалектизм как лингвистического феномена. Это и экспрессивная окраска диалектизм, и принадлежность к части культурно-исторического достояния определённого слоя населения, объединённого территориальной общностью, и отсутствие постоянных эквивалентов в других языках, а также отсутствие общей стратегией адаптации диалектизм для иноязычных реципиентов в переводоведении. Второй тип проблем, требующих своего решения, связан с четко прослеживающейся тенденцией в современном мире на сохранение и популяризацию культурно-исторического достояния народов мира, способствующего решению проблем самоидентификации и межкультурного взаимодействия. Выявлено и обосновано, что при переводе диалектизм наблюдается тенденция активного использования прямой подстановки и элиминирования практически для всех типов диалектизм. Можно утверждать, что переводчики стремятся к упрощению исходных текстов, что объясняется, на наш взгляд, невозможностью перевода диалектизм единицами другой культуры без лингвокультурологического комментария.

Ключевые слова: диалектизмы, типология диалектизм, Орловский говор, безэквивалентная лексика, переводческие трансформации, способы перевода диалектизм.

E.M. Tsukanova, P.P. Gavrilova

OVERCOMING INTERCULTURAL BARRIER IN CONDITIONS OF CULTURAL INDEPENDENCE (BASED ON THE MATERIAL OF THE TRANSLATION OF DIALECTISMS)

The article presents the results of a study aimed at describing the ways of translating dialectisms of the Orel dialect from the works of I.S. Turgenev into German. The research involves a comprehensive approach to description, namely: determining of types of dialectisms, method of translating them into German, identifying the most common translation transformations for specific types of dialectisms, analyzing translation solutions in terms of the ability to reflect the national and cultural specificity of dialectisms when translating into the language of German-speaking culture without semantic and aesthetic losses. This approach provides a basis for substantiating the scientific novelty of the study: for the first time, the methods of translating dialectisms of the Orel dialect from the works of I.S. Turgenev into German are described, taking into account the multifaceted nature of the phenomenon of dialectisms. It is emphasized that the relevance of the study is determined by a number of issues: firstly, the complexity of the subject of the study, the versatility of dialectisms as a linguistic phenomenon. This includes the expressive coloring of dialectisms, their belonging to a part of the cultural-historical heritage of a certain population segment united by territorial community, the absence of permanent equivalents in other languages, as well as the absence of a common strategy for adapting dialectisms for non-native recipients in translation studies. The second type of issues requiring their solution is associated with a clearly traceable tendency in the modern world to preserve and popularize the cultural-historical heritage of the peoples of the world, which contributes to solving problems of self-identification and cross-cultural communication. It has been identified and substantiated that there is a tendency in translation of dialectisms to actively use direct substitution and eliminating for almost all types of dialectisms. It can be argued that translators aim for simplifying the source texts, which is, in our opinion, explained by the impossibility of translating dialectisms by units of another culture without a linguocultural commentary.

Keywords: dialectisms, typology of dialectisms, Orel dialect, non-equivalent vocabulary, translation transformations, methods of translating dialectisms.

В современном мире проблема межнационального взаимопонимания приобретает особую значимость. В связи с этим очень важным становится диалог культур как средство гармонизации взаимоотношений между людьми разных национальностей, признания духовного богатства той или иной нации. Диалог культур позволяет не только познавать иную культуру, но и более глубоко понимать свою собственную, так как осознание родной картины мира, существующей в сознании носителей языка, проявляется в сопоставлении с картиной мира другого народа.

Таким образом, под культурной независимостью принято понимать тенденцию, направленную на сохранение и развитие самобытности и самодостаточности культуры того или иного этноса, исключая её зависимость от внешних влияний или доминирующих в мире стандартов.

На сегодняшний день культурная независимость занимает важное место в мире, поскольку она способствует сохранению множества культурных традиций, элементов и аспектов, представляющих большую историческую ценность для учёных различных направлений: начиная от историков и заканчивая лингвистами. Это позволяет людям выражать свою уникальность, хранить и передавать свои традиции и ценности следующим поколениям, способствует развитию чувства единения и общности со своим народом.

Однако в то же время существует и межкультурный барьер, который выражается в различных препятствиях, которые искажают содержание сообщения, мешают эффективному диалогу между коммуникантами [1]. Часто межкультурный барьер становится прямым следствием культурной зависимости и выражается в языковых, религиозных, социальных или поведенческих различиях, которые могут вызывать недоразумения, стереотипы, конфликты и как результат – отсутствие взаимопонимания между представителями разных культур.

Преодоление межкультурного барьера требует тщательного изучения и понимания различий между культурами, их особенностей, предпосылок и причин появления тех или иных традиций, а также толерантности к ним. А взаимное уважение, готовность к обмену опытом и знаниями между людьми, представляющими разные культуры, важны для выстраивания гармоничных взаимоотношений, формирования общечеловеческой базы знаний и сохранения мирового культурного наследия.

Диалектизмы как «... слова местных говоров, которые встречаются в речи выходцев из определённой диалектной среды и используются в языке художественной литературы как средство стилиза-

ции (с целью создания местного колорита, речевой характеристики персонажей)» [2, с. 34], вводят целый пласт культурной информации в художественный текст, отражающей колорит, культурное своеобразие определенного региона.

Задача переводчика при этом усложняется, поскольку в рамках переводоведения перевод диалектизмов осуществляется, как правило, в рамках стратегий перевода безэквивалентной лексики, однако специфичного подхода, рассчитанного на уникальность феномена диалектизмов, не существует. При выборе переводческих трансформаций при переводе диалектизмов переводчику следует учитывать, насколько оптимально та или иная трансформация «работает» для переноса значения данной лексической единицы из одной культурной среды в другую с наименьшей потерей культурных особенностей подлинника и с наибольшим сохранением межкультурной ценности во избежание возникновения коммуникативных ошибок, основанных на незнании культур, т.е. межкультурного барьера.

Сложность феномена «диалектизм» заключается еще и в том, что хотя диалектизмы в любом языке и являются исторически значимыми единицами, а в связи с этим неоспоримым фактом и культурной ценностью для определенного лингвокультурного сообщества, однако они могут вызвать трудности в понимании не только у иноязычного читателя, но и у носителя языка. Связано это с тем, что диалектизмы – это часть культурного наследия, традиций и устоев определенного региона, форма самовыражения и идентификации местных жителей, которая, как и язык в целом, постоянно меняется, приобретает новые значения, утрачивает старые и со временем и вовсе вымирает. В результате это приводит к тому, что даже представителям местного лингвокультурного сообщества будет не так легко понять язык своих же предков, живших на этой же территории столетия назад. Поэтому, во избежание коммуникативной неудачи, авторы часто комментируют (в первую очередь для «первичного» читателя, т.е. представителей того лингвокультурного сообщества, на языке которого написан текст), какой смысл несет то или иное диалектное слово в данном регионе. И.С. Тургенев, например, в своих произведениях, послуживших исходной базой для отбора фактологического материала, часто пояснял для читателей в своих Примечаниях, что обозначает то или иное слово или словосочетание в Орловской губернии.

Относительно недавно, под ред. д. филол. наук, профессора кафедры русского языка Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева Т.В. Бахваловой были изданы словари-справочники «500 забытых и редких слов из «Записок охотника», «Словарь забытых и редких слов из романа «Отцы и дети», «Словарь забытых и редких слов из романа «Дворянское гнездо», в которых автор разъясняет значение диалектизмов Орловской губернии, встречающихся в текстах вышеупомянутых произведений И.С. Тургенева, для современного читателя.

Следует отметить, что диалекты Орловской области относятся к Курско-Орловской группе южнорусского наречия. Само по себе южнорусское наречие имеет довольно долгую и богатую историю, поскольку, помимо раннего формирования, имело широкий ареал распространения и оказало существенное влияние на становление русского литературного языка. Это является одной из причин, почему многие лингвисты проявляют интерес к данному наречию и его составляющим, в частности, к Курско-Орловской группе. Словарный состав орловских говоров своеобразен и разнообразен и обусловлен многими факторами: образом жизни местного населения, процессами иммиграции, этническим составом населения, связями с другими регионами, в том числе культурными, экономическими и прочими (в частности, с южными землями, с Украиной) [3]. Как отмечает Т.В. Бахвалова в своей статье «Орловские говоры и проблемы их изучения», «Орловщина является древней территорией расселения славянских племён. Верховье и притоки Оки с VIII в. Занимали вятичи. В XII – XIII вв. земли, расположенные в верховьях Оки, входили в состав Верховских княжеств – уделов Черниговского княжества... С XVI в., с начала так называемого «сползания» населения с севера, началось колонизационное заселение края со стороны Московского государства. Вначале служилые люди, а затем и целые семьи крепостных помещичьих крестьян оседали среди древнего населения орловских земель и растворялись в нём, хотя не до конца и не в полную меру» [4].

Орловский говор отличают в первую очередь фонетические особенности, однако основной интерес в рамках данного исследования представляет лексический состав, с помощью которого открывается завеса на образ жизни, который вели наши предки: чем занимались, во что верили, чего боялись и т.д.

Таким образом, анализируемый материал данного исследования представлен диалектизмами орловского говора из произведений И.С. Тургенева и трансформациями, примененными при их переводе на немецкий язык А.С. Элиасбергом, А. Панковым, П. Фуксом.

Рассмотрим, к примеру, данный контекст:

«Зато никто не мог сравниться с Ермолаем в искусстве ловить весной, в полуую воду, рыбу, доставать руками раков, отыскивать по чутью дичь, подманивать перепелов, вынашивать ястребов, добывать соловьев с «лешевой дудкой», с «кукушкиным перелетом»...» [5, с. 20]

«Dafür konnte sich niemand mit Jermolai in der Kunst messen, im Frühjahr bei Hochwasser Fische zu fangen, die Krebse mit den Händen herauszuholen, das Wild mit der Nase zu wittern, Wachteln heranzulocken, Habichte abzurichten, Nachtigallen mit der «**Teufelspfeife**» und dem «**Kuckucksüberschlag**» zu fangen...» [6, с. 35]

И.С. Тургенев указал в примечаниях, что лешевой дудкой и кукушкиным перелётом «обозначаются лучшие «колена» (части) в соловьином пенье». [5, с. 20]

При переводе на немецкий язык переводчик использовал метод калькирования, то есть буквального перевода, в результате чего получились слова «**Teufelspfeife**», что соответствует русскому «чёртова, дьявольская дудка» или «дудка чёрта, дьявола» и «**Kuckucksüberschlag**», что соответствует выражению «переворот, петля кукушки».

При этом диалектное значение исходных выражений не было отражено, что вызовет трудности в понимании текста у немецкоговорящих реципиентов и, соответственно, в преодолении межкультурных барьеров.

В следующем примере:

«– У Сучка есть **дошаник**, — заметил Владимир» [5, с. 40].

«Der Sutschok hat **einen Dostschannik**», bemerkte Wladimir» [6, с. 133].

Т.В. Бахвалова в словаре «500 забытых и редких слов из «Записок охотника» И.С. Тургенева» поясняет значение данного слова как «плоскодонная лодка» [7, с. 54]. По определению самого И.С. Тургенева, это «плоская лодка, сколоченная из старых барочных досок» [5, с. 40].

Здесь А.С. Элиасберг использовал уже другую переводческую трансформацию, а именно транскрипцию/транслитерацию, воссоздав звуковую и графическую форму слова оригинала с использованием букв языка перевода. Однако данный метод перевода едва ли подходит для передачи диалектного значения исходного слова – и в этом заключается ключевой недостаток данного приёма.

Однако можно наблюдать и более удачные варианты перевода, например:

«Мы с братом, с Авдюшкой, в **лисовщиках** состоим» [5, с. 57].

«Ich und mein Bruder Awdjuscha arbeiten als **Papierglätter**» [6, с. 161].

Согласно словарю Т.В. Бахваловой, «лисовать бумагу – чистить, гладить, скоблить и ровнять листы на фабрике; работник, занятый этим делом – лисовщик» [7, с. 87]. Здесь переводчик подобрал соответствие «**Papierglätter**», что на русский язык можно интерпретировать как «тот, кто выпрямляет бумагу», и использовал метод приближенного перевода. Это значит, что переводчик не смог подобрать прямое соответствие «лисовщикам», но нашёл оптимальный вариант, который, по его мнению, передаёт основное значение слова. То есть значение исходного слова в процессе перевода было частично утрачено.

Также для перевода диалектизмов нередко используется такая переводческая трансформация как генерализация значения, как, например, в следующем отрывке:

«Кругом всё такие буераки, овраги, а в оврагах всё **казюли** водятся». [5, с. 59]

«Ringsherum sind lauter Klüfte und Gräben, und in den Gräben lauter **Schlangen**». [6, с. 166]

Однако и этот способ имеет определённые недостатки, что можно наглядно наблюдать в этом контексте. Так Т.В. Бахвалова даёт определение «казюле» как «гадюке» [7, с. 70]; а И.С. Тургенев определяет его просто как «змея». [5, с. 59] В ходе же перевода было выбрано слово «**Schlange**», которое также имеет значение «змея» – значит, смысл данного диалектизма был передан без искажений и потерь в значении, но взамен была утрачена диалектная форма слова, то есть случилась уже эстетическая потеря.

Еще один вид переводческой трансформации наблюдается в данном примере:

«Да на дне тина и трава, и весь он травой зарос. Впрочем, есть тоже и **колдобины**» [5, с. 42].

«Aber auf dem Grund ist Schlamm und Gras, er ist ganz mit Gras verwachsen und hat auch **Untiefen**» [6, с. 135].

Исходя из определения И.С. Тургенева, колдобиной в Орловской губернии называлось «глубокое место, яма в пруде или реке» [5, с. 42]. Данный диалектизм относится к собственно лексическим диалектизмам.

Опираясь на словарь «Duden», слово «Untiefe» является контронимом, так как имеет два противоположных друг другу значения: 1. Мель, мелководье и 2. Пучина, бездна, глубокое место. В данном случае переводчик выбрал второе значение и использовал контекстуальную замену, так как слово «Untiefe» по своей сути не является лексическим соответствием для русского слова «колдобина», но в данном контексте оптимально передаёт его значение.

Элиминирование как вид переводческой трансформации можно наблюдать в данном примере:

«Слышим мы: ходит, доски под ним так и гнутся, так и трещат; вот прошел он через наши головы; вода вдруг по колесу как зашумит, зашумит; застучит, застучит колесо, завертится; но а заставки у **дворца**-то спущены» [5, с. 57].

«Wir hören – er geht herum, die Bretter biegen sich unter ihm und knarren; da geht er schon über unseren Köpfen; plötzlich fängt das Wasser an zu rauschen, das Rad klopft und dreht sich; aber die Schleusen sind heruntergelassen» [6, с. 162].

Согласно определению И.С. Тургенева, «дворцом называется место, по которому вода бежит на колесо (водяное)» [5, с. 57]. Данный диалектизм относится к семантическим диалектизмам. Исходя из немецкого варианта, переводчик использовал элиминирование этой лексической единицы, т.е. не подобрал к ней эквивалент в принимающем языке.

Использование метода описательного перевода наблюдается в следующем примере:

«Шел я из Каменной Гряды в Шашкино; а шел сперва всё нашим орешником, а потом лужком пошел — знаешь, там, где он **сугибелью** выходит, — там ведь есть **бучило**» [5, с. 65].

«Ich ging von der Steinernen Zeile nach Schaschkino; zuerst ging ich durch unsere Haselbüsche, dann durch die Wiese, weißt du, wo sie **eine scharfe Wendung** macht – dort ist **ein Sumpfloch**» [6, с. 175].

Согласно определению, приведённому в словаре Т.В. Бахваловой, «сугибель» имеет значение «крутой поворот» [7, с. 141]. И.С. Тургенев дополняет, что это «крутой поворот в овраге» [5, с. 65].

Немецкий вариант «scharfe Wendung» также означает «крутой, резкий поворот», следовательно, переводчик объясняет значение диалектизма свободным словосочетанием.

Таким образом, по результатам проведённого исследования мы можем сделать вывод о том, что при переводе диалектизмов в художественной литературе неизбежно применение широкого круга переводческих трансформаций, таких как транскрипция/транслитерация, генерализация, конкретизация, контекстуальная замена, калькирование, прямая подстановка, элиминирование. Но далеко не во всех случаях удаётся сохранить диалектное значение того или иного диалектизма. Чаше переводчику приходится «жертвовать» колоритом диалектизма ради того, чтобы широкий круг читателей другого лингвокультурного сообщества мог без особых затруднений понимать, о чём идёт речь в произведении, применяя приемы прямой подстановки и элиминирования. При этом важно подчеркнуть, что каждый случай перевода диалектизмов уникален и требует индивидуального подхода.

Также мы пришли к выводу, что едва ли попытки перевода диалектизмов без смысловых или эстетических потерь возможны: в любом случае переводчику приходится чем-то жертвовать, будь то оттенки значений того или иного слова или его «диалектная необычность». Следовательно, при всех попытках переводчиков сделать исходный текст доступным для немецких читателей в той же мере, что и для носителей исходной культуры, немцы всё равно имеют искажённое, неполное представление об устоях и образе жизни жителей Орловской губернии. Для них эта культура по-прежнему остаётся чуждой, иногда непонятной и, как следствие, немецкие читатели не в состоянии в полной мере проникнуться ею. А это значит, что, несмотря на попытки переводчика «перевести» исходную культуру, вся её полнота и ценность остаётся преимущественно в пределах Орловской области, будучи не в состоянии преодолеть подкреплённый годами межкультурный барьер.

Тем не менее, благодаря стараниям переводчиков попытки передачи диалектных единиц по-прежнему предпринимаются: какие-то из них удачные, а какие-то не очень. Но в любом случае и без одних, и без других межкультурное взаимодействие продвигалось бы значительно медленнее и тяжелее и не достигло бы тех результатов, которые мы имеем на сегодняшний день.

Возможно, для большего понимания диалектных единиц оптимальным вариантом было бы написание переводчиками сносок, подобно Тургеневу, с объяснением значений диалектизмов. С одной стороны, это не перегрузит текст так, как метод описательного перевода, и даст большее понимание конкретной лексической единицы, чем, например, перевод посредством транскрипции или генерализации. С другой стороны, конечно, есть и определенные недостатки, как например необходимость отвлекаться от текста, риск потери нити сюжета и общее замедление чтения. Но подобные вопросы, как правило, решаются уже при публикации произведения для массового читателя, и здесь необходимо отталкиваться от тех целей, которые ставятся авторами и издателями.

Библиографический список

1. Авходеева Е.А. Национально-культурная идентичность в условиях глобализации и открытого культурного пространства // Клио. 2015. № 6 (102). С. 174-177
2. Горская С.А. Практикум по современному русскому языку: Лексика. Фразеология. Лексикография. Гродно: Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», 2009. 137 с.
3. Бахвалова Т.В. Культурно-историческое наследие в лексике орловских говоров // Актуальные проблемы русской диалектологии. Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2018. С. 34-37.
4. Бахвалова Т.В. Орловские говоры и проблемы их изучения // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1998. №1. С. 116-119.
5. Тургенев И.С. Записки охотника. Тула: Приокское книжное издательство, 1976. 125 с.
6. Turgenev I.S. Aufzeichnungen eines Jägers. Goldmanns Taschenbücher, 1960. 641 с. Deutsch von Alexander Eliasberg.
7. Бахвалова Т.В., Попова А.Р. 500 забытых и редких слов из «Записок охотника» И.С. Тургенева: словарь. 2-е изд., перераб. Орёл: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2017. 162 с.

References

1. Avkhodeeva E.A. National-cultural identity in the context of globalization and open cultural space // Clio. 2015. No. 6 (102). pp. 174-177
2. Gorskaya S.A. Workshop on modern Russian language: Vocabulary. Phraseology. Lexicography. Grodno: Educational Institution «Grodno State University named after Yanka Kupala», 2009. 137 p.
3. Bakhvalova T.V. Cultural and historical heritage in the vocabulary of Orel dialects // Current problems of Russian dialectology. Moscow: Institute of Russian Language named after. V.V. Vinogradov RAS, 2018. pp. 34-37.
4. Bakhvalova T.V. Orel dialects and problems of their study // Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Foundation. 1998. No.1. pp. 116-119.
5. Turgenev I.S. Hunter's notes. Tula: Priokskoye Book Publishing House, 1976. 125 p.
6. Turgenev I.S. Aufzeichnungen eines Jägers. Goldmanns Taschenbücher, 1960. 641 p. Deutsch von Alexander Eliasberg.
7. Bakhvalova T.V., Popova A.R. 500 forgotten and rare words from «Hunter's notes» by I.S. Turgenev: dictionary. 2nd ed., revised. Orel: OSU named after I.S. Turgenev, 2017. 162 p.

УДК 81'42

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.99.25.014

*Кубанский государственный университет
Кандидат филологических наук, доцент
кафедры теории и практики перевода фа-
культета романо-германской филологии
Уланова Е.Э.*

Россия, г. Краснодар,

тел. +79094555424.

e-mail: ekaterina.edu.ulanova@inbox.ru

Kuban State University

The department of Romanic and Germanic Philology

*The chair of theory and practice of translation and
interpretation*

PhD, associate professor

Ulanova E.E.

Russia, Krasnodar,

tel. +79094555424,

e-mail: ekaterina.edu.ulanova@inbox.ru

Е.Э. Уланова

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ УСТНОГО ПЕРЕВОДЧИКА

Статья посвящена анализу прагматического (мотивационного) уровня языковой личности устного переводчика. Автор определяет спектр единиц, отражающих проявления языковой личности на прагматическом уровне: прецедентные феномены (текст/высказывание/имя/ситуация), переводческие добавления, оценочность, как частный вид переводческих добавлений, лингвокреативность и прагматикон. Выделенные единицы анализируются с позиций коммуникативно-функционального и лингвопрагматического подхода, которые предполагают анализ общего контекста выступления и языковых проявлений с учетом интенции говорящего и ее выражения переводчиком, а также соотношения контекста сообщения с интенцией адресанта, ожиданиями адресата и ситуацией перевода в целом (экстралингвистический фон). Основными методами исследования является дискурс-анализ, лингво-когнитивный и сравнительно-сопоставительный анализ переводов. Подчеркивается, что при изучении прагматического уровня языковой личности основной целью был анализ вариантов переводов, выполненных профессиональными устными переводчиками с учетом их целей и установок. В результате последовательного исследования единиц прагматического уровня языковой личности автор приходит к выводу, что доминирующими установками языковой личности устного переводчика являются: стимул интереса аудитории к диалогичной речи, усиление эмоционально-оценочного воздействия на адресата, воссоздание в переводе оригинального коммуникативного эффекта на аудиторию, стремление к уточнению смысла высказывания, преобладание адекватного перевода над эквивалентным, мотивированные переводческие опущения и/или добавления, а также лингвокреативность при переводе крылатых фраз и метафоричных выражений. Реализация языковой личности устного переводчика достигается за счет точного понимания первоначальной интенции говорящего, выбора адекватной стратегии перевода с учетом коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: языковая личность, прагматика, прецедентность, коммуникативно-функциональный подход, лингвопрагматический подход.

E.E. Ulanova

A STUDY OF THE PRAGMATIC LEVEL OF INTERPRETER'S LINGUISTIC PERSONALITY

The article is devoted to the analysis of the pragmatic (motivational) level of the interpreter's linguistic personality. The author defines the range of units reflecting the manifestations of linguistic personality at the pragmatic level: precedent phenomena (text/statement/name/situation), additions of the interpreter, personal value judgement as a particular type of interpreter's additions, linguocreativity and pragmatikon. The units are analyzed from the standpoint of the communicative-functional and linguopragmatic approach, which consist of analyzing the overall context of the speech and linguistic manifestations through the speaker's intention and its expression by the interpreter, as well as correlating the context of the message with the addressee's intention, the addressee's expectations and the translation situation as a whole (extra-linguistic background). The main methods of the study are discourse analysis, linguistic-cognitive and comparative-comparative analysis of interpretation variants. It is emphasized when studying the pragmatic level of the interpreter's linguistic personality the main goal is to analyze the translation variants made by professional interpreters taking into account their goals and attitudes. As a result of the consistent study of the units of the pragmatic level of the

linguistic personality, the author comes to the conclusion that the dominant attitudes of the interpreter's linguistic personality are the following: stimulating the audience's interest in dialogic speech, strengthening the emotional and evaluative impact on the addressees, reflected in translation the original communicative effect on the audience, the desire to clarify the meaning of the statement, the predominance of adequate translation over equivalent translation, motivated translation omissions and/or additions, as well as linguocreativity. Interpreter's linguistic personality becomes apparent through the accurate understanding of the speaker's original intention, the interpreter's choice of an adequate translation strategy taking into account the communicative situation as a whole.

Keywords: linguistic personality, pragmatics, precedence, communicative-functional approach, linguopragmatic approach.

Современные исследования языковой личности (далее – ЯЛ) открывают интересные перспективы изучения структурных уровней представления ЯЛ устного переводчика. Растущее количество работ современного языкознания, посвящены теоретическому рассмотрению и анализу единиц прагматического (мотивационного) уровня (Н.А. Бурмакина, 2007; Е.Н. Иванова, 2020; Т.А. Литвина 2013; Г.Г. Матвеева, 2015; А.А. Калашникова, 2011; А.А. Калашникова, И.А. Калашников, 2014; И.И. Чумак-Жунь, Л.В. Проскурина, 2018; Н.А. Сысоева, 2012; М.К. Тимофеева, 2021; А.Е. Чередниченко, 2017; Jr. Gibbs, H. Colston, 2020; и др.), что свидетельствует об актуальности, многосторонности и сложности рассматриваемого вопроса.

В современной лингвистике определилась тенденция к системному описанию объекта исследования. Исследование процесса коммуникации невозможно без анализа прагматики, поскольку сообщение всегда воспринимается и интерпретируется человеком [1]. По мнению А.В. Зиньковской, прагматический подход предполагает опору на значимый компонент языковых единиц, неразрывно «связанный с индивидом, который делает свой выбор с учётом ситуации общения, а также социальных признаков адресата» [2; с. 92]. Исходя, в первую очередь, из определения прагматики как «науки, изучающей язык в его отношении к тем, кто его использует» [3; с. 420], мы ставили своей целью определить круг единиц прагматического уровня в структуре ЯЛ устного переводчика на основе анализа устных переводов, проводимого непосредственно в ситуации перевода.

Важнейший этап изучения ЯЛ устного переводчика – детерминация специфики прагматического уровня, реализуемого в ситуации перевода. Единицами мотивационного уровня, по словам Ю.Н. Караулова, выступают деятельностно-коммуникативные потребности личности: контактно-устанавливающая, информационная и воздействующая [4; с. 215]. В данной работе мы употребляем термин «мотивационный уровень» тождественно «прагматическому уровню» репрезентации языковой личности, т.е. исследование мотивов, целей, интенций устного переводчика. В самом широком смысле при анализе прагматического (мотивационного) уровня мы определили следующие единицы, которые склонны рассматривать с позиции коммуникативно-функционального подхода:

- прецедентные тексты;
- переводческие добавления;
- оценочность;
- лингвокреативность;
- прагматикон ЯЛ (коммуникативные знания, умения, владение коммуникативными нормами, стратегиями и тактиками вместе со способностью к их оптимальной речевой реализации, т.е. самопрезентация).

Одной из единиц исследуемого уровня являются прецедентные тексты в речи ЯЛ. В соответствии со своей теорией прецедентности, Ю.Н. Караулов определил прецедентные тексты как характерные единицы прагматического уровня в виду их значимости для личности «в познавательном и эмоциональном отношениях». [4; с. 216]. К таким текстам Ю.Н. Караулов относил в прецедентности «готовые, интеллектуально-эмоциональные блоки, значимые в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе языковой личности» [4; с. 260]. Из трех способов существования и обращения прецедентных текстов, выделяемых Ю.Н. Карауловым, натуральный, вторичный и семиотический, в рамках анализа мотивационного уровня ЯЛ, нас интересует последний, как обладающий лингвосемиотической природой. Семиотический способ существования прецедентного текста означает, что сам по себе текст или его фрагмент выступают как самостоятельная единица обозначения. В нашем случае интерес к семиотической стороне прецедентного текста обусловлен иссле-

дованием перевода значимого в познавательном и эмоциональном отношении текста, выполненного ЯЛ устного переводчика.

Справедливо мнение Г.Г. Слышкина, что термин «прецедентный» характерен, во-первых, для текстов, прецедентных для узкого круга людей (семейный прецедентный текст, прецедентный текст студенческой группы и т.п.), а во-вторых, существуют тексты, которые становятся прецедентными на относительно короткий срок [5; с. 29]. Г.Г. Слышкин констатирует, что в период своей прецедентности эти тексты обладают ценностной значимостью, а реминисценции, основанные на них, часто используются в дискурсе этого временного промежутка [5].

При изучении прагматического уровня ЯЛ устного переводчика мы ставили своей целью анализ используемых ЯЛ прецедентных текстов и вариантов их перевода. На наш взгляд, очень важным представляется этап распознавания и перевода прецедентного текста переводчиком, т.к. подобные наблюдения позволяют проследить актуальное интеллектуально-лингвистическое поле ЯЛ. Очевидно, что прецедентные тексты и/или высказывания не всегда приводятся в своём полном виде (например, анекдот, пословица, басня и т.д.). При восприятии прецедентного текста на слух сложность заключается, во-первых, в регулярной актуализации смыслов, т.е. перекодировании «кода культуры» (термин Н.А. Кузьминой), а следовательно, и декодировании услышанной информации, которая может быть неизвестна переводчику или обладать различными смыслами применительно к ситуации перевода [6]. Прецедентный текст в одной и той же культуре языка источника (далее – ЯИ) является отсылкой, хорошо известной аудитории. При этом в качестве прецедентного текста может выступать как отдельный текст, так и его фрагменты, вербальные и невербальные знаки [4].

Вторая сложность заключается в способности адекватно перевести (ввести) указанный прецедентный текст на язык перевода (далее – ЯП). Неточно переданные прецедентные феномены способны ввести в заблуждение аудиторию, могут не передать всю экспрессивность, языковую игру, личный стиль представителя той или иной культуры [7]. Всё это требует безукоризненного владения родным и иностранным языком, навыками устного перевода, предварительным анализом языковой личности ораторов, готовности на подсознательном уровне интерпретировать отсылки ораторов к прецедентным текстам.

Теоретическое обоснование, предложенное И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудковым, и Д.В. Багаевой, предлагает изучать прецедентные феномены как часть теории прецедентности [8]. Традиционно среди прецедентных феноменов выделяют: прецедентный текст, прецедентную ситуацию, прецедентное высказывание, прецедентное имя. Каждый представитель той или иной культуры регулярно сталкивается с прецедентными текстами в повседневной жизни. Обращение к прецедентному тексту может неоднократно происходить в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена. К числу прецедентных текстов принадлежат произведения художественной литературы, тексты песен, рекламы, политические публицистические тексты и т.д. В рамках нашего исследования, полагаем, что к числу прецедентных текстов также можно отнести и способность воспринимать и функционально-стилистически передавать образы ораторов, которые входят в культурные образы, однако менее зависимы от конкретной коммуникативной ситуации (например, образ известного телеведущего). При этом для устного переводчика релевантным представляется умение адекватно интерпретировать прецедентные тексты, сохраняя индивидуальный стиль повествования оратора, который, необходимо переводить, принимая во внимание картину мира говорящего на ЯИ.

Раскроем значение анализируемых прецедентных феноменов. Прецедентное высказывание – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; в когнитивную базу входит само прецедентное высказывание, как таковое; часто происходит отсылка на прецедентное высказывание в речи. К числу прецедентных высказываний принадлежат цитаты из текстов различного характера, известные высказывания других людей, пословицы, поговорки [9].

Прецедентное имя – имя собственное, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, Чацкий), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин); это своего рода знак, при употреблении которого в коммуникации происходит ссылка не на собственно денотат, а на набор дифференциальных признаков данного прецедентного имени [8].

Прецедентная ситуация представляет собой некую «эталонную», «шаблонную», стандартную ситуацию, наделенную определенными коннотациями, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу представителей коммуникативного сообщества [9]. Подобные ситуации могут встречаться в рамках ситуации устного перевода. Так, на полях Петербургского международного

экономического форума (ПМЭФ) в 2017 году участники форума приветствовали Президента Российской Федерации стоя. Войдя в зал, президент обратился к гостям строевой командой «вольно!» [10]. Устные переводчики, работающие на ПМЭФ, не были готовы «сходу» перевести строевую команду в рамках бизнес-форума, поэтому перевод услышанной команды был вольным – *welcome*. В незапланированной прецедентной ситуации не каждый профессиональный переводчик сможет за долю секунды подобрать адекватный перевод армейской строевой команды (корр. перевод: *at ease*). Важно отметить, что внутри между прецедентными феноменами не существует жестких рамок. Прецедентное высказывание/имя, «вышедшее» из своего прецедентного текста, может стать независимым и само перейти в разряд прецедентных текстов, актуализируя новые или дополнительные смыслы.

При выборе материала анализа мы ориентировались на коммуникативно-функциональный и лингвопрагматический подход, последний – предполагает анализ общего контекста выступления и языковых проявлений посредством соотнесения контекста сообщения с интенцией адресанта, ожиданиями адресата и ситуацией перевода в целом (экстралингвистический фон). Рассмотрим способы перевода прецедентных феноменов, наблюдаемых нами в ситуации устного перевода. Использование оратором цитирования/прямой речи, вводящей прецедентный текст, отождествлено с обязательной эмоциональной нагруженностью, а, следовательно, связано с дополнительной экспрессивной нагрузкой.

Оригинал

Перевод

Я думаю, что ЦРУ говорило, наверное, Президенту Соединённых Штатов: «Ничего они не сделают». А Пентагон говорил: «А мы сделаем – сделаем мощную современную систему противоракетной обороны глобального характера».

I think the CIA must have told the US President that we would not do anything in response. While the Pentagon said something like: “And we will develop a powerful cutting-edge global anti-missile system”.

Я своему коллеге тогда сказал: «Представь себе, что будет, если Россия и США объединят свои усилия в таком важнейшем деле, как стратегическая безопасность. Мир изменится на долгую историческую перспективу, и уровень мировой безопасности поднимется на небывалую высоту». Нам сказали: «Это очень интересно». Но в конце концов отказались от всех наших предложений.

I told my colleague then, “Imagine what would happen if Russia and the US joined forces in the crucial area of strategic security. The world would change for a long period to come, and the level of global security would rise to an all-time high”. The reply was, “This is very interesting”. But they ultimately rejected all our proposals.

Тогда я сказал: «Вы понимаете, мы будем вынуждены развивать ударные системы вооружений с тем, чтобы сохранить баланс, чтобы преодолевать ваши системы ПРО?». И услышали в ответ, нам сказали: «Мы делаем систему ПРО не против вас, а вы делаете, что хотите». Будем исходить из того, что и наши действия не против США.

Then I said, “You understand that we will have to improve our offensive arms systems to maintain a balance and to have the ability to overcome your BMD systems?”. They replied that they were not developing the BMD systems to counter us, that we were free to do as we pleased, and that they would not view our actions as spearheaded against the US.

В приведённых выше примерах в фокусе нашего внимания находятся прямая и косвенная речь оратора. Примечательно, что переводчик в большинстве выявленных нами примеров не переводит прямую речь в грамматическую категорию косвенной речи. Наоборот, он оставляет прямую речь в ЯП в качестве открытого диалога с аудиторией. Коммуникативная цель данного решения – простиमुлировать интерес аудитории к диалогичной речи, установление открытого контакта «говорящий-слушающий». Подобные примеры цитирования прямой речи помогают оказать значительное влияние на аудиторию, последовательно и просто передать смысл сложной геополитической конъюнктуры, задать нужный, где-то упрощенный, стиль повествования и эмоциональный фон. Считаем, что прагматический уровень ЯП переводчика определяется ярко выраженным мотивом осуществить перевод, усилив эмоциональную передачу речи оратора посредством: добавления контраста (*А Пента-*

гон говорил – *While the Pentagon said something like*). Прагматическое значение употребления сослагательного наклонения снижает категоричность утверждения и деликатно выражает совет, пожелание (*what would happen; would change; would rise*); адаптации перевода на уровне высказывания/ситуации/цели коммуникации, например, усиление лексического значения всего высказывания на ЯИ за счет употребления эмоционально маркированных лексических единиц: (*современный – cutting-edge; важнейший – crucial; небывалая высота – an all-time high*).

Вторым аспектом анализа прагматического уровня ЯЛ являются переводческие добавления. В некоторых случаях переводчик, применяя переводческие трансформации, в частности приём смыслового развития рискует неточной передачей значения. Переводческие добавления в данном случае можно трактовать с позиции интенции ЯЛ. Поскольку вносимые изменения в текст перевода не обусловлены передачей авторского смысла, заключенного в оригинале, то, соответственно, можно говорить о своеобразном соавторстве переводчика, которое определяется самой ситуацией перевода, её контекстом. В подтверждение данной мысли находим слова А.Д. Швейцера о том, что «интенция переводчика как бы наслаивается на авторскую. В данном случае речь может идти об адаптации авторского намерения к коммуникативным условиям языка перевода [...] при этом остается стремление переводчика воссоздать тот коммуникативный эффект, на который рассчитан оригинал» [11; с. 92].

Оригинал	Перевод
Speaker: But you have tested it?	Оратор: испытания были?
Speaker-2: Yes, of course	Оратор-2: да конечно
Speaker: And it worked?	Оратор: и испытания прошли успешно?
	Оно сработало?
Speaker: Just to come back. Are you saying that we are in a new arms race?	Оратор: хочу вернуться. То есть правильно я вас понимаю что именно это вы и говорите что мы сейчас находимся в рамках новой гонки вооружений?

В приведенном выше примере интенция переводчика заключается в уточнении смысла путём добавления конкретизирующего вопроса (*и испытания прошли успешно?*), который отсутствует в оригинале. Цель данного добавления заключается в максимальном уточнении возможных смыслов (здесь – эффективность оружия и успешно проведенные испытания). Соответственно, основной мотив ЯЛ устного переводчика – преодоление различий восприятия, более точное описание ситуации посредством добавления синонимичного ряда. Наличие синонимичного ряда объясняет интенцию ЯЛ передать смысл высказывания оратора максимально точно.

Частным случаем переводческих добавлений можно считать категорию оценочности. Выступления ораторов в исследуемом материале отличаются многообразием лексических средств, ярких метафор, оценочной и разговорной лексики. Распространено мнение, что на лексическом уровне особую сложность для перевода представляет разговорная лексика с утрировано положительной и/или отрицательной коннотацией, во многом потому, что образ, возникающий в сознании устного переводчика при восприятии подобного компонента высказывания оратора, не является изолированным, а полностью связан с элементами общего смысла высказывания. Если устный переводчик при этом успешно сохраняет темп перевода, высока вероятность хезитации и/или буквального перевода при мыслительном подборе адекватного варианта перевода крылатой фразы (далее – КФ) оратора. Рассмотрим примеры перевода крылатых фраз и образных выражений с позиции проявления оценочности и лингвокреативности языковых личностей.

Оригинал

Перевод

Я думаю, что ЦРУ говорило, наверное, Президенту Соединённых Штатов: «Ничего они не сделают». А Пентагон говорил: «А мы сделаем – сделаем мощную современную систему противоракетной обороны глобального характера». Ну, вот и пошли вперёд.

Они сказали: «Хорошо, делайте, что хотите». Вот мы сделали – «Пожалуйста бритесь».

Послушать то, что думают на этот счёт союзники, наверное, никогда не вредно.

У нас отношения двусторонние деградировали до самой низкой планки за последние годы, а всё-таки есть вопросы, которые требуют сверки часов, определения каких-то позиций взаимных, для того чтобы вопросы, представляющие взаимный интерес, решались эффективнее в интересах как Соединённых Штатов, так и России.

А если нужно выяснять отношения друг с другом и собачиться, как у нас говорят в России, ругаться, зачем тогда встречаться, время тратить?

I think the CIA must have told the US President that we would not do anything in response. While the Pentagon said something like, “And we will develop a powerful cutting-edge global anti-missile system.” So, they did.

They said, “Do whatever you like.” Fine, that is what we did – so enjoy.

However, to hear what their allies have to say about – it probably never hurts.

We have a bilateral relationship that has deteriorated to what is the lowest point in recent years. However, there are matters that need a certain amount of comparing notes and identification and determination of mutual positions, so that matters that are of mutual interest can be dealt with in an efficient and effective way in the interests of both the United States and Russia.

If one is going to have a fight with somebody else why bother and have a meeting?

Приведенные выше примеры, безусловно, можно считать наиболее яркими и сложными для синхронных переводчиков ведь для их адекватного перевода нужно не только владеть языком, но и обладать необходимыми фоновыми знаниями. Это подтверждается тем, что КФ содержат коннотативный компонент и формируют в сознании аудитории ЯИ определённый образ, который переводчик должен постараться учесть при переводе. Более того, при переводе КФ и образных выражений, хорошо известных аудитории ЯИ, на ЯП, необходимо быстро и точно донести их смысл до иноязычной аудитории, у которой нет подобных ассоциаций.

Например, при переводе КФ, используемой в интервью В.В. Путиным (*Мы об этом сказали нашим партнерам, они сказали: «Хорошо, делайте, что хотите». Вот мы сделали – «Пожалуйста бритесь»*) переводчик намеренно уходит от подбора фразеологичного варианта перевода и оставляет общий смысл фразы (*so enjoy it!*). На прагматическом уровне переводчик счел данное решение оптимальным в ситуации молниеносного реагирования, т.к. эквивалент по семному составу соответствует оригинальному выражению, но коннотативный компонент, связанный с фоновыми знаниями едва ли возможно передать в синхронном переводе. Фраза, которую употребляет оратор, «пожалуйста бритесь» – отсылка к песне Ю. Визбора «Тарфлот». Смысл фразы – приглашение преодолеть трудности чей-либо работы, и только после этого судить о результате. В данном случае прагматическая установка переводчика была ориентирована на адекватный перевод с сохранением общего смысла высказывания и воссоздания коммуникативного эффекта, на который рассчитывает оратор.

Вообще выступления ораторов в массмедийном дискурсе отличаются многообразием лексических средств. Рассмотрим пример, в котором оратор использует образное выражение, которое создает сложность при устном синхронном переводе (далее – УСП):

Оригинал

Перевод

Мы создаём только одну совсем новую ракету тяжёлого класса, которая придёт на смену нашей ракете, которую мы называем «Воевода», а у вас называют, прости Господи, «сатана».

I am saying that we are developing just one brand of new heavy missile, which will replace a missile that we call Voyevoda, and you have dubbed it satan.

Используемое оратором образное словосочетание «*прости Господи*», по данным фразеологического словаря русского литературного языка, является восклицанием, употребляющимся как указанием на определённую степень резкости, недозволенности сказанного [12]. Данное словосочетание обладает значительным по своему содержанию коннотативным значением (осознание греха, значительного проступка, в данном случае, вербального упоминания зла, символизирующего всё греховное), которое не может быть адекватно передано в синхронном переводе в силу существенных различий религиозных концепций, выраженных в ЯИ и ЯП. В этом случае синхронный переводчик принял решение применить приём опущения, что, безусловно, снизило эмоциональный эффект, но не повлияло на передачу общего смысла высказывания оратора. Прагматический уровень ЯЛ реализуется мотивом максимального сохранения содержания высказывания и прагматической адаптацией [11; с. 242], т.е. внесения правок на социально культурное, психологическое и прочие различия между получателем оригинала и переводом.

Оригинал

Перевод

Оратор: а если нужно выяснять отношения друг с другом и собачиться, как у нас говорят в России, ругаться, зачем тогда встречаться, время тратить?

Speaker: If one is going to have a fight with somebody else why bother and have a meeting?

Оратор использует в своей речи ещё ряд различных метафор: «собачиться», «тратить время» и пр. Использование разговорной лексики в речах известных ораторов свидетельствует о стремлении переводчика не только сформировать соответствующее отношение аудитории к описываемой теме, но и желании показать близость к аудитории [13]. В большинстве исследуемого материала мы не обнаружили сложных для перевода КФ или метафор. Образные выражения чаще всего присутствуют во «внешних» речах ораторов. Значительную трудность, на наш взгляд, представляет собой ситуация, когда оратор использует в речи прецедентный текст, представляющий собой цитату известного лица, как, например:

Оригинал

Кабина-3

Кабина-4

Speaker: Well, I think Samuel Beckett put it in very well. When somebody asked him that he said not good for anything else, as Mavis Gallant said. You you think when you start that you're in control of the camel. But then once your way out into the desert, you realize the camel is in control of you.

Я думаю что Сэмюэл Бейкер очень хорошо сказал. Я больше ни на что не горжусь. Но я считаю что это очень хорошая фраза есть еще одно выражение когда ты начинаешь тебе кажется что ты контролируешь верблюда. Но. Когда ты выходишь в пустыню ты понимаешь что это верблюд. То что контролирует тебя

я думаю что лучше всего на этот вопрос отвечал Сэмюэл Беккет. Он говорил я просто не горжусь ни для чего другого. Это хороший ответ на ваш вопрос. И другой известный человек сказал вы думаете когда начинаете что вы контролируете своего верблюда. Но когда вы. въезжаете дальше в глубину пустыни вы понимаете что ваш верблюд на самом деле вас контролирует.

В приведенном примере оратор, гражданка Канады по происхождению, отвечая на вопрос журналиста, приводит цитату франко-ирландского писателя Сэмюэла Беккета, а далее цитирует канад-

скую писательницу XX века Мейвис Галлант. В конкретном примере для переводчика не представляется возможным применить приём опущения. У переводчиков не хватило фоновых знаний для перевода имен писателей, на которых ссылается оратор. Прагматический уровень реализуется в данном случае за счет мотивированного решения в пользу перевода коммуникативно значимого компонента (самой цитаты) с опущением менее значимого имени собственного в рассматриваемой коммуникативной ситуации. В связи с этим устный переводчик выходит на уровень соавтора текста перевода и адаптирует текст перевода для передачи основного смысла. Разумеется, что в указанном примере качество перевода зависело от владения фоновыми знаниями и профессиональной компетенции переводчика. Так, багаж фоновых знаний заключается в актуальном знании имён и событий, происходящих в мире, истории, культуры, традиций и обычаев стран.

Очевидно, что межкультурная коммуникация совершается в среде, наполненной прецедентными именами, ситуациями, текстами. Устные переводчики, передавая отношение говорящего к речи, продемонстрировали готовность к переводу оценочности, эмоциональной составляющей и особенностей картины мира с сохранением принципиально важного содержания высказывания. В результате исследования нам удалось определить и описать единицы прагматического (мотивационного) уровня представления языковой личности устного переводчика, которые были проанализированы с позиции коммуникативно-функционального подхода: прецедентные феномены (имя, высказывание, ситуация, текст), переводческие добавления, оценочность, лингвокреативность и прагматикон ЯЛ. Наше исследование показало, что характерными чертами ЯЛ устного переводчика является реализация коммуникативного эффекта оратора, стремление передать образ ораторов посредством употребления эмоционально маркированных единиц, мотивированных переводческих решений в пользу адекватного варианта перевода, опущений, уточняющих добавлений, выражения оценочности при переводе, употребления дополнительных уточнений. Интересно, что значительная часть успешной реализации ЯЛ, которую мы оценивали по объективно наблюдаемому коммуникативному эффекту, отмеченном нами в процессе анализа, связана не со знанием грамматических структур языка перевода, а со способностью ЯЛ устного переводчика в полной мере воспринять действительное намерение говорящего, его адекватную оценку и эмоциональный заряд. Правильный выбор коннотативного значения, переводческой стратегии и мотивированного выбора варианта передачи смыслового содержания, позволяет представить перевод с отражением установок, оценок, эмоций и интенций говорящего.

Библиографический список

1. Баженова И.С. Эмоции, прагматика, текст: моногр. М.: Менеджер, 2003. 392 с.
2. Зиньковская А.В. Английский драматургический текст в коммуникативно-прагматическом аспекте // Культурная жизнь Юга России. 2009. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskiy-dramaturgicheskiy-tekst-v-kommunikativno-pragmaticheskom-aspekte> (дата обращения: 31.07.2023).
3. Столнейкер Р.С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. С. 419-439.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд-е 7. М.: ЛКИ, 2010. С. 264. URL: <https://rusexpert.ru/public/knigi/8.KaraulovJazLichn2010.pdf> (дата обращения: 02.08.2023)
5. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Академия, 2000. 128 с.
6. Сибиданов Б.Б. Функционирование дискурса: от прецедентного текста культуры к синхронному дискурсу // Вестник БГУ. 2016. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-diskursa-ot-pretsedentnogo-teksta-kultury-k-sinhronnomu-diskursu> (дата обращения: 31.07.2023).
7. Патракеева Е. Б., Патракеева О.А. Способы перевода прецедентных феноменов // Альманах мировой науки. 2017. № 5(20). С. 51-55.
8. Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1997. № 4. С. 12-19.
9. Прохоров Ю. В. Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта: Наука, 2004. 224 с.
10. Путинское «Вольно!» на ПМЭФ перевели как «Welcome!» URL: <https://lenta.ru/news/2017/06/02/welcome/> (дата обращения: 02.08.2023).
11. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
12. Фразеологический словарь русского литературного языка. URL: <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/search> (дата обращения: 02.08.2023).
13. Зигмантович Д.С. Воздействие паузации устной речи оратором на качество синхронного перевода // Litera. 2021. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-pauzatsii-ustnoy-rechi-oratorom-na-kachestvo-sinhronnogo-perevoda> (дата обращения: 31.07.2023).

References

1. Bazhenova I.S. Emotions, pragmatics, text: monograph. Moscow, 2003. 392 p.
2. Zinkovskaya A.V. English dramaturgical text in the communicative-and-pragmatic aspect // Cultural Life of the South of Russia. 2009. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskiy-dramaturgicheskiy-tekst-v-kommunikativno-pragmaticheskoy-aspekte> (date of application: 31.07.2023).
3. Stolneiker R.S. Pragmatics // New in foreign linguistics. Moscow, 1985. P. 419-439.
4. Karaulov Y.N. Russian language and linguistic personality. Ed. 7. Moscow, 2010. P. 264. URL: <https://rusexpert.ru/public/knigi/8.KaraulovJazLichn2010.pdf> (date of application: 02.08.2023)
5. Slyshkin G.G. From text to symbol: linguocultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse. Moscow, 2000. 128 p.
6. Sibidanov B.B. Functioning of discourse: from cultural precedent text to synchronic discourse // BSU Vestnik. 2016. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-diskursa-ot-pretседentnogo-teksta-kultury-k-sinhronnomu-diskursu> (date of application: 31.07.2023).
7. Patrakeeva E.B., Patrakeeva O.A. Ways of translation of precedent phenomena // Almanac of World Science. 2017. № 5 (20). P. 51-55.
8. Zakharenko I. V. V., Krasnykh V. V. V., Gudkov D. B., Bagaeva D. V. Some features of the functioning of precedent statements // MSU Bulletin. Ser. 9. Philology. 1997. № 4. P. 12-19.
9. Prokhorov Y. V. Reality. Text. Discourse. Moscow, 2004. 224 p.
10. Putin's "At ease!" at PIEF was translated as "Welcome!" URL: <https://lenta.ru/news/20> (date of application: 02.08.2023).
11. Schweitzer A.D. Theory of translation: status, problems, aspects. Moscow, 1988. 215 p.
12. Idiomatic dictionary of Russian standart language. URL: <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/search> (date of application 02.08.2023).
13. Zigmantovich D.S. Impact of speaker's oral speech pausing on the quality of simultaneous translation // Litera. 2021. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-pauzatsii-ustnoy-rechi-oratorom-na-kachestvo-sinhronnogo-perevoda> (date of application: 31.07.2023).

УДК 811.161.1'27

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.85.28.015

*Смоленский государственный университет
Доктор филологических наук, профессор
Королева И.А.
Россия, г. Смоленск
Тел. +7-910-780-0272
E-mail: innakor@mail.ru*

*Smolensk State University
Doctor of Philology, Professor
Koroleva I.A.
Russia, Smolensk
Tel + 7-910-780-0272
E-mail: innakor@mail.ru*

И.А. Королева

**А.Т. ТВАРДОВСКИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ
(ЗАГОРЬЕ М. ТОМПСОН И ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ДИСКУРС А.В. МАКЕДОНОВА)**

В статье рассматривается личность великого русского писателя Александра Трифоновича Твардовского через восприятие ее двумя известными людьми 90-х гг. XX века: советского критика и литературоведа, земляка и друга Твардовского – Адриана Владимировича Македонова и американской исследовательницы творчества поэта профессора Маргареты Томпсон. Представляется отношение Маргареты Томпсон к малой родине поэта и его семье. Анализируется эпистолярный дискурс Македонова и Томпсон на примере первого письма критика, стиль которого отражает особенности языковой личности самого пишущего, его отношение к Твардовскому и – шире – к российской действительности описываемого времени. Доказывается, что имя великого мастера слова связывает людей двух полярных миров – русского и американского. Затрагиваются вопросы оценки думающими и высоко интеллектуальными людьми личностных характеристик Твардовского и его соратников и близких.

Ключевые слова: А.Т. Твардовский, Маргарета Томпсон, Адриан Македонов, Загорье, эпистолярный дискурс, анализ, элитарная языковая личность.

I.A. Koroleva

**A.T. TVARDOVSKY IN THE MEMOIRS OF CONTEMPORARIES
(ZAGORIE M. TOMPSON AND EPISTOLARY DISCOURSE OF A.V. MAKEDONOV)**

The article deals with the personality of the great Russian writer Alexander Trifonovich Tvardovsky through the perception of it by two famous people of the 90s. of the twentieth century: Soviet critic and literary critic, fellow countryman and friend of Tvardovsky - Adrian Vladimirovich Makedonov and American researcher of the poet, Professor Margaret Thompson. The attitude of Margaret Thompson to the small homeland of the poet and his family is presented. The epistolary discourse of Makedonov and Thompson is analyzed on the example of the first letter of the critic, the style of which reflects the features of the linguistic personality of the writer himself, his attitude to Tvardovsky and, more broadly, to the Russian reality of the described time. It is proved how the name of the great master of the word connects the people of the two polar worlds - Russian and American. The issues of assessment by thinking and highly intelligent people of the personal characteristics of Tvardovsky and his associates and relatives are touched upon.

Key words: A.T. Tvardovsky, Margareta Thompson, Adrian Makedonov, Zagorye, epistolary discourse, analysis, elitist linguistic personality.

Интерес к личности мастера слова и его произведениям спорадически возрастает: во-первых, в преддверии различных юбилейных дат, связанных с жизнью самого Александра Трифоновича; во-вторых, в связи с такими же юбилейными датами выхода в свет его известных произведений; в-третьих, конечно же, в те времена, когда в социуме возникают потребности вспомнить об уникальной личности Твардовского и образах его незабываемых героев. Именно такое время наступило сегодня в связи с усилением патриотических настроений среди российского общества, в связи с проведением специальной военной операции. Народный герой Василий Теркин – образец мужества, стойко-

сти и неувыдаемого оптимизма советского воина – образец для наших солдат. Вспоминаются также образы Анны и Андрея Сивцовых из поэмы «Дом у дороги», героев военных стихов Твардовского: сержанта Василия Мысенкова, шофера Артюха, Григория Пулькина и многих других. Словом, Твардовский и его герои по-прежнему в строю.

Мы тоже хотим обратиться к имени великого Твардовского, но через призму двух имен, во многом полярных, так как это представители двух разных миров: России и США. Это имя друга и соратника Александра Трифоновича, смолянина по рождению, известного советского критика и литературоведа Адриана Владимировича Македонова [1, 153-154] и имя американской исследовательницы творчества поэта профессора Маргареты Томпсон. Вводя в научный оборот одно из первых писем Македонова к Томпсон, мы восстанавливаем атмосферу девяностых, времени, когда Россия переживала нелегкий период своей истории, Пережила и пошла своим путем. Выйдет она победительницей и в нынешнюю страшную годину. Нам представляется, что Твардовский и его герои внесут свой вклад в нашу победу.

Российские читатели практически не знакомы с именем Маргареты Томпсон. Вот небольшая информация. М.Томпсон родилась в Гётеборге (Швеция) в 1936 году. В 1955 году она получила грант на продолжение учебы в США, успешно его реализовала и осталась на своей второй, как она говорит, родине. Свою научно-педагогическую карьеру Томпсон начала довольно поздно: ее докторская диссертация по философии славянских языков была защищена в штате Северная Каролина только в 1955 году. Наиболее плодотворные годы ее работы связаны со штатом Джорджия (1987 – 1994 гг.), в университете которого она состояла в должности профессора. Творчество А.Т. Твардовского Маргарета Томпсон избрала для написания своей докторской диссертации и полюбила как ученый на всю жизнь. Стоит отметить, что до работ Томпсон произведения Твардовского, как и личность самого писателя, практически не были знакомы американскому читателю и научному сообществу. Можно сказать, что она открыла это имя в США. Девяностые годы прошлого века стали своеобразным прорывом интереса к творчеству великого русского мастера слова в США и на Западе, и Томпсон этому всячески способствовала. Маргарета Томпсон несколько раз побывала в России, участвовала в научных конференциях, организовывала поездки студентов в Россию, сама лично побывала на родине Твардовского – в Смоленске, Починке и в Загорье. Впервые это было в 1992 году.

Незабываемое впечатление произвела личная встреча с Иваном Трифоновичем Твардовским, о которой Маргарета Томпсон написала в своей знаменитой в те годы публикации в газете «Новое Слово» – статья «Поездка в Загорье» [3]. Фрагментарный анализ текста мы приводим ниже. Именно через восприятие личности младшего брата Маргарета попыталась дать свою оценку личности великого русского поэта А.Т. Твардовского.

«В последние годы я читала в российских газетах, что восстанавливают хутор Твардовских в Загорье. Младший брат поэта Иван Трифонович принимал в этом участие. Потом я читала в двух русских журналах воспоминания, написанные Иваном Трифоновичем, – «На хуторе Загорье» («Современник», 1983); «Страницы пережитого» («Юность», 1988 и 1989); «У нас нет пленных. Страницы пережитого» («Новый мир», 1991). Его рассказы о жизни в Загорье, брате и вообще всей семье Твардовских производили совсем иное впечатление, нежели воспоминания о поэте, принадлежащие другим лицам. Иван Трифонович описывает, как его брат формально отказался от родителей и потом, после их ареста, он отказался встречаться с ними, тем более помогать им. Оказалось, что Иван Трифонович, попав во время войны в плен к финнам, затем провел, два года в Швеции, на моей родине, и я предполагала, что он хорошо относится к Швеции и, может быть, не отказался бы познакомиться с о мной.

Но как мне попасть к нему на Смоленщину? К счастью, у меня есть русская подруга, которая ездила туда год назад и познакомилась с Иваном Трифоновичем и его женой Марией Васильевной. Мы с подругой сели на поезд в Москве и поехали в Смоленск. Это очень красивый город; трудно даже поверить, что большая его часть была разрушена во время войны. Там есть интересный музей-квартира Твардовского, который работает уже второй год. К сожалению, должна сказать, что «народная тропа» к этому памятнику русской культуры почти заросла. Очень мало людей там бывает, и, по словам хранительницы, семья Александра Трифоновича почти совсем не уделяет внимания музею». Томпсон уже тогда отметила, что интерес к жизни Твардовского у смолян невысок, но, тем не менее, попытка восстановить семейный быт через создание музея оценивается ею положительно.

«Потом мы решили съездить в Загорье. Оказалось, это довольно сложное предприятие, если нет привычки. Мы сели на автобус и поехали в Починок, потом пересели на другой автобус и, наконец, доехали до Сельца – деревни, рядом с которой находится хутор Загорье. Сейчас дорога идет прямо

туда – проложили в конце 70-х годов. А в своей биографии Александр Трифонович пишет, что хутор очень отдаленный и что вокруг не видно никакого другого жилища, – словом, глушь. Что нам делать дальше? Мы знали, что еще годом ранее Иван Трифонович отказался бы принимать иностранцев. Так он сообщил моей подруге, – и неудивительно: ведь он уже провел много лет в заключении и ссылке. Мы решили позвонить ему и предупредить, что приехала шведка, хотела бы увидеться с ним. Я была в восторге, когда он сразу же пригласил нас к себе. Меня поразило, что он совсем не похож на Александра Трифоновича, судя по фото его знаменитого брата. Раньше я почему-то думала, что Иван – высокий мужчина, но оказалось, что он среднего роста, очень подвижный, с совершенно седой бородой.

Хозяин сразу обратился ко мне по-шведски и даже прочел запавшие ему в память стихи на этом языке. Он покинул Швецию 45 лет назад, но язык все-таки не забыл! Потом они с женой нас кормили и поили, и мы разговаривали о всякой всячине. Он показал нам хутор, который в основном восстановил сам, по памяти. Он сказал, что сейчас ему дали бревна получше, чем те, из которых строилась когда-то изба Твардовских, но большей частью все выглядит точно так, как было. Рядом стоит памятник – громадный камень с именем поэта. Восстановили не только избу, но и все остальные постройки хутора. Даже кузницу и колодец. Иван посадил картошку перед домом. В конце дня мы выпили воды из колодца, простились и поехали обратно в Смоленск, очень довольные своим посещением». Нам интересно восприятие малой родины Твардовского глазами американской исследовательницы. Оно очень позитивно [4, с. 288].

Цитируем статью дальше.

«В Москве я встретила с некоторыми литераторами. Они поздравляли меня с тем, что я сумела попасть к Ивану Трифоновичу. Некоторые из них замечали при этом, что, мол, Иван стар и не надо ему особенно верить. Дело в том, что не все его воспоминания о брате Александре лестные. Достаточно, однако, познакомиться с письмами, написанными Александром Трифоновичем во время ссылки семьи Твардовских, в 1931 году, чтобы сделалось не по себе. Оба его письма очень холодные, а во втором из них он просит семью больше не писать ему (сами эти письма пропали, и Иван цитирует их по памяти). В нашем разговоре Иван упоминал также некоторые инциденты, которые случились уже в 60-х годах, и его слова как будто бросают тень на порядочность поэта. Между прочим, эти инциденты хорошо известны в Москве, и бывает, что бывшие коллеги Александра Трифоновича выступают в печати, чтобы публично «защищать» покойного от претензий его брата.

Этот спор мне кажется типичным показателем нынешнего положения интеллигенции в России. Все слишком быстро меняется, и каждый человек должен решить самостоятельно, кто прав, кто виноват, кто добр и кто зол.

Что мне думать, кому верить, как относиться к этой ситуации?»

Томпсон пытается разобраться в сложных семейных отношениях Твардовских, в результате чего делает мудрый и объективный вывод:

«Я думаю, что надо изучить все данные и выслушать все мнения. При этом надо помнить, что никто из нас не свят. Люди жили в те ужасные времена, пытались как-то выжить. Лично я как стереотипная смиренная шведка отказываюсь осуждать какого-либо человека. Мне кажется, что в этой ситуации у каждого есть своя правда. Главное, что никто сегодня не требует, чтобы Иван молчал. Ведь младший брат не только пишет воспоминания, но и решил посвятить свою старость работе над памятником своему знаменитому брату.

Не будь Ивана, в Загорье сейчас, наверное, не было бы ни музея, ни памятника, и нет никаких сомнений в том, что это – благородное дело».

Были еще поездки и встречи, в которых собирался материал и создавалось личное мнение о Твардовском, его творчестве, его окружении. Профессор Томпсон стала крупнейшим западным исследователем по Твардовскому. Можно назвать несколько ее веховых публикаций: «Вклад Александра Твардовского в русскую литературу» (1988-89 гг.); «Задержанные публикации» (1988-90); «Неопубликованные письма Твардовского к Македонову» (1994). Все публикации по итогам разных конференций в США. В России Маргарета публиковалась в смоленских изданиях: «Восприятие Александра Твардовского на Западе» (1997) и «Александр Твардовский – переводчик и переводы его произведений» (2000).

Переводчик работ Маргареты Томпсон на русский язык и ее большой друг – доцент кафедры английского языка Леонид Алексеевич Кузьмин. Ему в 2010 году, когда Леонид Алексеевич был

проректором по научной работе университета, Томпсон передала свой личный архив по Твардовскому. Богатейшие материалы переданы в Литературный музей СмолГУ [5]. Буквально несколько документов остались «на память» в личном пользовании. Один из них – это приведенное письмо, первое в личной переписке Македонова и Томпсон [6]. Именно его мы хотим проанализировать более подробно, так как содержание текста и эпистолярный стиль Адриана Владимировича приоткрывают дверцу в познание личности друга и соратника Александра Трифоновича [7].

Анализируя языковые средства письма Македонова к Томпсон, мы можем получить некоторую достаточно объективную информацию и об адресате, и об адресанте по отношению к Твардовскому. Ниже приводим текст:

«Уважаемая госпожа Маргарета Томпсон! Ваше письмо меня на старости лет очень обрадовало, хотя я его получил с большим опозданием.

Вы ведь послали свое письмо, что естественно, на адрес Союза Писателей, а там долго, как я выяснил, размышляли – пересылать его мне в Петербург или нет. Окончательно этот вопрос был решен только после провала августовского путча /19-21 августа/ – в результате Ваше письмо получено мною только два дня назад.

Я весьма рад был узнать из Вашего письма, что Вы интересуетесь творчеством Александра Твардовского, изучаете его, пишете о нем, переводите его произведения, собираетесь написать полную биографию этого самородка по существу.

С молодым Твардовским я /тогда тоже молодой/ познакомился через свою мать Екатерину Львовну Македонову, потомка знаменитой дворянской фамилии, расстрелянной в 1938 г., реабилитированной посмертно.

Моя мать /по профессии учительница/ была одержима идеей просвещения народа, а молодой Саша Твардовский волею судьбы, сбежав из деревни для продолжения образования, стал её учеником.

Мать всячески поощряла нашу дружбу, т.к. увидела в неграмотном деревенском парне одаренного самородка.

Я был тогда начинающим, подающим надежды литературным критиком и по рекомендации матери практически стал первым учителем Александра Трифоновича.

В дальнейшем я посвятил много своих работ его творчеству, но, к сожалению, далеко не все они увидели свет.

Бывшему заключенному, даже реабилитированному, было трудно опубликовать свою работу, ждать публикации приходилось годами, а когда книга выходила, /если выходила/, то цензура так её обрабатывала, что нередко самое главное не было опубликовано.

Тем не менее кое-что о нем я все же опубликовал.

В 1981 г. вышла моя книга «Творческий путь Твардовского», малым тиражом: /пять тысяч экземпляров/. Помимо этой книги, я сумел ещё опубликовать свои воспоминания о нем в «Сборнике воспоминаний о Твардовском», а в 1985 г. вышла /шесть тысяч экз./ моя книга «Свершения и кануны», где я много внимания уделяю разборке стихов поэта и характеристике его личности. Я показываю в книгах, как, несмотря на иллюзии своего поколения, Твардовский всегда искал правду и сумел сказать новое слово в литературе.

В 1937 г. он чудом избежал ареста. Окончательно же его спасла поэма «Страна Муравия», которая своевременно понравилась Сталину, многие же родные поэта, в том числе его отец, горькой участи тех лет избежать не смогли.

Впоследствии Твардовский /после смерти Сталина/ помог мне в реабилитации, /долгое время она не носила массового характера/, мы долгие годы переписывались и эпизодически встречались.

После смерти Твардовского я переписывался с его женой Марией Илларионовной.

Письма сохранились.

С радостью опубликовал бы их, но, к сожалению, интерес к Твардовскому в этой стране сейчас заметно ослаблен.

Если Вас может заинтересовать моя переписка с Твардовским, его женой и братьями – буду рад выслать все необходимое для публикации переписки.

Кроме того, я был знаком со многими известными людьми: Ахматова, Маршак, Исаковский, Рыленков, Фёдор Абрамов и т.д.

У меня сохранилась переписка и неопубликованные статьи об этих людях.

Все, что Вам интересно и может быть опубликовано с Вашей помощью, охотно вышлю.

Конкретно о Твардовском: у меня имеется неопубликованная работа о молодом Твардовском,

которая так и называется «Молодой Твардовский», одобренная в свое время А. Ахматовой /сохранилась её короткая рецензия/, но так и не увидевшая публикации.

Я очень старый /82 г./ и больной человек /тяжёлая эмфизема легких/ – потому хотел бы успеть что-то опубликовать при жизни, т.к. у меня уже больше нет долгих лет жизни в запасе для ожидания публикаций своих работ, а «пробовать» свои работы нет ни умения, ни сил.

Сейчас же все редакции мне толкуют, что страна переходит к рынку, издательства на хозрасчете, а литературоведческие работы не дают прибыли, так как не рассчитаны на массового читателя.

В 1986 г. умерла от рака моя жена Гурвич Рахиль Абрамовна, верная и преданная подруга всей жизни.

Я поставил ей гранитный памятник – на него ушли почти все наши сбережения, потому мое материальное положение, помимо всего прочего, мягко говоря, весьма стесненное. Хотелось бы продать, если возможно, письма. Мандельштама и Твардовского, т.к. медицина практически становится платной, а мне хотелось бы доброкачественной медицинской помощи и лекарств по причине нехватки денег, хотелось бы успеть что-то сделать, оставить след после себя. Если Вы будете способствовать облегчению моего материального положения, я буду Вам признателен и благодарен и в знак признательности смогу подарить часть переписки.

Живу я с одинокой пожилой дочерью, которая ведёт хозяйство и ухаживает за мной. У нас трехкомнатная квартира, комната жены свободна – поэтому, если, приехав в Питер, Вы остановитесь у нас, мы сможем предоставить в Ваше распоряжение комнату покойной жены. Конечно, у нас не гостиница «Люкс», но советское государство, как я слышал, берет с иностранцев огромную плату, а мы свое гостеприимство предоставим Вам бесплатно. Хозяйственные заботы соглашается взять на себя дочь.

Не удивляйтесь моей откровенности, ведь мы незнакомы – я в таком возрасте, когда человеку многое простительно и многие условности уже не имеют значения. Друзья мои давно уже умерли, живу с дочерью одиноко – познакомиться с Вами ближе был бы весьма рад.

Моей бедности тоже не удивляйтесь – в этой стране умерла в нищете даже великая поэтесса Анна Андреевна Ахматова, долгое время не публиковавшаяся и не имевшая помощи друзей, которые сами тоже жили весьма стесненно материально. Мне же за интервью в «Лит.газете», которое Вы читали, выслали гонорар 184 р., это семь долларов, т.к. по официальному курсу один доллар стоит 30 рублей.

Пишите мне, пожалуйста, по Питерскому адресу: Санкт-Петербург Петроградская сторона Большой пр.27/1 кв.23 Или: Санкт-Петербург почтовое отделение 197-198 Абонементный ящик № 110 Македонову А.В.

17 сентября. 91 г. Подпись: Македонов».

Как видим, известный критик предстает как давний друг и исследователь творчества писателя. Уже в самом начале письма Македонов изложил историю своего знакомства с молодым Твардовским, вспомнив мать, учительницу, которая и стала, в том числе и с помощью сына, образовывать и просвещать деревенского паренька. И тут же подчеркивается дворянское происхождение Македоновых и деревенское Твардовских. Дается оценка будущего великого писателя: с одной стороны, «неграмотный деревенский парень», с другой – «одаренный самородок!». Сам критик считает себя «первым учителем» Александра Трифоновича. Далее Македонов усиленно подчеркивает, что он считался исследователем творчества быстро выросшего мастера слова. Он подчеркивает, что посвятил его творчеству много своих работ, но не все они смогли увидеть свет, так как «бывшему заключенному, даже реабилитированному, ...ждать публикации приходилось годами...». И не всегда все проходило цензуру. Конечно же, критик гордится тем, что сумел выпустить достаточно работ по творчеству Твардовского, перечисляет их, как бы подчеркивая, что он очень объективен в оценке: «...я ... много внимания уделял характеристике его личности, я показываю, как, несмотря на иллюзии своего поколения, Твардовский всегда искал правду и сумел сказать новое слово в литературе». Естественно, критик рад знакомству с Томпсон, так как она занимается и творчеством, и личностью Твардовского, пишет о нем, собирает материал биографического характера, поэтому он с готовностью идет на контакт.

Очень тактично Македонов отмечает, что самого Твардовского в трудные годы репрессий подержала поэма «Страна Муравия», которая понравилась лично Сталину. Слова «горькая участь» выражают отношения критика к репрессированной семье поэта. Тут же правдивое замечание о помощи

в реабилитации самого Македонова, в которой Твардовский сыграл заметную роль. Главное богатство Македонова – обширная переписка с Твардовским, позднее с его женой, Марией Илларионовной, братьями. Опубликовать в России это трудно – конкретно констатируется жесткая правда 90-х гг.: интерес к писателю угасает. Македонов прямо пишет, увидев в Маргарете Томпсон заинтересованного независимого исследователя: «Все, что Вам интересно и может быть опубликовано с Вашей помощью, охотно вышлю. Ключевое слово – охотно. Македонов не боится писать о суровой действительности 90-х. Издательства перешли на коммерческие проекты, а книги о Твардовском, даже уникальная «Молодой Твардовский» – не коммерческие. Открыто критик пишет о своем более чем пожилом возрасте и неумении «пробивать» публикации, поэтому он готов все отдать на Запад. Но в руки ученого и исследователя – Маргареты Томпсон. Предельно жёстко обнажены прагматические цели: продать письма для публикации за границей. Горько читать строки: «Если Вы будете способствовать облегчению моего материального положения, я буду Вам признателен и благодарен и в знак признательности смогу подарить часть переписки». С чужим человеком Македонов очень откровенен: он пишет, что умерла жена от рака, что поставил гранитный памятник, на который ушли все сбережения его и дочери, поэтому материальное положение «мягко говоря, весьма стесненное». Македонов почувствовал в Маргарете Томпсон родственную душу, которой открывает свои потаенные мысли. Помимо того, он не скрывает свой преклонный возраст: «Не удивляйтесь моей откровенности, ведь мы незнакомы – я в таком возрасте я в таком возрасте, когда человеку многое простительно и многие условности уже не имеют значения». Прекрасный русский язык, правильные этикетные стандарты – и предельная откровенность! Уникальный эпистолярный [7]. Критик не скрывает, что в России 90-х годов литературная элита, к сожалению, нищенствовала. Адриан Владимирович приглашает Томпсон в гости, просит писать ему лично в Санкт-Петербург. И контакт укрепился, о чем свидетельствует дальнейшая переписка и воспоминания самой Маргареты Томпсон.

Итак, можно сделать некоторые выводы.

1. Сегодня и творчество А.Т. Твардовского, и личность известного мастера слова имеют особое значение для исследователей в связи с высоким уровнем патриотического настроения в российском обществе.
2. Исследователям творчества Твардовского и широкой научной общественности небезразлично восприятие личности писателя и его произведений за пределами России. Для этого мы обратились к малоизвестной в настоящее время личности американской исследовательницы Маргареты Томпсон, которая одна из первых ученых в 90-е гг. XX века познакомила западных читателей с именем великого русского мастера слова.
3. Большую информацию разнопланового характера о личности Твардовского и его творчестве дает эпистолярный его друг и соратник известного литературного критика, смолянина по рождению, Адриана Владимировича Македонова. Уникальна переписка Македонова и Томпсон, начало которой проанализировано в статье.
4. Эпистолярный стиль самого Македонова – это образец письма элитарной языковой личности [8], которая не только дает оценку Твардовскому, но и всей российской действительности 90-х гг. XX века.
5. Эпистолярный Македонова и Томпсон – образец интеллигентного эпистолярного дискурса двух ученых, русского и американского. Связало же этих двух высоко интеллектуальных людей «разных полюсов» имя великого Твардовского. Как связывало многих его знаменитых современников.

Библиографический список

1. Смоленская область. Энциклопедия. Персоналии. Т.1. Смоленск: СГПУ 2001. С. 153 – 154.
2. М. Томпсон, Л.А. Кузьмин. А.Т. Твардовский в американских исследованиях (по материалам личного архива Маргареты Томпсон) // А.Т. Твардовский и Смоленская поэтическая школа: к 100-летию со дня рождения поэта. Смоленск: Смядынь, 2010. С. 94 – 99.
3. Маргарета Томпсон. Поездка в Загорье // Новое русское слово. Нью-Йорк. 17 декабря 1992.
4. Королева И.А. Загорье Маргареты Томпсон // Твардовские чтения. Книга 15. Смоленск: Свиток, 2022. С. 285 – 289.
5. Письма А.В. Македонова Маргарете Томпсон // Литературный музей Смоленского государственного университета. Ф. 52 (Архив Маргареты Томпсон).
6. Македонов А.В. Первое письмо Маргарете Томпсон. Ответ. 17 сентября 1991 год // Личный архив автора статьи.
7. Королева И.А. Языковая личность А.В. Македонова в эпистолярном дискурсе 90-х годов XX века (по материалам писем к Маргарете Томпсон, хранящихся в Литературном музее Смоленского государственного университета)

// Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия : Филология, педагогика, психология. 2017. № 4. С. 31 -38

8. Акимова Т.П. Лингвокультурологические характеристики эпистолярного текста (на материале писем классиков русской литературы XIX – XX вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2017. 24 с.

References

1. Smolensk region. Encyclopedia. Personalities. T.1. Smolensk: SGPU 2001. S. 153 - 154.
2. M. Thompson, L.A. Kuzmin. A.T. Tvardovsky in American Studies (based on the personal archive of Margaret Thompson) // A.T. Tvardovsky and Smolensk Poetry School: To the 100th Anniversary of the Poet's Birth. Smolensk.: Smydyn, 2010. S. 94 - 99.
3. Margaret Thompson. Trip to Zagorye // New Russian Word. NY. December 17, 1992.
4. Koroleva I.A. Zagorye Margaret Thompson // Tvardovsky Readings. Book 15. Smolensk: Scroll, 2022. S. 285 - 289.
5. Letters to A.V. Makedonova Margareta Thompson // Literary Museum of Smolensk State University. F. 52 (Margaret Thompson Archive).
6. Makedonov A.V. First letter to Margaret Thompson. Answer. September 17, 1991 // Personal archive of the author of the article.
7. Koroleva I.A. Linguistic personality A.V. Makedonova in the epistolary discourse of the 90s of the XX century (based on the materials of letters to Margaret Thompson stored in the Literary Museum of Smolensk State University) // Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology. 2017. No. 4. S. 31 -38
8. Akimova T.P. Linguistic and cultural characteristics of the epistolary text (on the basis of the letters of the classics of Russian literature of the 19th - 20th centuries): Author. dis. ... Dr. Philol. Sciences. Volgograd, 2017. 24 p.

УДК 811.112.2

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.21.16.016

Воронежский государственный технический университет

*кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков и технологий перевода*

Чечетка В.И.

Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-437-24-44

e-mail: chechetkavalentina@yandex.ru

Voronezh State Technical University

*Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor, Associate Professor of the Department
of Foreign Languages and Translation Technology*

Chechetka V.I.

Russia, Voronezh, tel. +7-920-437-24-44

e-mail: chechetkavalentina@yandex.ru

В.И. Чечетка

ЧТЕНИЕ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР УЛУЧШЕНИЯ ПОНИМАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ

Сформированные навыки чтения профессионально-ориентированных текстов на иностранном языке являются не только основным условием успеха в обучении, но и необходимым навыком в современной профессиональной жизни, которая – с ее быстро меняющимися профессиональными требованиями – требует готовности или способности к обучению на протяжении всей жизни. Важнейшим средством профессионального обучения являются научно-популярные тексты на иностранном языке. В статье рассматриваются основные принципы методологии работы со специализированными текстами, анализируется лингвистическое сокращение профессионально-содержательных связей (принцип дидактического сокращения), поэтапно подвергается анализу процесс чтения в техническом вузе, ориентированный на специализированные тексты. Большое внимание в этой связи имеет так называемая разгрузка текста – создание упрощенного параллельного текста. Описывается использование блок-схем и интеллектуальных карт для обеспечения понимания текста и снижения лингвистической нагрузки.

Ключевые слова: профессионально-ориентированное обучение, специализированные тексты, параллельный текст, метод диктоглосса, блок-схемы и интеллектуальные карты.

V.I. Chechetka

READING IN A FOREIGN LANGUAGE AS THE MOST IMPORTANT FACTOR IN IMPROVING THE UNDERSTANDING OF PROFESSIONAL TEXTS

The formed skills of reading professionally oriented texts in a foreign language are not only the main condition for success in learning, but also a necessary skill in modern professional life, which - with its rapidly changing professional requirements – requires readiness or ability to learn throughout life. The most important means of professional training are popular science texts in a foreign language. The article discusses the basic principles of the methodology of working with specialized texts, analyzes the linguistic reduction of professional-content connections (the principle of didactic reduction), gradually analyzes the process of reading in a technical university, focused on specialized texts. Much attention in this regard is paid to the so-called text unloading - the creation of a simplified parallel text. It describes the use of flowcharts and smart maps to ensure the understanding of the text and reduce the linguistic load.

Key words: professionally-oriented training, specialized texts, parallel text, the method of dictogloss, flowcharts and Mind-Maps.

В настоящее время, когда иноязычное общение становится все более необходимым условием для успешной профессиональной деятельности специалиста, роль иностранного языка в техническом вузе заметно возрастает.

В соответствии с государственным стандартом высшего образования современные студенты должны овладеть навыками поиска, анализа, обработки научно-технической информации, а также представления ее в нужном формате при использовании новейших информационных технологий.

Одной из целей изучения дисциплины «Иностранный язык» в техническом вузе является формирование коммуникативной компетенции для осуществления деловой коммуникации в устной и письменной формах на иностранном языке и подготовка студентов к их будущей профессиональной деятельности в соответствии с требованиями государственного стандарта [1].

В современной педагогике существует единое мнение, что чтение является важнейшим видом коммуникативной и познавательной деятельности обучающихся. Чтение профессионально-ориентированных текстов как вид речевой деятельности направлено не только на извлечение информации, но и способствует практическому освоению иностранного языка, является одним из способов изучения языка и культуры, средством образовательной и информационной деятельности и саморазвития. К задачам освоения дисциплины относится, среди прочего, развитие у студентов умения читать тексты профессиональной направленности на иностранном языке с целью поиска информации (ознакомительное, поисковое, просмотровое, изучающее чтение). При этом основополагающим компонентом профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в техническом вузе являются аутентичные тексты. Под аутентичным методисты понимают оригинальный, подлинный текст, заимствованный из иноязычных источников, созданный носителями языка и первоначально не предназначенный для учебных целей [2].

На занятиях, проводимых со студентами во время обучения в вузе, мы собрали следующие наблюдения: изучающие иностранный язык, в нашем случае – немецкий язык, испытывают трудности не только при работе с научно-популярными текстами. Менее заметными, но тем более значительными являются недостатки в понимании задач, поставленных перед ними. Это часто приводит к тому, что во время тестов студенты дают неправильные ответы, несмотря на то, что материал для исследования изучен. Подчеркнем, что необходимо применять разные стратегии обучения: один и тот же обучающийся может легко объяснить грамматические явления в языке, понять сам текст, используя языковые навыки, то есть обладающий интуитивным знанием языка, другой – с неуверенными навыками чтения, по-видимому, не может использовать аналогичные стратегии понимания. В результате такие обучающиеся воспринимают текст как нечто неизбежное для себя и смиряются с требованиями чтения, испытывая чувство бессилия перед ними. Наблюдения ясно доказывают, что восприятие специализированных текстов в немалой степени зависит от общих компетенций, знаний и / или опыта студентов. Культурный уровень и базовые знания обучающихся фильтруются, улучшаются, и в худшем случае это может привести к неправильному толкованию текста, не соответствующему контексту. Напрашивается вывод, что обучение чтению в профессиональном образовании требует более разнообразного подхода, чем тот, которому обучает традиционная монологическая лингвистическая дидактика.

Рассмотрим основные принципы методологии:

1. работа со специализированными текстами – это всегда еще и работа над речью;
2. целью обучения чтению является осознанное использование языка;
3. обучение чтению означает лингвистическое сокращение профессионально-содержательных связей (принцип дидактического сокращения), что возможно без искажения контекста содержания;
4. разнообразие форм представления (словесных, изобразительных, предметных, символических) ведет к расширению спектра значений и может способствовать прояснению различных культурных моделей интерпретации;
5. работа над текстом идет небольшими шагами, постепенно увеличивая сложность поставленных задач;
6. обучение чтению изучающих иностранный язык направлено на изучение лингвистических деталей (предложения и грамматики, лексики и значения слов);
7. обучение чтению подразумевает формирование методов работы, ориентированных на индивидуальное обучение, соответствующее поведению обучающегося.

Подчеркнем также, что чтение – это всегда написание, т.е. работа над текстом выполняется в комплексе со связанными с этим текстом письменными заданиями [3, 4].

Небезынтересно рассмотреть также некоторые особенности чтения на иностранном языке. Чтение – процесс, основанный на когнитивных стратегиях. Это происходит, например, когда читающий правильно определяет грамматические функции по смыслу, распознает логические связи и тем самым связывает мыслительные процессы. Кроме того, чтение – навык, требующий стратегий, специфичных

для чтения; возникающий в результате общения и опыта чтения. Предпосылкой чтения является процесс декодирования, который является результатом школьного образовательного процесса, который длится годами. Процесс чтения в техническом вузе, ориентированный на специализированные тексты, проходит несколько этапов:

1. на уровне слов путем объединения букв в слова,
2. на уровне предложения путем объединения слов в предложения,
3. на текстовом уровне путем объединения начальных букв в текстовые единицы.

Исследования показывают, что процессы чтения на иностранном языке различаются и находят свое выражение в более низкой скорости чтения по сравнению с процессами чтения на родном языке. Зарубежные исследователи отмечают, например, что обучающиеся, говорящие на языке, не являющимся немецким, читают медленнее, чем носители языка [5].

Как можно объяснить замедление процесса чтения на иностранном языке? Подчеркнем, что проблемы с восприятием существуют уже *на уровне значений слов*. Следует отметить, что изучающие язык часто связывают повседневные понятия, такие как велосипед, огород, пожилой человек, честь и уважение, с другими значениями, чем носители языка придают им в общенациональном смысле. Если значение слова не воспринимается ожидаемым образом, то построение гипотез и выводов, связанных с процессом чтения, не всегда могут быть последовательными, и в результате процесс чтения затягивается. Некоторые трудности для понимания, затрудняющие чтение, представляют собой термины с несколькими значениями. Например, изучающий немецкий язык студент, при переводе термина "*die Würde*" (достоинство) в контексте употребления *«die Würde des alten Menschen – достоинство старого человека»* от глагола "werden – стать" в сослагательном наклонении пришел к выводу, что под словом "*die Würde*" понимается *перспектива будущего человека*, имеются в виду древние люди, что является ошибочным.

На уровне предложения существуют значительные различия между приемами, используемыми в родном, в нашем случае русском, и иностранном языках. Очевидно, что неуверенное знание грамматики влияет на понимание предложений и чтения на иностранном (втором для обучающегося) языке. Понятно, что грамматическая неопределенность на уровне предложения часто приводит к ошибочному разрешению содержательных контекстов. Лингвистические ошибки, которые часто можно наблюдать, включают, например, интерпретацию пассивных конструкций как активных, интерпретацию множества глаголов с отделяемыми приставками как предпозиции и неправильную расшифровку логических связей, которые не соответствуют смыслу всего предложения. С другой стороны, следует отметить, что грамматическая неопределенность редко влияет на понимание носителями языка на уровне предложения. Очевидно, что носителям языка на уровне понимания предложений на помощь приходят интуитивные знания грамматики или языковые ощущения.

Кроме того, *на уровне текстовой грамотности* изучающие немецкий язык, иногда не могут понять связанные с культурой модели поведения или толкования, что и препятствует пониманию текста. Если информация о культурном происхождении термина не соответствует замыслам автора, это может привести к трудностям для его понимания. Вот пример из программы подготовки педагогов: в ней используются тексты для будущих учителей о молодежных конфликтах, связанных с ответственным отношением к свободному обращению (например, в отношении наркотиков или сексуальных домогательств). Обучающиеся, например, воспитанные в традициях ислама, нередко сталкиваются с непониманием со стороны родителей. Впоследствии молодые люди из иммигрантского происхождения нередко понимают молодежные конфликты, описанные в этом контексте, иначе, чем предполагал автор. Преподаватели расценили тот факт, что учащиеся, говорящие на другом языке, читают медленнее, чем носители языка, как педагогическую дилемму и как структурный недостаток. Очевидно, что обучающиеся, о которых идет речь, нуждаются в специальных мерах поддержки при работе со специализированными текстами и связанными с этим навыками чтения [3].

Рассмотрим выбор текста и проведение его лингвистического анализа. Основным средством теоретико-предметного обучения в профессиональном образовании, как отмечалось ранее, являются научно-популярные тексты. Научно-популярные тексты на немецком языке характеризуются особенно сложными языковыми формами выражения. Они представляют собой особую проблему для изучающих немецкий язык. Как известно, специализированные языки, понимаемые как языки технической специализации, на лексическом, синтаксическом и текстовом уровнях зависят от соответствующего рабочего или профессионального языка соответственно. В своих способах выражения они руководствуются характеристиками стандартов письменной речи. Например, в юридической терминологии использование безличного функционального глагола, в текстах по общественным наукам преобладает использование сложных предложений. В медицинской сфере преобладает латинская терминология.

логия, пассивные конструкции и номинализации предпочтительно используются в таких типах текста, как описания истории и т.д.

Основная функция технических языков заключается, прежде всего, в сокращении и концентрации лингвистических средств для упрощения информации. Поэтому в специализированных текстах используются лингвистические средства, объединяющие сообщения (номинализация, позиционные группы, составные части, атрибуции, сложные придаточные предложения и т.д.). В текстах, ориентированных на конкретные темы, используются лингвистические средства, которые объединяют сообщения (номинализация, препозиционные группы, композиты, атрибуции, сложные придаточные предложения и т.д.).

Кроме того, в предметном техническом языке используются структуры, которые больше подчеркивают действие (безличный пассив, функциональный глагол), чем действующего лица (например, в активной форме). На текстовом уровне специализированные языки демонстрируют высокую степень абстрактности. Несмотря на отмеченную общность языковых особенностей глобального технического языка не существует.

Следовательно, перед использованием текста на занятиях, преподаватель должен тщательно проанализировать его в соответствии со своими конкретными лингвистическими требованиями. Целью подобного лингвистического анализа является изучение того, насколько лингвистические особенности редактируемого текста (технические термины, структура предложений, формулы речи и т.д.) отличаются от повседневного языка и могут создавать проблемы для более или менее опытного читателя. Кроме того, в зависимости от темы, текст должен быть обязательно просмотрен на предмет возможных трудностей понимания, связанных с культурой.

Как можно представить текст?! В первую очередь следует обратить внимание на текстовые шаблоны, которые должны быть визуально четко структурированы, что должно оказаться полезным для обучения: можно увеличить объем текста или уменьшить его, добавить текстовые поля для замечаний, основных утверждений, ключевого термина, можно пронумеровать строки и т.п.

Работе над текстом должна предшествовать словарная работа. Чтение, как известно, это объединение знаний и ассоциаций в сеть, которые способствуют продуктивной мыслительной деятельности. На этапе подготовки текста (ассоциации с заголовком в сочетании с созданием интеллектуальных карт, включение визуальных материалов, графики и т.д.) также возможно обсуждение различных культурных моделей интерпретации. Метод Диктоглосса, например, подходит для устойчивого стимулирования ассоциативных процессов в отношении текста. То есть текст зачитывается вслух – обучающиеся читают текст или прослушивают его. Затем записывают то, что они поняли, документируются первые ассоциации [6, 7]. Чтение вслух заставляет текст воспринимать более осознанно. При этом преподаватель должен учитывать, что читающий занят процессом фонетического чтения и может уделять меньше внимания содержанию, чем слушающие соответственно.

Следует отметить, что композиты являются отличительной чертой немецкого языка и несут в себе множество стимулов для развития языка. Таким образом, значение составных частей слова часто можно перефразировать с помощью нескольких слов. В связи с редактированием композит на занятии можно использовать родной язык обучающегося. Например, «Как это слово называется на вашем родном языке?», «Напишите его на доске!», «Из скольких слов состоит этот термин в вашем языке?»

Большое значение в этой связи имеет так называемая разгрузка текста – создание упрощенного параллельного текста [8, 9]. Параллельные тексты предусматривают сокращение тематического текста и одновременно служат кратким изложением тематического содержания. Краткие фразы, ясность и четкость изложения являются характеристиками параллельного текста и одновременно основными положениями, которые выделяются исследованиями в области обобщения как индикаторы удобного для чтения текстового оформления. Возможны следующие типы параллельных текстов:

- 1) составленные преподавателем в виде шаблона текста,
- 2) совместно созданные группой (совместное моделирование текстов),
- 3) заданные учителем в виде диктанта с последующей самокоррекцией,
- 4) составленные в виде основного текста.

Упрощенные параллельные тексты могут использоваться на занятиях с совершенно разными целями: используемые во время чтения, они побуждают учащегося сравнивать простые структуры с более сложными структурами исходного текста. Таким образом, они облегчают понимание языковых структур и содержания текста. После прочтения они служат, прежде всего, для повторения и закрепления содержания текста. Ср.:

Kaufleute im Einzelhandel verkaufen meist ganz unterschiedliche Waren.

Sie müssen die Kunden beraten können. Dazu müssen sie sich mit allen Waren, auch mit den ganz neuen, gut auskennen.

Außerdem müssen sie die Waren auffüllen und auszeichnen. Sie bestellen und lagern die Waren und fördern ihren Verkauf.

Immer wichtiger ist es, dass die Verkäufer mit Computern und anderen informationstechnischen Geräten arbeiten können.

Блок-схемы и интеллектуальные карты также обеспечивают глобальное понимание текста и помогают облегчить лингвистическую нагрузку на него. Как правило, в блок-схемах и интеллектуальных картах преобладают существительные и прилагательные. Идеально, если в блок-схеме также используются глаголы, поскольку они – в качестве основы предложения – одновременно обеспечивают вспомогательное средство для написания. Это не всегда возможно реализовать так, как показано в типовом примере, приведенном ниже рисунке 1.

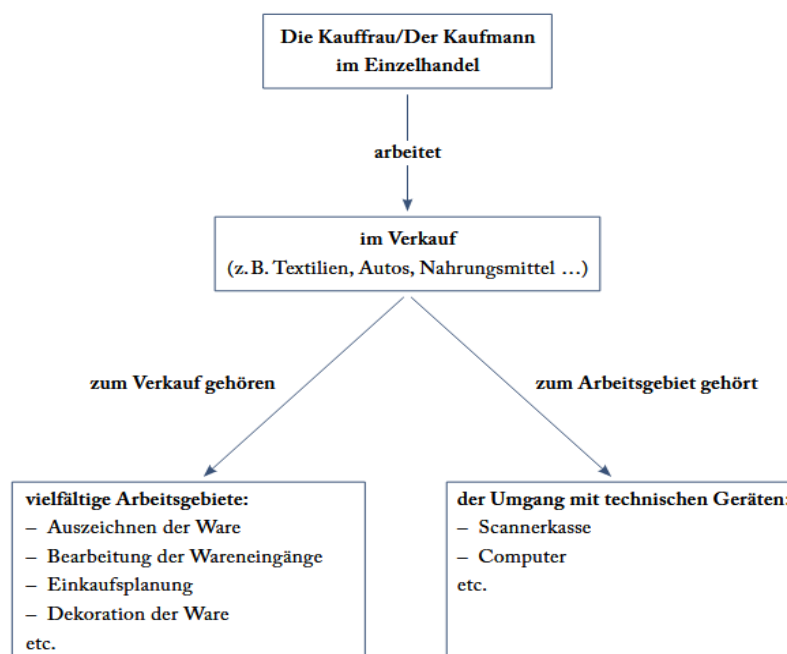

Рис. 1. Блок-схема с использованием глаголов (“*Einzelhandel*”)

В блок-схеме обычно преобладают существительные и прилагательные. Поскольку обучающимся одновременно предлагается помощь в формировании предложений с помощью набора глаголов, рекомендуется также включать глаголы в сопровождающие язык комментарии к блок-схеме. Из-за специфики блок-схемы включение глаголов не всегда возможно реализовать так, как показано на следующем изображении блок-схемы. См. рисунок 2.

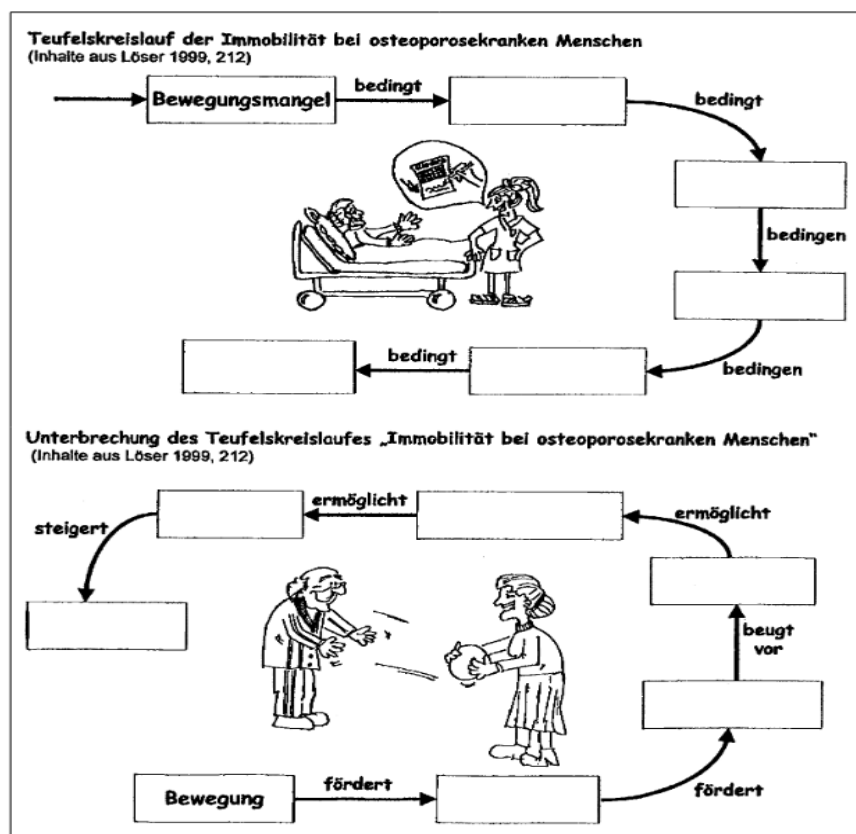

Рис. 2. Блок-схема с использованием глаголов и существительных (“Humanmedizin”)

Как указано выше, основные проблемы понимания изучающего немецкий язык при работе с текстом для чтения в основном лежат на уровне предложений. В дополнение к этому, специфические проблемы восприятия изучаемого языка связаны с грамматической неопределенностью. По этой причине целесообразно постоянно включать размышления о языке в предметное обучение, уделяя особое внимание отдельному предложению. В нашем случае грамматическая модель зависимостей в немецком языке оказывается полезной для обучения в качестве вспомогательного средства для чтения. Грамматика зависимостей фокусирует глагол как центр предложения. Обозначение глагола кругами, выполненное в виде грамматических зависимостей, оказывается полезным для изучающих немецкий язык. В качестве аргумента рассмотрим следующие примеры заданий.

1) Выделите части сказуемого, чтобы выделить рамки предложения:

«Die Impfung stellt für gefährdete Personen sowie für alle Personen mit einer erhöhten gesundheitlichen Gefährdung infolge einer Grundkrankheit (chronische Erkrankung oder Immundefekt) den einzigen Schutz vor Pneumokokken-Erkrankung dar». – Вакцинация является единственной защитой от пневмококковой инфекции для уязвимых лиц, а также для всех лиц с повышенной опасностью для здоровья в результате основного заболевания (хронического заболевания или иммунодефицита).

2) Выделите части сказуемого, тем самым определив его вид:

«In Übereinstimmung mit den aktuellen Ausführungen des Robert-Koch-Instituts vom 7. 9. 2021 wird vor allem angesichts der hohen Komplikations- und Sterblichkeitsrate, der zunehmenden Verbreitung Antibiotika resistenter Pneumokokken-Stämme und der häufig schwierigen Therapie die Impfung empfohlen». – В соответствии с текущими рекомендациями Института Роберта Коха от 7. 9. 2021, вакцинация рекомендуется, особенно с учетом высокого уровня осложнений и смертности, растущего числа устойчивых к антибиотикам пневмококковых заболеваний и чрезвычайно сложной терапии.

Для решения задач понимания подходит так называемое «увеличительное стекло для предложений», которое фокусирует взгляд на отдельном предложении и рассматривает его с разных точек зрения. При этом могут быть задействованы, например, следующие формы упражнений:

1. сокращение сложных предложений,

2. выделение логических связей (союзов) и перенос их на другие связи,
3. дробление предложения на несколько частей,
4. приведение предложений к известным наборам шаблонов,
5. анализа изменения формы, образец замены и т.п.,
6. определение второй позиции спрягаемого глагола в главном предложении и конечной позиции спрягаемого глагола в придаточном предложении,
7. активно-пассивная формулировка,
8. перевод именных фраз в предложения,
9. преобразование функциональных глаголов – если возможно – в полнозначные глаголы.

Ср.:

Задание 1. Сколько глаголов в предложении?

Neben diesen Tätigkeiten im Verkauf, zu denen auch das Auffüllen und Auszeichnen der Waren gehören, zählen Sicherstellung des Warenangebotes Marktbeobachtungen und Einkaufsplanung, die Bearbeitung der Wareneingänge und die fachgerechte Lagerung der gelieferten Ware sowie die Durchführung von verkaufsfördernden Maßnahmen, wie z. B. die entsprechende Platzierung und Präsentation der Waren mit Plakaten und anderen Werbemitteln, zu ihren Aufgaben.

Задание 2. В предложении подчеркните все имена существительные.

Neben diesen Tätigkeiten im Verkauf, zu denen auch das Auffüllen und Auszeichnen der Waren gehören, zählen Sicherstellung des Warenangebotes Marktbeobachtungen und Einkaufsplanung, die Bearbeitung der Wareneingänge und die fachgerechte Lagerung der gelieferten Ware sowie die Durchführung von verkaufsfördernden Maßnahmen, wie z. B. die entsprechende Platzierung und Präsentation der Waren mit Plakaten und anderen Werbemitteln, zu ihren Aufgaben.

Возможно также циклическое редактирование текста (термин впервые использовал Лейзен) [10], предусматривающее повторное чтение и анализ текста с разных точек зрения. Отправной точкой здесь является то, что неискушенный читатель может посвятить себя только одной задаче. Таким образом, принципы «начального» и «повторного» обучения используются в качестве основного условия успешного процесса обучения. Одним из способов циклического редактирования текста является графическое выделение частей речи (возможно, также разными цветами). Предусмотрено может быть, например, использование кругов для глаголов, прямоугольников для существительных, знаков подчеркивания для прилагательных, а также изогнутых линий для функциональных элементов (союзов, препозиций). Например:

Kaufleute im Einzelhandel arbeiten vorwiegend im Verkauf. Sie verkaufen die unterschiedlichsten Konsumgüter – angefangen von Autos über Kleidung und Nahrungsmittel bis hin zu Unterhaltungselektronik und Wohnbedarf.

Nomen

Verb

Adjektiv

Если обработка текста связана с задачами по написанию, то для циклической обработки полезно было бы обратить внимание на порядок слов, на расположение глаголов, на позиции предлогов, на заглавные и строчные буквы, запяты. Потом перечитать текст еще раз.

Логичным нам представляется также реализация пошагового подхода, где можно задавать по возможности простые вопросы по каждому разделу редактируемого текста, отрывкам из текста или выбранным абзацам. Предоставление ответов с несколькими возможными вариантами ответов (по типу теста) по умолчанию означает дополнительную лингвистическую нагрузку и способствует процессу понимания. В то же время уместным было бы облегчить лингвистическую нагрузку не только на тексты для чтения, но и на вопросы, связанные с текстом.

В заключение отметим, что формулирование вопросов на разных лингвистических уровнях оказалось формой внутренней дифференциации. Кроме того, следует строго различать задачи, связанные с воспроизведением, обработкой и передачей содержания текста. Задачи, связанные с переводом, могут быть решены только на основе владения предметным содержанием. Во многих случаях уместно сочетать письменные задания по детальному редактированию специализированных текстов со вспомогательными средствами формулирования высказывания.

Библиографический список

1. Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС). URL: <https://fgos.ru/search/spec/> (дата обращения 4.11.2023)
2. Chechetka, V.I., Lukina, L.V., Buzinova, L.M. & Pashkovskaya, N.D. Vocationally oriented teaching of a foreign language/ APPLIED LINGUISTICS RESEARCH JOURNAL. Issue 4(6) 2020: pp. 79-83.
3. Mertens-Berkenbring, Ursula (1995): Gesellschaftliche Integration und cooperative Übungsformen/ In: Volker Kilian et al. (Hrsg.): Deutsch als Zweitsprache in der Erwachsenenbildung. Curriculumentwicklung – Übungsmaterial – Lehrerfortbildung. Berlin und München: Langenscheidt, S. 128–156.
4. Krenn, Wilfried (2002): Wir lesen anders. Überlegungen zur Textkompetenz von Fremdsprachenlehrenden/ In: Paul R. Portmann-Tselikas & Sabine Schmölzer-Eibinger (Hrsg.): Textkompetenz. Neue Perspektiven für das Lernen und Lehren. Innsbruck: Studien-Verlag, S. 63–90.
5. Funk, Hermann & Michael Koenig (1990): Symbole im Grammatikunterricht –Grammatikvisualisierung und Interaktion/ In: Harro Gross & Klaus K. Fischer (Hrsg.): Grammatikarbeit im Deutsch-als-Fremdsprache-Unterricht. München: iudicium, S. 163–170.
6. Schmölzer-Eibinger, Sabine (2002): Sprach- und Sachlernen in mehrsprachigen Klassen. Ein Modell für den Unterricht/ In: Paul R. Portmann-Tselikas & Sabine Schmölzer-Eibinger (Hrsg.): Textkompetenz. Neue Perspektiven für das Lernen und Lehren. Innsbruck: Studien-Verlag, S. 91–127.
7. Funk, Hermann (1995): Zweitsprachunterricht Deutsch zur Berufsorientierung und Studienvorbereitung/ In: Volker Kilian et al. (Hrsg.): Deutsch als Zweitsprache in der Erwachsenenbildung. Curriculumentwicklung – Übungsmaterial – Lehrerfortbildung. Berlin und München: Langenscheidt, S. 67–94.
8. Hummelsberger, Siegfried (2003): Sachtext-Leser oder ›Sach-Bearbeiter?/ In: Ulf Abraham et al. (Hrsg.): Deutschdidaktik und Deutschunterricht nach PISA . Freiburg im Breisgau: Fillibach, S. 330–346.
9. Krenn, Wilfried (2002): Wir lesen anders. Überlegungen zur Textkompetenz von Fremdsprachenlehrenden/ In: Paul R. Portmann-Tselikas & Sabine Schmölzer-Eibinger (Hrsg.): Textkompetenz. Neue Perspektiven für das Lernen und Lehren. Innsbruck: Studien-Verlag, S. 63–90.
10. Leisen, Josef (Hrsg., 1999–): Methoden-Handbuch deutschsprachiger Fachunterricht (DFU). Bonn: Varus-Verl. S. 17–34.

References

1. Federal State Educational Standards (FGOS). URL: <https://fgos.ru/search/spec/> (дата обращения 4.11.2023)
2. Chechetka, V.I., Lukina, L.V., Buzinova, L.M. & Pashkovskaya, N.D. Vocationally oriented teaching of a foreign language/ APPLIED LINGUISTICS RESEARCH JOURNAL. Issue 4(6) 2020: pp. 79-83.
3. Mertens-Berkenbring, Ursula (1995): Gesellschaftliche Integration und cooperative Übungsformen/ In: Volker Kilian et al. (Hrsg.): Deutsch als Zweitsprache in der Erwachsenenbildung. Curriculumentwicklung – Übungsmaterial – Lehrerfortbildung. Berlin und München: Langenscheidt, S. 128–156.
4. Krenn, Wilfried (2002): Wir lesen anders. Überlegungen zur Textkompetenz von Fremdsprachenlehrenden/ In: Paul R. Portmann-Tselikas & Sabine Schmölzer-Eibinger (Hrsg.): Textkompetenz. Neue Perspektiven für das Lernen und Lehren. Innsbruck: Studien-Verlag, S. 63–90.
5. Funk, Hermann & Michael Koenig (1990): Symbole im Grammatikunterricht –Grammatikvisualisierung und Interaktion/ In: Harro Gross & Klaus K. Fischer (Hrsg.): Grammatikarbeit im Deutsch-als-Fremdsprache-Unterricht. München: iudicium, S. 163–170.
6. Schmölzer-Eibinger, Sabine (2002): Sprach- und Sachlernen in mehrsprachigen Klassen. Ein Modell für den Unterricht/ In: Paul R. Portmann-Tselikas & Sabine Schmölzer-Eibinger (Hrsg.): Textkompetenz. Neue Perspektiven für das Lernen und Lehren. Innsbruck: Studien-Verlag, S. 91–127.
7. Funk, Hermann (1995): Zweitsprachunterricht Deutsch zur Berufsorientierung und Studienvorbereitung/ In: Volker Kilian et al. (Hrsg.): Deutsch als Zweitsprache in der Erwachsenenbildung. Curriculumentwicklung – Übungsmaterial – Lehrerfortbildung. Berlin und München: Langenscheidt, S. 67–94.
8. Hummelsberger, Siegfried (2003): Sachtext-Leser oder ›Sach-Bearbeiter?/ In: Ulf Abraham et al. (Hrsg.): Deutschdidaktik und Deutschunterricht nach PISA . Freiburg im Breisgau: Fillibach, S. 330–346.
9. Krenn, Wilfried (2002): Wir lesen anders. Überlegungen zur Textkompetenz von Fremdsprachenlehrenden/ In: Paul R. Portmann-Tselikas & Sabine Schmölzer-Eibinger (Hrsg.): Textkompetenz. Neue Perspektiven für das Lernen und Lehren. Innsbruck: Studien-Verlag, S. 63–90.
10. Leisen, Josef (Hrsg., 1999–): Methoden-Handbuch deutschsprachiger Fachunterricht (DFU). Bonn: Varus-Verl. S. 17–34.

ЖУРНАЛИСТИКА В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 070.15

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.72.67.017

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
аспирант кафедры журналистики
Боева Я.К.
Россия, г. Белгород, тел. +79043344547
E-mail: boevayanka@gmail.com*

*Belgorod National Research University graduate
student of the Department of Journalism
Boeva Ya. K.
Russia, Belgorod,
tel. +79043344547
E-mail: boevayanka@gmail.com*

Я.К. Боева

СОВРЕМЕННЫЕ БОЛГАРСКИЕ СМИ: СПОРТИВНАЯ ТЕМАТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ МЯГКОЙ СИЛЫ

Исследование посвящено изучению влияния СМИ на широкую общественность в процессе освещения спортивной тематики, а именно Олимпийского движения. Предметная область статьи включает особенности репрезентации спортивной проблематики, которая составляет неотъемлемую часть любого информационно-смыслового пространства СМИ и используется в качестве инструмента «мягкой силы». В статье рассматривается возросшая роль международных спортивных организаций и спортивных состязаний в целом. В ходе исследования отмечено, что международные спортивные мероприятия, такие как Олимпийские игры, перестали быть средством объединения мирового сообщества, превратившись в арену политического противостояния. Олимпийские игры формируют ценностную систему, которая отражается в средствах массовой информации. Сегодня в этой системе на передний план выдвигаются определенные политические интересы, несмотря на то, что Олимпийское движение отрицает возможность становиться объектом политических притязаний со стороны государств-участников. В данной работе рассматривается тема спорта в современных болгарских изданиях как инструмент пропаганды, который средства массовой информации используют для создания требуемой картины мира. Описывая принципы работы медийной пропаганды, можно выявить прочную связь между ней и формированием общественного сознания. Невзирая на разные контексты, в которых излагается информация, связанная с масштабными спортивными мероприятиями, все спортивные информационные поводы преподносятся болгарскими СМИ с установкой на пропаганду или антипропаганду той или иной идеологии (хотя и в разных формах и с разной степенью давления на общественное сознание). В статье дается ответ на вопрос, как СМИ продвигают пропагандистские тезисы через освещение темы спорта и в частности крупнейшего спортивного форума – Олимпийских игр.

Ключевые слова: болгарские СМИ, Олимпийские игры, ценности, спорт, социальное конструирование

Ya.K. Boeva

THE ROLE OF SPORTS TOPICS IN THE RUSSIAN AND BULGARIAN MEDIA AS A TOOL OF SOFT POWER

The research is devoted to the study of the influence of the media on the general public through direct or indirect pressure on public ideas, values and views in the process of covering sports topics, namely the Olympic Movement. The subject area of the article includes the features of the representation of sports issues, which is an integral part of any media information and semantic space and is used as a tool of "soft power". The article examines the increased role of international sports organizations and sports competitions in general. The study noted that international sporting events, such as the Olympic Games, have ceased to be a means of uniting the world community, turning into an arena of political confrontation. The Olympic Games form a value system that is reflected in the media. Today, certain political interests come to the fore in this system, despite the fact that the Olympic Movement denies the possibility of becoming the object of political claims on the part of the participating States. In this paper, we consider the topic of sports in modern Bulgarian and Russian publications as a propaganda tool that the mass media use to create a real picture of the world. Describing the principles of media propaganda, it is possible to deduce a strong connection between it and the formation

of public consciousness. Regardless of the different contexts in which information related to large-scale sporting events is presented, all sports information occasions are presented by the media with the intention of propaganda or anti-propaganda of one or another ideology (although in different forms and with varying degrees of pressure on public consciousness). The article gives an answer to the question of how the media promote propaganda theses through coverage of the topic of sports and, in particular, the largest sports forum – the Olympic Games.

Keywords: Bulgarian mass media, Olympic Games, values, sport, social construction

Воздействие СМИ на социальные процессы и общественное сознание давно находится в фокусе самого пристального внимания исследователей: Богова 2017 [1]; Брайант, Томпсон, 2004 [2]; Вартанова 2015 [3]; Закурский 1999 [4]; Знеполски 1997 [5]; Кастельс 2017 [6]; Короченский 2005 [7]; Луман 2005 [8]; Полонский 2014 [9]. Как писал У. Липман в своем труде «Общественное мнение», «прежде, чем мы увидели мир, нам уже рассказали о нем» в СМИ [цит. 10; с.78]. В своей статье «Информационные войны» болгарский исследователь Д. Димитрова апеллирует к данным социологических исследований, проведенных в Колумбийском университете П. Лазарсфельдом, которые доказывают, что СМИ влияют на свою аудиторию, даже когда существуют ограниченные эффекты объективной и субъективной реальности. Во время своих поисков П. Лазарсфельд и экономист Р. Мертон пришли к выводу, что «те, кто контролирует взгляды и убеждения... общества, прибегают не столько к физическому насилию, сколько к массовому внушению» [11]. В свою очередь, спортивная тематика как неотъемлемая часть информационного потока СМИ также всегда была и остается в проблемном поле широкого корпуса научных изысканий. Ее роль, функции, обусловленность разными факторами отражены в работах К.А. Алексеева и С.Н. Ильченко [12], Е.И. Василенко [13], Е. А. Войтик [14], П. Воронкова [15], В.В. Тулупова [16].

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что идеология, политика и маркетинговые коммуникации все прочнее переплетаются с деятельностью СМИ, связанной с информационно-смысловым производством, и влияют на формирование знаний и ценностных суждений общества относительно текущей действительности.

Объектом исследования является роль СМИ в создании системы ценностей и картины мира общества. Предмет исследования – особенности репрезентации спортивной проблематики в современных российских и болгарских общественно-политических периодических изданиях.

Методологическая основа исследования включает описательный метод, который позволил произвести процедуру сбора информации, ее последовательную классификацию, анализ и дальнейшее изложение, а также качественный контент-анализ, который позволил выявить содержащиеся в публикациях ценностные смыслы и политико-идеологические установки.

Способность влиять на целевые аудитории и получать желаемые результаты посредством привлекательности собственной культуры и ее ценностей именуется сегодня «мягкой силой», концепцию которой предложил американский политолог Дж. Най-младший в 1990 году. Дж. Най заметил, что, когда одна нация в состоянии подтолкнуть другую к тому, чтобы «подталкиваемая» страна захотела разделить ценности и принципы «подталкивающей», зарождается особый вид силы, которую следует назвать «мягкой» [17; с. 122-131]. В основе концепции Дж. Най заложено понимание, что под «мягкой силой» подразумевается добровольное сотрудничество, а не принуждение. На сегодняшний день, с учетом всех геополитических факторов, выделяются четыре основные сферы «компиляции» мягкой силы: 1) дипломатия; 2) СМИ; 3) религия и 4) спорт [18; р.10].

В современном мире спорт занял важнейшее место в идеологической системе воздействия на мировоззренческую позицию человека. Обеспеченный ажиотаж в случае победы в международных соревнованиях выдается обществу как достижение, которое имеет государственную важность [19]. Спорт широко используется государством во внешней и внутренней политике с целью повысить свой культурный и политический статус, продемонстрировать признанные в обществе ценности, указать на свои успехи или же дискредитировать противника. В качестве примера такой попытки дискредитации, связанной с Олимпийскими играми, можно рассматривать публикацию в болгарской газете «Факти», которая, апеллируя к словам директора организации Human Rights Watch, сообщила своим читателям, что список гостей на открытии зимней Олимпиады в Пекине-2022 представляет собой выборку лидеров правительств, которые нарушают права человека в своих странах [20]. Этому заявлению предшествовало высказывание заместителя председателя Европарламента Николы Бера о том, что Зимние Олимпийские игры оказались «ошибочной площадкой в неправильном месте» [21]. Поводом для создания подобного образа в преддверии Олимпиады стало очередное утверждение США, что в Синьцзяне – уйгурском автономном районе – реализуется политика «геноцида». Для большинства рядовых читателей данная информация стала значимой тогда, когда появился триггер под видом человеческих прав, что сразу превратило бойкотирующих в борцов за справедливость, а Китай в изгоя.

Присутствие в жизни человека возможности безграничного потребления медиа-продукта вызвано увеличением потребности в информации. С одной стороны, это связано исключительно с прагматической точкой зрения, однако в то же время рост потребления контента безусловно связан с возросшими духовными запросами общества, с формированием ценностей, эмоциональных взглядов, отношений к определенным этическим и моральным вопросам. Внимание аудитории подчиняется методам производства и распространения смыслов через дискурс, тексты, чьи «слова и фразы нагружены особыми ценностными смыслами и установками» [22; с.4].

Средства массовой информации создают действительность в рамках прагматически и количественно выверенных образов, что способствует их незатруднительному восприятию целевой аудиторией. В результате СМИ создают интерпретации, которые, с одной стороны, передают информацию, а с другой – формируют отношение к иллюстрации окружающего мира. Из таких новостных кусочков СМИ создают свой информационный продукт, который представляет интерпретированную социальную реальность в соответствии с определенными установками, и предлагают ее своей аудитории в качестве уникальной медийной картины мира [23]. Так, неоднозначная интерпретация, которая разлетелась по средствам массовой информации, – смена девиза Олимпийского движения [24], которая была предпринята впервые с момента его утверждения первым олимпийским конгрессом в 1894 году. Фразу, всем известную с давних пор, дополнили: «Быстрее, выше, сильнее – вместе». Томас Бах объяснил перемену таким образом: «...*Быть быстрее, хотеть подняться выше, стать сильнее – для всего этого мы должны быть вместе, а значит, солидарны. Именно так, я думаю, мы внесем свой вклад в объединение мира, которое является одним из величайших вызовов нашего времени*» [25].

Эту перемену можно рассматривать в двух направлениях. Во-первых, Олимпиада в Токио стала «новым началом» для всего мира после пандемии. А во-вторых, эти игры положили начало новым правилам, в которых понятие «толерантность» сыграло не последнюю роль. Как сообщает «Русская газета» [26] толерантность коснулась и некоторых дисциплин в стрельбе, парусном спорте и ряде весовых категорий в боксе, которые до этого момента были исключительно «мужскими», а в обновленной Олимпиаде получили статус «уни-секс». Уравнение дошло до такого предела, что МОК принял решение убрать один вес из тяжелой атлетики, чтобы достичь «равенство полов». «... *Я рад, что Олимпийские игры в Токио будут более молодежными, более городскими и в них примут участие больше женщины*», – прокомментировал принятые решения Томас Бах на официальном сайте МОК [27]. Согласно новым принятым нормам, гендерное равенство будет соблюдено уже в 2024 году [28]: на Олимпийских играх в Париже выступят равное количество мужчин и женщин. Еще одним новшеством Олимпийских игр под новым лозунгом стало введение смешанной эстафеты в шорттреке [29], что позволило МОК повысить гендерное равенство на Играх. Идею равенства подхватил Международный союз биатлонистов, выдвинув предложение [30] расширить еще возможности спортсменов и ввести в программу Олимпийских игр 2026 года в Италии одиночную смешанную эстафету (мужчина-женщина).

Способность СМИ интерпретировать реальность в формате заданных представлений, делает их одним из мощнейших средств влияния на общественность [31; р. 201-211]. СМИ являются той силой, которая создает коллективное сознание и коммуникативное общество. И хотя объективность и правдивость всегда были и будут основными критериями качества журналистского материала, СМИ, обрабатывая информацию, неизбежно вносят в информационный продукт субъективное начало. Интерпретация осуществляется, как известно, уже в подборе событий и фактов, а также в процессе так называемой технологической обработки информации [32; с.105]. Интерпретируя реальность, направляя мысли человека, его чувства и воображение, СМИ «создают» социальный мир [33; с. 65-70].

В течение всей истории профессионального спорта, начатой с Олимпийских игр в Берлине 1936 г., его активно используют для манипуляций, вместо того чтобы налаживать международный диалог. Болгарский исследователь спорта Б. Ангелова-Игова отмечает: «Спорт становится одной из приоритетных отраслей стран всего мира. Причиной тому является именно символический капитал в лице профессиональных спортсменов. Медали, завоеванные на Олимпийских играх, являются гарантом успешно проводимой политики министров. Завоеванные медали – это именно тот символический капитал, которым любят щеголять политики» [34; с.183]. Как мы видим на практике, спорт и медиаинформационное пространство используются в качестве конкурентных площадок, которые привлекаются государствами для трансляции своих интерпретаций и своих ценностных смыслов [35].

Таким образом, в современных реалиях информационной глобализации фактор привлекательности в глазах общественности играет чрезвычайно важную роль [36]. В своем исследовании «Мягкая сила» социально-политических манипуляций человеком» Ю.А. Ермаков приравнивает мягкую силу к манипуляции [37; с. 221]. «Мягкая сила» – это не просто система инструментов, которые используются для трансляции определенных идей, но и предложение определенного результата. Например, трансгендерная политика США принесла свои плоды на Олимпийских играх Токио-2020, а дорожку к новым информационным смыслам проло-

жил манифест МОК [38] о методике участия трансгендерных персон в соревнованиях. В соответствие с этим документом и дебютом женщины-трансгендера Лорел Хаббард [39] в тяжелой атлетике Олимпийских игр 2020 г., Олимпийский комитет позволил мужчинам, считающим себя женщинами, участвовать в их квалификациях даже без официальной смены пола. Согласно новым Олимпийским ценностям, распространяемых в СМИ, справка об уровне тестостерона меньше чем десяти наномолей на литр в течение последних 12 месяцев достаточна и соответствует современному уровню толерантности и единства в спорте. Такой подход репрезентации «новой реальности», возможно, связан и с самим выступлением Л. Хаббард. Особых успехов спортсменка не добилась, однако внимание, безусловно, привлекла, затмив собой победительницу. А когда СМИ начали вскрывать ее предысторию, выяснилось, что все свои победы [40] Хаббард одержала уже в составе женских сборных до смены пола. В качестве спортсмена первый трансгендерный тяжелоатлет никаких достижений не имел. Таким образом, СМИ свою работу по интерпретации и внедрению новых реалий сделали.

СМИ, как известно, воспринимаются как авторитетный источник информации, поэтому поведенческие модели, которые они демонстрируют, становятся важными образцами для подражания среди самых широких аудиторий. Непрерывный процесс репрезентации поведенческих моделей постепенно меняет представления людей о мире и социальной действительности, насаждаясь в сознании человека. Как пишет Д. Димитрива: «...Изменения происходят в сторону унификации взглядов. Когда медиаконструкции совпадают с реальными, эффект личностного резонанса унификации особенно силен...» [цит.11]. Исследователь приходит к выводу, что: «социальная сторона этого механизма заключается в том, что он ограничивает поведение рамками, которые являются социально приемлемыми, порождая таким образом стереотипы» [цит. по: 41; с.103]. Стереотипирование само по себе представляет собой процесс обобщения, категоризации или упорядочения отдельных социальных наблюдений в общие правила. Стереотипы также могут содержать некоторые действительные отличительные знаки в искаженной форме, хотя в большей степени их аспекты часто являются полностью конструированными [42; с. 448–462]. Л. Андреева соотносит стереотипизацию с ключевой переменной в теории предубеждений и рассматривает стереотипизацию как процесс, проходящий три стадии: 1) выявление множества людей как определенной категории; 2) приписывание этой категории людей ряда характеристик; 3) атрибуция характеристик каждого члена к целевой категории [43; с.164]. В данном контексте хорошим примером является допинговый скандал, начавшийся в 2014 году и благодаря которому западное сообщество создало стереотип, что победы российских спортсменов незаслуженны, потому что они для повышения своих результатов используют допинг. Апогей этой истории связан с выходом доклада Ричарда Макларена [44]. Доклад, основанный на сведениях бывшего главы Московской антидопинговой лаборатории Григория Родченкова, и прозвучавшая в нем информация о случаях замены «грязных» допинг-проб российских атлетов на международных спортивных площадках, включая Олимпийские игры, вызвали широкий резонанс в мировой общественности, хотя Макларен так и не сумел доказать состоятельность своих обвинений, завуалировав их в итоге под личное мнение [45]. Тем не менее, этого было достаточно, чтобы МОК получил повод для пересмотра результатов десятков крупных соревнований, в результате чего российские спортсмены массово лишились медалей просто потому, что они россияне. С 2016 года [46] российская сборная участвует в соревнованиях без флага и гимна, в условиях жестких санкций, а обсуждение в СМИ не только превратили казус в стереотип, но и вывели ситуацию далеко за рамки спорта. Помимо этого, руководство МОК приняло историческое решение самостоятельно повысить свои полномочия и впредь единолично выбирать столицу Олимпиады [47]. Такой выбор уже сделан с пользу австралийского города Брисбен, где пройдут летние Олимпийские игры-2032. Решение обосновано снижением затрат на заявочные кампании и возможность реализовать потенциал городов, которые, по мнению руководства МОК, уже имеют необходимую инфраструктуру. И, таким образом, получается экономия со всех сторон, однако все лозунги о демократии уходят на второй план, ведь «тяжелая» ноша по принятию решений отходит руководству МОК, а не членам организации в ее полном составе.

В своей книге «Убеждение и влияние» болгарский исследователь Ч. Христов описывает четыре типичных для медиа поведенческих эффекта: 1) эффект мнимого авторитета – использует социально детерминированную готовность людей верить предоставленной им информации; 2) эффект эмоционального заражения – при котором влияние группового поведения на индивидуума используется для искусственного вызова эмоций; 3) эффект сонливости – в основе этой техники лежит сила страха, любая новость, содержащая определенную долю страха или воздействующая на определенную аудиторию, оказывает максимально сильное влияние и эффективно меняет настроения аудитории: в первом случае обычно воспринимается только та часть информации, которая содержит угрозу (вызывает страх), а остальная часть игнорируется; 4) семантические и

символические эффекты – основаны на подборе слов, способных вызывать отрицательные или положительные эмоции, а помещение их в кавычки может изменить их значение на противоположное [48; с.126-127].

Таким эффектам страха, русофобии посвящены статьи болгарских изданий, связанные с якобы агрессией со стороны России после победы болгарской сборной по художественной гимнастике на Олимпийских играх в Токио-2020. Ведь обе страны считают художественную гимнастику своим национальным спортом и поводом для гордости. После победы болгар ряд изданий выпустили «унижающие» публикации, в которых болгарские СМИ уделили значительно больше внимание проигрышу России, чем своей победе. Журналист не забыл напомнить в своем тексте г-же Винер, что времена меняются, Юрий Титов больше не президент Международной федерации по художественной гимнастике, следовательно, царствование российских гимнасток осталось в прошлом и вспышки гнева президента Федерации художественной гимнастики России всего лишь «смешной плач госпожи Винер-Усмановой против триумфа наших “золотых девочек”» [49]. Среди материалов есть и откровенные провокации, как, например, на сайте sportlive [50], где автор пытается подчеркнуть, что россиян больше всего задевает то, что они проиграли именно Болгарии. Издание позволило себе писать не о выступлении, оценках и технических моментах соревнования, а предъявить Ирине Винер-Усмановой высказывание о том, что она обвинила судей в «проталкивании» болгарок.

Сегодня мы особенно отчетливо видим, что «мягкая сила» имеет явно выраженную спортивную проекцию. Медиа, в свою очередь, приложили колоссальные усилия для реализации таких идей, как: 1) спорт – беспроблемный вариант для манипуляции и политической пропаганды; 2) идея честной игры («fair play»), по факту, только элемент идеологии, который никак не относится к реальному положению дел; 3) спортивные победы применяются как средство симуляции и обострения социальных конфронтаций, так как сама природа спорта конфликтогенна. Если внимательнее присмотреться к тому, как СМИ преподносят информацию об Олимпийских играх и изучить выборку, то вполне можно сделать вывод, что политические события и перемены все чаще представлены в спортивном контексте через материалы об Олимпийских играх, и это связано, прежде всего, с мировым значением Международного олимпийского комитета, которое выражается как в финансовом, так и в политическом масштабе его решений. Представленные примеры обладают всеми признаками информационно-психологической операции для создания целенаправленно сконструированной действительности.

Библиографический список

1. Богова Х. Сми и отражение внешней политики Республики Болгария // Коммунология. 2017. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smi-i-otrazhenie-vneshney-politiki-respubliki-bolgariya> (дата обращения 25.08.23)
2. Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ: Пер. с англ. М.: Издательский дом "Вильямс", 2004. 432 с.
3. Варганова Е. Л. О современных медиа и журналистике : Заметки исследователя / Е. Л. Варганова. Москва : МедиаМир, 2015. 136 с.
4. Засурский Я. Н. Информационное общество и средства массовой информации / Я. Н. Засурский // Информационное общество. 1999. № 1. С. 36-40.
5. Знеполски И. Новата преса и преходът. София, 1997. 192 с.
6. Кастельс М. Власть коммуникации /Перевод с английского Н. М. Тылевич; предисловие к изданию 2013 года А. А. Архиповой; под научной редакцией А.И. Черных. 2 издание, дополненное. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. 591 с.
7. Короченский, А. П. Постжурналистика как рыночный эрзац журналистики / А. П. Короченский // Век информации. 2019. Т. 7. № 2. С. 18-26.
8. Луман Н. Общество общества / пер. с нем. под общ. ред. А. Антоновского, О. Никифорова. В 2 т. Т. 2. М. : Логос, 2011. 640 с.
9. Полонский А. В. К вопросу о массмедийности и ее параметрах / А.В. Полонский // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 1. С. 171-182.
10. Липман У. Общественное мнение. С.: Лик, 2001. 340 с.
11. Димитрова, Д. Информационните войни// Newmedia21.eu. Медите на 21 век: Онлайн издание за изследвания, анализи, критика. URL: <https://www.newmedia21.eu/analizi/informatsionnite-vojni/> (дата обращения 25.08.23)
12. Алексеев К. А. Спортивная журналистика / К. А. Алексеев, С. Н. Ильченко. М. : Юрайт, 2013. 427 с
13. Василенко Е. И. Специфика развития Белгородской спортивной журналистики / Е. И. Василенко // Дискурсология и медиакритика средств массовой информации: Сборник трудов III международной научно-практической конференции, Белгород, 07–08 октября 2021 года. Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Издательско-полиграфический центр "ПОЛИТЕРРА", 2021. С. 108-112.
14. Войтик Е. А. Спортивный медиатекст: закономерности становления и парадигма развития : дис. ... д-ра филол. наук / Е. А. Войтик. СПб., 2016. 423 с.
15. Воронков П. Спортивная пресса как тип / П. Воронков // Самиздат. 2006. URL: http://samlib.ru/w/woronkow_p/sport_press.shtml (дата обращения 2.09.23)

16. Тулупов В.В. Спортивная тема в социальной журналистике/ В.В. Тулупов // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. 2011. № 2. С. 221-225.
17. Наумов А. О. Концепция «мягкой силы» Джозефа Ная в зарубежном научном дискурсе: интерпретация и критика// Государственное управление. Электронный вестник. 2021. №89. С.122-131
18. Nye J.S. Soft Power: The means to success in world politics. Public Affairs, 2005. 191 p.
19. Курасова К.А. Спорт как инструмент политической борьбы в международных отношениях // Международный студенческий научный вестник 2016. № 2. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=15873> (дата обращения 10.09.23)
20. Факти. Пекин 2022: Олимпиадата ще открият почти само диктатори. URL: <https://fakti.bg/world/649133-pek-in-2022-olimpiadata-shte-otkriat-pochti-samo-diktatori> (дата обращения 21.09.23)
21. RG. В Европарламенте призвали бойкотировать Олимпийские игры в Пекине, 2021 г. URL: <https://sportrg.ru/2021/12/08/v-evroparlamente-prizvali-bojkotirovat-olimpijskie-igr-v-pekine.html> (дата обращения 21.09.23)
22. Полонский А.В. Язык в формате медиа: краткое введение // Современный дискурс-анализ. 2018. № 1 (18). С. 4-21
23. Гарбузняк А. Ю. Повестка дня СМИ как технология интерпретации / А. Ю. Гарбузняк // Relga. Электронный научный журнал «Медиаскоп» (Шеф-редактор Аникина М.Е). №1. 2015г. URL: <http://www.mediascope.ru/1684> (дата обращения 30.08.23)
24. Чемпионат. МОК утвердил новый девиз Олимпийских игр., 2021 г. URL: <https://www.championat.com/olympic/news-4406701-mok-utverdil-novyy-deviz-olimpijskih-igr.html> (дата обращения 21.09.23)
25. Webcafe.bg. Олимпийският принцип не е "Важно е участието", а "По-бързо, по-високо, по-силно". Сега от МОК искат да добавят и четвърта дума., 2021 г. URL: <https://webcafe.bg/toto-6-ot-49-olimpiyskiyat-printsip-ne-e-vazhno-e-uchastieto-a-po-barzo-po-visoko-po-silno-sega-ot-mok-iskat-da-dobavyat-i-chetvarta-duma.html> (дата обращения 21.09.23)
26. RG. В программу Олимпийских игр 2020 включены 15 новых дисциплин., 2017 г. URL: <https://rg.ru/2017/06/09/v-programmu-olimpijskih-igr-2020-vkliucheny-15-novyh-disciplin.html> (дата обращения 22.09.23)
27. Internacional Olympic Committee. Tokyo 2020 event programme to see major boost for female participation, youth and urban appeal., 2017 г. URL: <https://olympics.com/ioc/news/tokyo-2020-event-programme-to-see-major-boost-for-female-participation-youth-and-urban-appeal> (дата обращения 22.09.23)
28. Дневник. Париж 2024 ще са първите игри с равно участие на жени и мъже. 2023 г. URL: https://www.dnevnik.bg/sport/2023/03/10/4458587_parij_2024_shte_sa_pervite_igri_s_ravno_uchastie_na/ (дата обращения 22.09.23)
29. Топспорт. Китай с първо злато след първата в историята смесена щафета по шорттрек., 2022 г. URL: <https://topsport.bg/pek-in-2022/kitay-s-parvo-zlato-sled-parvata-v-istoriyata-smesena-shtafeta-po-shorttrek.html> (дата обращения 22.09.23)
30. Sportal.bg. Обмисля се включването на още една дисциплина в програмата на биатлона на следващите зимни олимпийски игри., 2022 г. URL: <https://sportal.bg/news-2022053118012965925> (дата обращения 22.09.23)
31. Frank, Jerome D., Melville, Andrei Y. The image of the enemy and the process of change// Breakthrough: Emerging new thinking / Ed. by A. A. Gromyko and Martin E. Hellman. Palo Alto, California: Beyond War Foundation, 1988. P. 201-211.
32. Монова, Т. Медиатекстът. София: Парадокс, 1999, 153 с.
33. Аронсон Э., Пратканис Э. Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. Перераб. изд. СПб.: прайм ЕВРОЗНАК, 2003. 384 с.
34. Ангелова-Игова Б. Спорт, национализм и пропаганда// Проблеми на постмодерността, Том VII, Брой 3, 2017. Postmodernism problems, Volume 7, Number 3, 2017 // Югозападен университет »Неофит Рилски«. С. 183-218
35. Леонова О.Г. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния // Обозреватель Observer. 2014. №3 (290). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-instrumenty-i-koeffitsienty-vliyaniya> (дата обращения 15.08.23)
36. Зарянов Е.П. Мягкая сила как характерный признак политического влияния великой державы в условиях многополярного мира // Мировая политика 2015. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=12649 (дата обращения 1.09.23)
37. Ермаков Ю.А. «Мягкая сила» социально-политических манипуляций человеком // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2013. Т. 119. № 4. С. 215-225.
38. Internacional Olympic Committee. IOC Framework Fairness Inclusion Non-discrimination on the basis of gender identity and sex variations., 2021 г. URL: <https://stillmed.olympics.com/media/Documents/Beyond-the-Games/Human-Rights/IOC-Framework-Fairness-Inclusion-Non-discrimination-2021.pdf> (дата обращения 15.08.23)
39. Новая газета. Трансгендерная женщина впервые выступила на Олимпиаде. Штангистка не смогла взять вес и была из турнира., 2021г. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/08/02/transgender-naia-zhenshchina-vpervye-vystupila-na-olimpiade-shtangistka-ne-smogla-vziat-ves-i-vybyla-iz-turnira-news> (дата обращения 16.09.23)
40. Sport24.ru. На Олимпиаде в Токио впервые выступит трансгендер. Лорел Хаббард будет бороться за медаль в тяжелой атлетике., 2021 г., URL: <https://sport24.ru/news/other/2021-06-21-na-olimpiyskikh-igrakh-v-tokio-vystupit-pervyy-sportsmen-transgender-lorel-khabbard-transgender-tyazhelaya-atletika-biografiya> (дата обращения 16.09.23)
41. Димитрова Д. Фабрикуване негласие. Как комуникацията става манипулация. Холотера, 2017. 348 с.
42. Голдстейн Дж. Х. Междугрупови отношения: предразсъдъци, конфликт и сътрудничество. В: Социална психология: Хрестоматия. Състав. и прев. от англ. ез. Л. Андреева, София: Дилок, 2001. 526 с.

43. Андреева Л. Социални категории и схеми. В: Социална психология: Христоматия. Състав. и прев. от англ. ез. Л. Андреева. София: Дилор, 2001. 526 с.
44. BBC News. Русская служба. Пресса Британии: Россию нельзя допускать к Олимпиаде., 2016 г. URL: <http://www.bbc.com/russian/features-36842281> (дата обращения 16.09.23).
45. RG. ВАДА признало несостоятельность доклада Макларена. 2017 г. URL: <https://rg.ru/2017/02/25/vada-priznalo-nesostoiatelnost-doklada-maklarena.html> (дата обращения 16.09.23).
46. Спорт-экспресс. Дело о «русском допинге». За что наш спорт унижают шесть лет?, 2021 г. URL: <https://www.sport-express.ru/olympics/reviews/polnaya-hronologiya-rossiyskogo-dopingovogo-skandala-za-chto-nas-lishili-flaga-1776006/> (дата обращения 20.09.23)
47. Profit.bg. Бризбейн домакинът на лятната Олимпиада през 2032 г., 2021 г., URL: <https://profit.bg/pyteshestviq/brizbeyn-domakinat-na-lyatnata-olimpiada-prez-2032-g/> (дата обращения 20.09.23)
48. Христов Ч. Убеждаване и влияние. С.: Сиела, 2008. 204 с.
49. Блицспорт. Даже и смешният плач на руснаците не засенчи българския триумф в Токио!, 2021 г. URL: <https://blitz.bg/sport/komentar/dazhe-i-smeshniyat-plach-na-rusnatsite-ne-zasenchi-blgarskiya-triumf-v-tokio-480445.html> (дата обращения 22.09.23)
50. Булевард България. Русия не може да преглътне медала на златните момичета., 2021 г. URL: <https://boulevardbulgaria.bg/articles/rusiya-ne-mozhe-da-preglatne-medala-na-zlatnite-momicheta> (дата обращения 22.09.23)

Referenses

1. Bogova H. Media and the reflection of the foreign policy of the Republic of Bulgaria // Communicology. 2017. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smi-i-otrazhenie-vneshney-politiki-respubliki-bolgariya> (date of access 25.08.23)
2. Bryant D., Thompson S. Fundamentals of media influence: Trans. from English M.: Publishing house "William", 2004. 432 p.
3. Vartanova E. L. About modern media and journalism: Notes from a researcher / E. L. Vartanova. Moscow: MediaMir, 2015. 136 p.
4. Zasursky Ya. N. Information society and the media / Ya. N. Zasursky // Information society. 1999. No. 1. P. 36-40.
5. Znepolski I. The new press and the transition. Sofia, 1997. 192 p.
6. Castells M. The power of communication / Translation from English N. M. Tylevich; preface to the 2013 edition by A. A. Arkhipova; scientifically edited by A.I. Black. 2nd edition, expanded. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2017. 591 p.
7. Korochensky, A.P. Post-journalism as a market ersatz of journalism / A.P. Korochensky // Age of Information. 2019. T. 7. No. 2. P. 18-26.
8. Luhmann N. Society of Society / trans. with him. under general ed. A. Antonovsky, O. Nikiforov. In 2 volumes. T. 2. M.: Logos, 2011. 640 p.
9. Polonsky A.V. On the issue of mass media and its parameters / A.V. Polonsky // Bulletin of Tver State University. Series: Philology. 2014. No. 1. P. 171-182.
10. Lipman W. Public opinion. S.: Lick, 2001. 340 p.
11. Dimitrova. E. The information wars// Newmedia21.eu. The 21st Century Media: An Online Journal of Research, Analysis, Criticism. URL: <https://www.newmedia21.eu/analizi/informatsionnate-vojni/> (date of access 25.08.23)
12. Alekseev K. A. Sports journalism / K. A. Alekseev, S. N. Ilchenko. M.: Yurait, 2013. 427 p.
13. Vasilenko E. I. Specifics of the development of Belgorod sports journalism / E. I. Vasilenko // Discourse and media criticism of the media: Collection of proceedings of the III International Scientific and Practical Conference, Belgorod, October 07–08, 2021. Belgorod: Limited Liability Company Publishing and Printing Center "POLITERRA", 2021. pp. 108-112.
14. Voitik E. A. Sports media text: patterns of formation and development paradigm: dis. ... Dr. Philol. Sciences / E. A. Voitik. St. Petersburg, 2016. 423 p.
15. Voronkov P. Sports press as a type / P. Voronkov // Samizdat. 2006. URL: http://samlib.ru/w/woronkow_p/sport_press.shtml. (date of access 2.09.23)
16. Тулупов В. В. Спортивная тема в социальной журналистике / В.В. Тулупов // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. 2011. № 2. С. 221-225.
17. Наумов А.О. Концепция «мягкой силы» Джозефа Ная в зарубежном научном дискурсе: интерпретация и критика// Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 89. С.122-131
18. Nye J.S. Soft Power: The means to success in world politics. Public Affairs, 2005. 191 p.
19. Kurasova K.A. Sport as a tool of political struggle in international relations // International Student Scientific Bulletin 2016. No. 2. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=15873> (date of access 10.09.23)
20. Facts. Beijing 2022: The Olympics will be opened almost exclusively by dictators. URL: <https://fakti.bg/world/649133-pekina-2022-olimpiadna-shte-otkriat-pochti-samo-diktatori> (date of access 21.09.23)
21. RG. The European Parliament called for a boycott of the Olympic Games in Beijing, 2021. URL: <https://sportrg.ru/2021/12/08/v-evroparlamente-prizvali-bojkotirovat-olimpijskie-igry-v-pekinge.html> (date of access 21.09.23)
22. Polonsky A.V. Language in media format: a brief introduction // Modern discourse analysis. 2018. No. 1 (18). pp. 4-21

23. Garbuznyak A. Yu. Media agenda as a technology of interpretation / A. Yu. Garbuznyak // Relga. Electronic scientific journal "Mediascope" (Chief editor: M.E. Anikina). No. 1. 2015 URL: <http://www.mediascope.ru/1684> (date of access 30.08. 23)
24. Championship. The IOC has approved a new motto for the Olympic Games., 2021. URL: <https://www.championat.com/olympic/news-4406701-mok-utverdil-novyj-deviz-olimpijskih-igr.html> (date of access 21.09. 23)
25. Webcafe.bg. The Olympic principle is not "Participation is important", but "Faster, higher, stronger". Now the IOC wants to add a fourth word., 2021. URL: <https://webcafe.bg/toto-6-ot-49-olimpiyskiyat-printsip-ne-e-vazhno-e-uchastieto-a-po-barzo-po-visoko-po-silno-sega-ot-mok-iskat-da-dobavyat-i-chetvarta-duma.html> (date of access 21.09. 23)
26. RG. The program of the 2020 Olympic Games includes 15 new disciplines., 2017 URL: <https://rg.ru/2017/06/09/v-programmu-olimpijskih-igr-2020-vkliucheny-15-novyh-disciplin.html> (date of access 22.09. 23)
27. Internacional OlympicCommittee. Tokyo 2020 event programme to see major boost for female participation, youth and urban appeal., 2017 г. URL: <https://olympics.com/ioc/news/tokyo-2020-event-programme-to-see-major-boost-for-female-participation-youth-and-urban-appeal> (date of access 22.09. 23)
28. Diary. Paris 2024 will be the first games with equal participation of women and men., 2023. URL: https://www.dnevnik.bg/sport/2023/03/10/4458587_parij_2024_shte_sa_purvite_igri_s_ravno_uchastie_na/ (date of access 22.09. 23)
29. Topsport. China with first gold after the first mixed short track relay in history., 2022. URL: <https://topsport.bg/pekin-2022/kitay-s-parvo-zlato-sled-parvata-v-istoriyata-smesena-shtafeta-po-shorttrek.html> (date of access 23.09. 23)
30. Sportal.bg. The inclusion of one more discipline in the biathlon program of the next Winter Olympic Games is being considered., 2022. URL: <https://sportal.bg/news-2022053118012965925> (date of access 23.09. 23)
31. Frank, Jerome D., Melville, Andrei Y. The image of the enemy and the process of change// Breakthrough: Emerging new thinking / Ed. by A. A. Gromyko and Martin E. Hellman. Palo Alto, California: Beyond War Foundation, 1988. P. 201-211.
32. Monova, T. The media text. Sofia: Paradox, 1999, 153 p.
33. Aronson E., Pratkanis E.R. The Age of Propaganda: Mechanisms of Persuasion, Everyday Use and Abuse. Reworked ed. SPb.: prime EUROZNAK, 2003. 384 p.
34. Angelova-Igova B. Sport, nationalism and propaganda// Postmodernism problems, Volume VII, Number 3, 2017. Postmodernism problems, Volume 7, Number 3, 2017//Southwestern University »Neofit Rilski«. P. 183-218
35. Leonova Olga Georgievna "Soft power": tools and coefficients of influence // Observer. 2014. No. 3 (290). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-instrumenty-i-koeffitsienty-vliyaniya> (date of access 15.08.23)
36. Zaryanov E.P. Soft power as a characteristic feature of the political influence of a great power in a multipolar world // World Politics 2015. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=12649 (date of access 1.09.23)
37. Ermakov Yu.A. "Soft power" of socio-political manipulation of people // News of the Ural Federal University. Ser. 1: Problems of education, science and culture. 2013. T. 119. No. 4. P. 215–225.
38. Internacional OlympicCommittee. IOC Framework Fairness Inclusion Non-discrimination on the basis of gender identity and sex variations., 2021 г. URL: <https://stillmed.olympics.com/media/Documents/Beyond-the-Games/Human-Rights/IOC-Framework-Fairness-Inclusion-Non-discrimination-2021.pdf> (date of access 15.08.23)
39. New Newspaper. It was the first time a transgender woman competed at the Olympics. The weightlifter was unable to lift the weight and dropped out of the tournament. -ves-i-vybyla-iz-turnira-news (date of access 16.09.23)
40. Sport24.ru. A transgender person will compete at the Tokyo Olympics for the first time. Laurel Hubbard will compete for a medal in weightlifting., 2021, URL: <https://sport24.ru/news/other/2021-06-21-na-olimpiyskikh-igrakh-v-tokio-vystupit-pervyy-sportsmen-transgender-lorel-khabbard-transgender-tyazhelaya-atletika-biografiya> (date of access 16.09.23).
41. Dimitrova D. Fabricating disagreement. How communication becomes manipulation. Holotera, 2017. 348 p.
42. Goldstein J. H. Intergroup Relations: Prejudice, Conflict, and Cooperation. In: Social Psychology: Christomathy. Composition. and trans. from English L. Andreeva, Sofia: Dilok, 2001. 526 p.
43. Andreeva L. Social categories and schemes. In: Social Psychology: Christomathy. Composition. and trans. from English ez. L. Andreeva. Sofia: Dilok, 2001. 526 p.
44. BBC News. Russian service. British press: Russia not allowed to Olympics, 2016 URL: <http://www.bbc.com/russian/features-36842281> (date of access 20.09.23)
45. R.G. WADA acknowledged the inconsistency of McLaren's report. 2017 URL: <https://rg.ru/2017/02/25/vada-priznalo-nesostoiatelnost-doklada-maklarena.html> (date of access 20.09.23)
46. Sport Express. The case of "Russian doping". Why has our sport been humiliated for six years? 2021. URL: <https://www.sport-express.ru/olympics/reviews/polnaya-hronologiya-rossiyskogo-dopingovogo-skandala-za-chto-nas-lishili-flaga-1776006/> (date of access 20.09.23)
47. Profit.bg. Brisbane the host of the Summer Olympics in 2032, 2021, URL: <https://profit.bg/pyteshestviq/brizbeyn-domakinat-na-lyatnata-olimpiada-prez-2032-g/> (date of access 20.09.23).
48. Hristov Ch. Persuasion and influence. S.: Siela, 2008. 204 p.
49. Blitzsport. Even the funny cry of the Russians did not overshadow the Bulgarian triumph in Tokyo! 2021 URL: https://blitz.bg/sport/komentar/dazhe-i-smeshniyat-plach-na-rusnatsite-ne-zasenchi-blgarskiya-triumf-v-tokio_480445.html (date of access 22.09.23)
50. Boulevard Bulgaria. Russia cannot swallow the Golden Girls medal.,2021 URL: <https://boulevardbulgaria.bg/articles/rusiya-ne-mozhe-da-preglatne-medala-na-zlatnite-momicheta> (date of access 22.09.23).

УДК 070

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.89.11.018

Воронежский государственный технический университет, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации

Бахтина М.А.

Россия, г. Воронеж, тел. +79081337473,

e-mail: marria_sokolov@mail.ru

Voronezh State Technical University The chair of Russian language and cross-cultural communication PhD, associate professor Bahtina M.A. Russia, Voronezh, tel. +79081337473,

e-mail: marria_sokolov@mail.ru

М.А. Бахтина

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАБОТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ РОССИЙСКИХ ИНТЕРНЕТ-СМИ

В статье рассматривается современная трансформация средств массовой информации, а также некоторые изменения, происходящие в региональных СМИ на примере современной медиасистемы Воронежской области. Речь идет о трансформации жанровой системы интернет-СМИ, возрастающей персонификации как тренде и необходимости, а также влиянии стремительного развития искусственного интеллекта на настоящее и будущее отечественной журналистики. Также рассматривается одна из значительных проблем существования интернет-СМИ – это переоценивание роли уровня посещаемости сайта издания и сложность маневрирования сотрудников редакций между погоней за оперативностью и созданием качественного проверенного контента для пользователей. Фиксация текущих изменений необходима для понимания процессов, происходящих в журналистике на разных уровнях. Региональные и межрегиональные СМИ зачастую отстают от российских федеральных и ведущих иностранных изданий, однако параллельно с этим являются примером более постепенного развития, что облегчает фиксацию изменений. Условия функционирования нестоличных медиа имеют свою специфику, однако для них характерны те же тенденции, которые свойственны федеральным, следующим за общими трендами.

Особое внимание уделяется необходимости редакций региональных СМИ следить за общемировыми трендами и развитием технологий, чтобы сохранить значимость медиа для конечного потребителя в меняющемся информационном пространстве.

Ключевые слова: современные медиа, тенденции развития СМИ, региональные СМИ, искусственный интеллект, персонализация в медиа, интернет-издания.

М.А. Bahtina

MODERN TRENDS IN THE WORK OF REGIONAL ONLINE-MEDIA IN RUSSIA

The article examines the method of modern transformation of the media, as well as some changes occurring in regional media using the example of the modern media system of the Voronezh region. We are talking about the transformation of the genre system of Internet media, increasing personification as a trend and necessity, as well as the impact of the rapid development of artificial intelligence on the present and future of domestic journalism. Also, the effect of one of the important problems of the existence of online media is the overestimation of the level of traffic to site publications and the way editing staff maneuver between the pursuit of efficiency and the creation of high-quality verified content for users. Recording current changes is necessary to understand the processes occurring in journalism at different levels. Regional and interregional media often lag behind Russian federal and leading foreign publications, but in parallel with this, more gradual development is taking place, which helps to record changes. The conditions for the preservation of non-metropolitan media have their own specifics, but they are characterized by the same characteristics that are characteristic of federal ones, which follow general trends.

Particular attention is paid to the need to edit regional media, monitor general trends and develop in order to maintain the innovativeness of media technologies for the end user in a changing information space.

Key words: modern media, trends in media, regional media, artificial intelligence, AI, personalization in media, online-media

Изучение тенденций развития и текущих перемен в сетевой журналистике – сложная для ана-

лиза тема, в связи с быстрой сменой парадигмы, в которой существует объект исследования. Тем не менее фиксация изменений необходима для понимания процессов, происходящих в журналистике на разных уровнях. Региональные и межрегиональные СМИ зачастую отстают от российских федеральных и ведущих иностранных изданий, однако параллельно с этим являются примером более постепенного развития, что облегчает фиксацию изменений. Условия функционирования нестоличных медиа имеют свою специфику, однако для них характерны те же тенденции, которые свойственны федеральным, следующим за общими мировыми трендами.

Нынешняя форма существования медиапространства отразилась на способах подачи и потребления информации. Информационные потоки подаются нон-стоп, так как мониторинг новостной ленты потребителем происходит в свободное время на протяжении суток. Запрос читателя на оперативность повышает риски публикации непроверенных новостей для изданий. СМИ оказались в сложной ситуации, значительно проигрывая в оперативности Телеграм-каналам, которые отражают повестку молниеносно и на данный момент не имеют такой же ответственности, как в средствах массовой информации, за распространение фейковых новостей. Тщательный фактчекинг стал для работников СМИ не только причиной замедления работы, но и созданием базы для поддержания авторитетности СМИ. На фоне серьезных изменений в мировой, федеральной и региональной повестках фейковые новости заполнили интернет, и создание пространства доверия – одна из ключевых задач редакции [1].

Жизнь в эпоху постправды, когда нередко объективные факты являются менее значительными в формировании общественного мнения, чем обращение к эмоциям или убеждениям, накладывает серьезный отпечаток на создаваемый контент. Как корреспондент, так и читатель живут в условиях ограничения информации, частого изменения фактов и отношения к ним, постоянного давления на эмоции. Массы при этом вовсе не противятся такому медиапродукту, хотя это и может показаться парадоксальным. Однако журналисты, создавая картину мира и формируя общественное мнение, не должны претендовать на объективность. Их задача – научиться быстро маневрировать между различными источниками информации и создавать тексты, показывающие существование различных взглядов на одни и те же вопросы.

В связи с этим продолжает меняться жанровая система материалов. Как отмечает Е.В.Тюнина, компиляция из метода структурирования материала стала уже отдельным жанром [2]. По мнению Е.В. Тюниной, в современных интернет-СМИ компиляция – это «работа, составленная методом компилирования нескольких материалов и раскрывающая ключевые факты по определенной теме» [2]. Обработывая несколько источников, корреспондент составляет заметки, комментарии, интервью – эти материалы становятся жанровыми подвидами компиляции.

Важной причиной выхода компиляции на первый план стала возможность оперативно получать большое количество разноплановой информации по изучаемой теме из разных источников. Из-за массового распространения гаджетов любой свидетель события становится актором информационного процесса. С одной стороны, это облегчает поиск корреспондентом данных, однако с другой приводит к серьезному засорению пространства информационным шумом и растущей усталости потребителей. Эта усталость становится другой важной причиной популярности жанра компиляции.

Для читателя онлайн-новостей компиляция – максимально информативный жанр, экономящий время на изучение новостей по интересующей теме. В компиляции одновременно можно узнать о самом событии, его последствиях и тому, что его предвещало, официальную линию власти и общественников по описываемому вопросу, посмотреть фото и видео очевидцев, и даже мнения читателей соцсетей.

СМИ активно персонифицируются, проявляется все больше внимания к интерактивной журналистике. Аудитория СМИ проявляет все больше активности в создании контента в связи с освоением новых методов взаимодействия в медиапространстве. В редакциях создаются аудитории общественных экспертов, используется контент, создаваемый пользователями сети, изучаются комментарии читателей, привлекаются пользователи для формирования нового контента за вознаграждение [3, с. 23] (народные новости «Моё! Онлайн», дежурный по новостям «Воронежских новостей»). Новостная лента на сайте строится исходя из количества просмотров. Сайты в сочетании различных интерактивных форматов становятся площадками для обсуждения и информационными ресурсами, которые формируют и дополняют содержание СМИ. Интерперсональные и массмедийные новости предполагают комбинирование журналистского и пользовательского контента.

Кроме того, и поисковые системы в интернете становятся все более персонализированными: анализируется не только поисковый запрос, но и онлайн-поведение пользователя. Поэтому активно работающий с большими потоками информации корреспондент видит более качественные результаты выдачи, чем человек, использующий поисковые системы только в бытовых нуждах.

Одним из факторов риска для существования текущей модели работы интернет-СМИ можно назвать гонку за посещаемостью. Большую часть трафика многие СМИ получают из поисковых систем. Однако внедрение искусственного интеллекта (Artificial intelligence, AI) трансформирует способы получения искомым данных, в том числе – в контексте взаимодействия с контентом любой медиасистемы. Если поисковой системой раньше предоставлялись только ссылки на ряд источников по запросу, и seo-отдел и редактора стремились следить за выдачей, чтобы попадать в число первых, то сейчас меняется сама система координат взаимодействия. После внедрения AI автор запроса получает персонифицированный готовый ответ в виде текста. Если на данном этапе в нем есть ссылки на источник, то в перспективе и они могут оказаться не использованы. Таким образом, СМИ вынуждены оперативно искать новые источники трафика, а также формировать устойчивую базу постоянных читателей на сайте и в соцсетях.

Статистика по измерению аудитории для региональных СМИ – важный показатель, исходя из которого оценивается успешность издания, а также формируется привлекательный образ для рекламодателей. Продажи для редакции – это не только способ получения прибыли, но и возможность сохранять независимость. Подавляющее большинство региональных изданий России находятся в зависимости от государственной поддержки, что влияет на создаваемый контент.

Посещаемость региональных СМИ весьма зависит от работы основных новостных агрегаторов. Самый популярный среди автоматических агрегаторов в России – это «Дзен», аудитория которого составляет около 80 млн человек ежемесячно (по данным первого квартала 2023 года). Сервис создает подборку из сюжетов, в которых показывает заголовок материала одного из СМИ, а при переходе по ссылке дает больше информации и ссылки на другие СМИ об этом событии. Большую часть просмотров получает главная новость сюжета.

Для региональных СМИ «Дзен» зачастую становится главным источником трафика, что ставит их в зависимое положение и формирует устойчивую потребность подстраиваться под требования агрегатора.

Кроме потребителя информации и СМИ есть еще один участник цикла, которого уже нельзя игнорировать, – это искусственный интеллект. Медиабизнес использует его возможности для реализации множества целей. AI справляется с задачами быстро и качественно, а во многом превышает человеческие способности. Речь идет про анализ данных, интерактивное общение с потребителем информации, отслеживание информационных поводов, фактчекинг, производство видеоконтента, распознавание изображений.

Региональные и межрегиональные российские СМИ не остаются в стороне от тестирования AI, однако не на постоянной основе. В тексте статьи приводятся фрагменты беседы автора с редакторами и директорами СМИ.

Глава холдинга «Региональные новости», объединяющего несколько интернет-изданий в регионах ЦФО, А. Мазов рассказал в комментарии автору статьи, что в редакциях используют современные инструменты работы. Однако пока привлечение искусственного интеллекта к написанию материалов, к примеру, не целесообразно: «Генерация новых текстов искусственным интеллектом сопряжена с фактчекингом, и времени на это может потратиться не меньше, чем на написание нового материала человеком. Пример из практики: при запросе истории Липецкой области мы получили, что она образована в XVIII веке, хотя это не так. Поэтому пока я ИИ написание новостей без проверки не доверял бы. Однако искусственный интеллект вполне может справиться с созданием анонсов и краткого содержания объемных интервью. Перспективной мне кажется история, которую мы активно используем уже сейчас: это генерация фотографий. Во-первых, это решает вопрос создания красивых, ярких иллюстраций для новостей. Во-вторых, позволяют редакции не злоупотреблять стоковыми фотографиями».

Редактор межрегионального издания «РБК-Черноземье» Е. Куриленок отметила, что на данном этапе AI для качественных изданий считает не применимым. «Искусственный интеллект может написать прекрасную статью, но она будет абсолютно не связана с действительностью», – отмечает Е. Куриленок. Кроме того, для каждого текста, написанного нейросетью, требуется и фактчекинг, и рерайт. «Задать формат определённого СМИ ему практически невозможно. Для начала нужно сформулировать, допустим, разницу между условно форматом РБК и форматом «Коммерсанта». Для искусствен-

ного интеллекта это понятия совершенно непостижимые». Однако AI в будущем можно применять для технических работ: например, проверки орфографии, поиска данных, подготовки аналитики для журналистов, работающих с ним индивидуально. «По сути, журналистика любого издания – это расположение необходимых слов и фактов в нужном редакции порядке и в нужном контексте. Этим нюансов искусственный интеллект не видит. Творческую работу AI не осилит. Ни сейчас, ни потом. Это ведь такая же история, как была в своё время с появлением кинематографа. Многие ведь говорили, что время театра прошло, но оказались не правы». Также редактор «РБК-Черноземье» обратила внимание на то, что использование искусственного интеллекта для мелких задач в СМИ не имеет смысла. Тем не менее его возможно использовать для рекламных целей или написания низкопробных текстов. Но для качественных средств массовой информации он не подходит и не будет. «И мы это осознали».

Издание «Моё! Онлайн» создало в 2023 году постоянную рубрику «Новости за день с НейроЖанной». Главный редактор И. Булгакова рассказала, что ежедневно пишется сценарий ролика о пяти главных новостях за прошедший день. Текст озвучивается в специальной программе «цифровой ведущей». Использование сервиса практически бесплатное. Но на данном этапе это, по признанию редактора, скорее эксперименты, хотя и поставленные на постоянную основу. «Используем этот формат как способ визуализировать текст. Не хочешь читать – можешь посмотреть и послушать. Раньше мы раз в неделю делали ТОП-5 новостей с журналистом в роли диктора, но это дороже и дольше. Каждый день делать такой ролик для корреспондента затратно по времени (около трех часов работы). НейроЖанна – это примерно в три раза быстрее». По словам И. Булгаковой, ролики пока набирают, в среднем, меньше просмотров, чем обычные новости. Но в планах редакции монетизировать историю, добавляя рекламу.

Также в «Моё! Онлайн» AI используют для генерации заголовков к коммерческим материалам. «Иногда заказчик просит несколько вариантов заголовка, и искусственный интеллект справляется на ура. И очень часто выбирают именно эти варианты». Что касается генерации текстов, то AI используется для рерайта на одном из региональных сайтов, как способ повысить уникальность. «Но результаты не воодушевляют. У нас была версия, что возможно робот для робота напишет текст лучше (чтобы «Дзен» активнее подхватывал новости), в итоге результата не было. С AI нужно уметь работать. И как показывает практика тех людей, которые разрабатывают и обучают искусственный интеллект, чтобы получить хороший результат, человек, который работает с AI, должен быть большим профессионалом». Что касается версий о том, что в будущем штат журналистов может заменить нейросеть, главный редактор «Моё! Онлайн» отметила, что они преувеличены. «На базовом уровне, да, среднестатистического практиканта с журфака или копирайтеров, которые по «50 рублей за 1000 знаков», ИИ заменить может. Но ИИ никогда не напишет текст, над которым читатель будет рыдать. Не сможет создать нормальную аналитическую статью или репортаж».

Главный редактор издания «Блокнот Воронеж» В. Смехнов отметил, что в редакции активно тестируют нейросети пока только для создания тематических изображений. «Можно предположить, что буквально через год-два мы увидим изменения на рынке труда в сфере СМИ. С одной стороны, работа рерайтеров-новостников будет обесцениваться. Зарплаты для таких позиций, скорее всего, поползут вниз, так как не только крупные, но и мелкие редакции смогут хотя бы частично делать рерайт при помощи нейросети. Люди максимум будут немного корректировать тексты, тратя меньше усилий и, соответственно, получая за это меньше денег, – предположил В. Смехнов. – И параллельно прогнозирую другую тенденцию – рост спроса на авторов, создающих уникальный контент, то есть не рерайт условных пресс-релизов мэрии и МВД. И рост их зарплат. Вот здесь роботы пока человека заменить не могут. По крайней мере, полноценно. Да и смею предположить, что в ближайшем будущем не смогут. Все-таки текст – это более сложная конструкция, но вместе с этим и более гибкая, нежели иллюстрации. Не исключено, что мы получим новую профессию – мастер по нейросетям.

Главный редактор делового издания «De Facto» Н. Андросова также отметила проблему фактчекинга текстов, созданных AI, и необходимость редактирования. В то же время искусственный интеллект уже сейчас – неплохой помощник в составлении вопросов для интервью. «Однако только если это интервью на общие темы. Например, пишем познавательную статью о клинике для беременных. Нейросеть вполне может составить вопросы врачу о питании во время беременности. Если же интервью личное или в нем нужны какие-то конкретные цифры и факты, то нейросеть не слишком хорошо справится. Она просто не знает данных о человеке/компании, которые живой человек может

найти и использовать при составлении вопросов. Насколько я знаю, нейросеть не умеет выходить в интернет и пользуется старыми базами данных. То есть если мы делаем интервью с воронежским министром, она может просто не знать о нем ничего.

Репортаж нейросеть тоже вряд ли напишет. Вернее, может, и напишет какими-то общими словами, но впечатлений журналиста в нем не будет. Поэтому ИИ может стать помощником в ряде операций, но полностью не заменит человека». В журналистике вариантов использования меньше, чем, например, в SMM. «Нейросеть может вполне неплохо составить контент-план для группы в соцсетях, если задать ей общие вводные о клиенте. Может написать пост на общую тему. Может сгенерировать красивую картинку, если нужно не репортажное фото, а просто что-то привлекающее внимание. В любом случае важно правильно задать промт», – отметила Н. Андросова.

Редактор сетевого издания «Обозреватель.вн» В. Левшаков видит большой потенциал в новых инструментах. На данный момент чаще всего используется AI для создания визуального контента. «Получаются необычные изображения, которые привлекают читателя, а их создание не требует больших затрат, – рассказал В. Левшаков. – Например, выходило интервью с профессиональным фотографом, который работает с ИИ. Текст был проиллюстрирован работами, которые прошли обработку через «умные» плагины Adobe Photoshop. Вручную некоторые фотографии практически не воссоздать». Что же касается текстового формата работы, то опыт редакции, в целом, пока ограничивается экспериментами. «AI неплохо обрабатывает некоторые пресс-релизы, но порой оставляет «сюрпризы» в виде искажения информации в той или иной мере. Чтобы их отследить, нужно опять же включение человека, что равносильно изначальному использованию журналистского труда. Но этот опыт, подчеркну, был ограничен и проводился какое-то время назад. Тему бесспорно нужно продолжать изучать».

Тем временем в мировой практике искусственный интеллект в СМИ используется все более активно, и ситуация меняется молниеносно. К примеру, Reuters использует технологии с AI для отслеживания главных событий дня в соцсетях и проверки достоверности сообщений, а также для анализа данных, предложения идей и новых сюжетов и написания отдельных частей текста. Короткие видео на основе существующего контента издания также часто поручают инструментам с AI (как и Forbes, к примеру). Associated Press использует искусственный интеллект для создания репортажей на основе финансовых данных. The Washington Post – для освещения спортивных мероприятий и предвыборных кампаний. The New York Times – для модерирования комментариев читателей. Около 8 000 журналистов по всему миру из более 1,5 тысяч изданий используют, например, бота, который делает скриншоты веб-страницы и может предложить надежные источники данных, учитывая тему журналистского исследования [4, с. 654-655].

В конце 2023 года стало известно [5], что искусственному интеллекту делегируют корректуру и редактирование материалов ведущей региональной пресс-группы Ebra, которая владеет сетью ежедневных газет. Сейчас издания L'Est Républicain и Vosges Matin уже тестируют AI. Это первый случай во Франции, когда в редакционной работе на постоянной основе будет использоваться искусственный интеллект. Он будет отвечать не только за корректорскую работу, но и приведение текстов корреспондентов к соответствию редакционному стандарту. Окончательная проверка перед публикацией будет осуществляться человеком. Основная цель Ebra больше, чем внутриредакционная. Тестирование AI важно для развития всей отрасли, так как это опыт применения новых инструментов и сбор данных по качеству реально проводимой работы. И хотя редакции не планируют увольнять людей из-за нововведений, профсоюзы и Союзы журналистов обеспокоены организацией труда в будущем.

Разработчики передовой модели искусственного интеллекта «OpenAI» в ноябре 2023 года рассказали [6], что ChatGPT уже может переводить текст в голос, понимать голосовые команды и изображенное на иллюстрациях, давать обратную связь. Генерация контента станет в разы дешевле. В популярном Телеграм-канале «Как устроены медиа», редактор Александр Березовой отметил, что через некоторое время любое продвинутое приложение будет понимать текст, видео, картинки и голосовые сообщения. И если медиа отстанут от трендов, то окажутся в ситуации проигрыша.

«Думаю, что интерфейсы, путь пользователя и задачи, с которыми читатель приходит в медиа, в среднесрочной перспективе изменятся чуть больше, чем полностью», – отметил А. Березовой [7]. Поэтому уже нужно начинать строить систему взаимодействия с читателем, чтобы медиа оставались нужны в новейшем информационном пространстве.

Таким образом, можно заключить, что для региональных СМИ как никогда актуально следить за стремительно развивающимися медиа в общемировом контексте. При этом в погоне за потребите-

лем не просто не проиграть современным технологиям, но не потерять собственную идентичность и найти новые пути существования в информационном пространстве.

Библиографический список

1. Бахтина М. А. Работа корреспондента с фейк-ньюс в режиме оперативной подачи информации в интернет-СМИ // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы IV Международной научной конференции. Отв. редактор С.А. Скуридина. Воронеж, 2023. С. 81-83.
2. Тюнина Е.В. Компиляция как жанр журналистики 2020-х гг. в онлайн-СМИ // Наука и школа. 2023. №3. – С.33-37.
3. Налетова А.В. Трансформация традиционных СМИ в условиях цифровизации. – Челябинск: ЮУрГУ, СГ-411, 2019. – 61 с.
4. Суходолов А.П., Бычкова А.М., Ованесян С.С. Журналистика с искусственным интеллектом // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. №4. – С.647-667.
5. L'Est Républicain et Vosges Matin testent l'IA pour la correction d'articles // France24. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.france24.com/fr/info-en-continu/20231025-l-est-r%C3%A9publicain-et-vosges-matin-testent-l-ia-pour-la-correction-d-articles> (Дата обращения: 12.11.2023).
6. New models and developer products announced at DevDay // Openai [Электронный ресурс]. URL: <https://openai.com/blog/new-models-and-developer-products-announced-at-devday> (Дата обращения: 12.11.2023).
7. Березовой А. Как устроены медиа [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/glavred_izdatel/705 (Дата обращения: 07.11.2023).

References

1. Bahtina M. A. The work of the correspondent with fake news in the mode of prompt submission of information to the Internet media//Linguocultural universals in the world space. Proceedings of the IV International Scientific Conference. Otv. editor S.A. Skuridina. Voronezh, 2023. S. 81-83.
2. Tyunina E.V. Compilation as a genre of journalism 2020s. in online media//Science and school. 2023. №3. - S.33-37.
3. Naletova A.V. Transformation of traditional media in the context of digitalization. - Chelyabinsk: SUSU, SG-411, 2019. - 61 s.
4. Sukhodolov AP, Bychkova AM, Hovhannisyan S.S. Journalism with artificial intelligence//Questions of the theory and practice of journalism. 2019. №4. - S.647-667.
5. L'Est Républicain et Vosges Matin testent l'IA pour la correction d'articles // France24. [Electronic resource]. URL: <https://www.france24.com/fr/info-en-continu/20231025-l-est-r%C3%A9publicain-et-vosges-matin-testent-l-ia-pour-la-correction-d-articles> (Accessed On: 12.11.2023).
6. New models and developer products announced at DevDay//Openai URL: <https://openai.com/blog/new-models-and-developer-products-announced-at-devday> (Accessed On: 12.11.2023).
7. Berezovoy A. How the media are arranged [Electronic resource]. URL: https://t.me/glavred_izdatel/705 (Accessed On: 07.11.2023).

ЯЗЫК СМИ LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 070

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.39.14.019

*Национальный исследовательский государствен-
ный университет им. Н.И. Лобачевского*

*Кандидат политических наук,
доцент кафедры журналистики*

Болдина К.А.

Россия, Нижний Новгород,

тел. +7(929)045-72-48

e-mail: olesova@yandex.ru

*National Research State University named
after N.I. Lobachevsky*

The chair of journalism

PhD, associate professor

Boldina K.A.

Russia, Nizhny Novgorod,

tel. +7(929)045-72-48

e-mail: olesova@yandex.ru

*Национальный исследовательский государствен-
ный университет им. Н.И. Лобачевского*

*Бакалавр направления «Журналистика» Констан-
тинова В.С.*

Россия, Нижний Новгород,

тел. +79200408647

*National Research State University named
after N.I. Lobachevsky*

Bachelor of Journalism

Konstantinova V.S.

Russia, Nizhny Novgorod,

tel. +79200408647

К.А. Болдина, В.С. Константинова

СПЕЦИФИКА КОНТЕНТА РУССКОЯЗЫЧНЫХ НОВОСТНЫХ TELEGRAM-КАНАЛОВ (НА ПРИМЕРЕ КАНАЛОВ «BBC NEWS | РУССКАЯ СЛУЖБА» И «ОСТОРОЖНО, НОВОСТИ»)

Статья посвящена изучению особенностей новостного контента русскоязычных новостных каналов на платформе мессенджера Telegram за период с 2021 по 2023 гг. Объектом научного интереса выступают два канала с большой аудиторией: официальный канал русской службы BBC, который был создан в 2015 году и на данный момент имеет более 390 тысяч подписчиков, и канал «Осторожно, новости», имеющий более 1,5 млн. подписчиков. Особое внимание в статье уделяется определению причин популярности мессенджера в среде русскоязычных медиа, активно развивающих свои информационные каналы. Было выявлено, что одной из таких причин является сформировавшиеся особенности медиапотребления россиян. Согласно исследованию компании Mediascope, в 2022 году 80% населения России использовало Интернет, а 90% медиапотребления приходилось на мобильные устройства. В этом контексте новостные СМИ активно используют Telegram для распространения своих материалов, чтобы отвечать актуальному запросу пользователей на получение оперативной информации с помощью мобильного телефона. В рамках исследования было выявлено, что каналы в Telegram делятся на официальные новостные каналы медиакомпаний, независимые каналы, специализированные тематические каналы, юмористические и аналитические каналы. Некоторые из них имеют аудитории более одного миллиона человек. Анализируя контент Telegram-каналов «BBC News | Русская служба» и «Осторожно, новости», авторы пришли к выводу, что их высокая популярность обусловлена спецификой контента, который часто лишен объективности и не соответствует журналистским этическим нормам. При этом авторами были выявлены некоторые сходства и различия между каналами. В числе сходств можно назвать активное использование Telegram-каналов в качестве инструмента продвижения других информационных продуктов указанных СМИ: и в первом, и во втором случае прослеживается четкая политика публикации в материалах каналов ссылок на другие информационные платформы (сайты, подкасты, Youtube). Также оба канала нередко транслируют субъективные оценки происходящих событий под видом новостного контента. Что касается различий, то в основном они относятся к выбору тем для освещения: «BBC News | Русская служба» чаще фокусируется на глобальной политической повестке, в то время как «Осторожно, новости» уделяет большое внимание локальным новостям (в том числе бытового характера) и местным происшествиям.

Ключевые слова: медиа, интернет-СМИ, Telegram-журналистика, новостной контент, Telegram-каналы, BBC News, «Осторожно, новости».

K.A. Boldina, V.S. Konstantinova

THE SPECIFICS OF THE CONTENT OF RUSSIAN-LANGUAGE TELEGRAM NEWS CHANNELS (USING THE EXAMPLE OF MEDIA «BBC NEWS | RUSSIAN SERVICE» AND «CAUTION, NEWS»)

The article is devoted to the study of the features of the news content of Russian-language news channels on the Telegram messenger platform for the period 2021 - early 2023. The object of scientific interest are two channels with a large audience: the official channel of the BBC Russian service, which was created in 2015 and currently has more than 390 thousand subscribers, as well as the channel "Caution, News", which has more than 1.5 million subscribers. The article pays special attention to determining the reasons for the popularity of the messenger among Russian-speaking media, which are actively developing their information channels. It was revealed that one of these reasons is the formed features of media consumption of Russians. According to a study by Mediascope, in 2022, 80% of the Russian population used the Internet, and 90% of media consumption was on mobile devices. In this context, news media actively use Telegram to distribute their materials in order to respond to the current request of users to receive operational information using a mobile phone. The study revealed that Telegram channels are divided into official news channels of media companies, independent channels, specialized thematic channels, humorous and analytical channels. Some of them have an audience of more than one million people. Analyzing the content of the Telegram channels "BBC News | Russian Service" and "Caution, News", the authors came to the conclusion that their high popularity is due to the specifics of the content, which is often devoid of objectivity and does not comply with journalistic ethical standards. At the same time, the authors identified some similarities and differences between the channels. Among the similarities are the active use of Telegram channels as a tool for promoting other information products of these media: both in the first and in the second case, there is a clear policy of publishing links to other information platforms (websites, podcasts, Youtube) in the materials of the channels. Also, both channels often broadcast subjective assessments of events under the guise of news content. As for the differences, they mainly relate to the choice of topics for coverage: BBC News | Russian Service focuses more often on the global political agenda, while Caution, News pays great attention to local news (including domestic ones) and local incidents.

Keywords: media, Internet media, Telegram journalism, news content, Telegram channels, BBC News, "Ostorozhno, novosti" ("Caution: news").

Развитие современных технологий, цифровизация средств массовой информации, новые тенденции в журналистике оказывают большое влияние на взаимоотношения общества и медиа. Изменениям подвергаются как способы и каналы передачи информации, так и формы получения контента аудиторией.

Трансформация средств массовой информации и появление новых площадок с развлекательным, научным, новостным контентом все больше и больше перетягивают аудиторию от традиционных СМИ (радио, телевидение, периодические издания) в Интернет. В 2017 году 31% россиян использовали мобильный интернет, а к 2021 году этот процент вырос до 53 [1].

Согласно исследованию компании Mediascope, в 2022 году 80% населения России использует сеть Интернет, при этом 90% медиапотребления приходится на использование мобильных устройств, владельцы которых самое большое внимание уделяют социальным сетям и мессенджерам [2].

Сегодня социальные сети и мессенджеры являются не только средством общения и передачи сообщений, но и источником новостей и информации об актуальной повестке. Это обусловлено многими факторами, начиная от простоты их использования и заканчивая множеством разных алгоритмов настройки информационного поля по индивидуальным параметрам и личным предпочтениям.

Самый популярный и широко используемый алгоритм – «умная лента», которая собирает новости и контент в соответствии с интересами пользователя. Так некоторая часть аудитории, которая раньше симпатизировала традиционным СМИ и интернет-порталам, перестала ежедневно посещать сайты и смотреть новостные передачи по телевизору, поскольку представления об информационной повестке стали формироваться как раз благодаря обозначенным выше умным лентам. Пользователь теперь находится в собственном, индивидуальном и персонализированном информационном поле, сформированном социальными сетями. Человек не привязан ни к одному конкретному изданию и получает информацию автоматически из нескольких разных источников. Таким образом, социальные сети и мессенджеры взяли на себя функции агрегаторов новостей.

Мессенджер Telegram, в отличие от крупных социальных сетей, почти сразу же после своего появления набрал большую популярность как канал распространения и получения медийной и эксклюзивной информа-

ции. Сегодня он активно используется обычными пользователями, а также редакциями традиционных СМИ, журналистами, блогерами, политическими деятелями, государственными структурами.

В трудах российских медиаисследователей мессенджер Telegram становится объектом изучения уже более пяти лет. Д.Э. Коноплев в 2017 году отметил, что крупные сетевые СМИ стали приходить в мессенджер с четкой целью – привлечь платежеспособную мобильную аудиторию, которую к тому моменту стало все сложнее удерживать на других платформах, в том числе площадках социальных сетей. Данный тренд задали такие ресурсы, как РБК и «Эхо Москвы», и уже к началу 2016 года канал в Telegram стал для СМИ привычным инструментом распространения контента [3, с. 198-200].

О.В. Бондаренко в свою очередь отмечает, что мода на новый вид медийно-политической коммуникации почти мгновенно доходит и до регионов. Так, в любом крупном регионе уже в 2018 году можно было найти до 5 Telegram-каналов, аудитория которых составляла несколько сотен политически активных граждан. При этом исследователь справедливо подчеркивает, что самая главная проблема региональных каналов состояла в максимально быстром поиске собственной целевой аудитории и её заинтересованности в новом продукте [4, с. 170-172]. Эта проблема остро стоит и в наши дни.

Особенность мессенджера как медийной площадки в своей статье сформулировала А.С. Пушнина. По ее мнению, публичные каналы, представленные на платформе Telegram, отражают актуальную повестку дня в России, тем самым превращаясь в альтернативный медиадискурс в отношении традиционных СМИ, поскольку они нацелены на демонстрацию реальности, не затронутой государственной цензурой. Однако в данном случае стоит также принимать во внимание тот факт, что Telegram-каналы требуют большей вовлеченности в ситуацию и умения читать между строк для правильного понимания истинной позиции автора. Именно поэтому нельзя говорить о том, что данные каналы передачи информации представляют исключительно независимый взгляд на политическую систему России [5, с. 32-37].

Тем не менее, сегодня Telegram – один из самых распространенных способов донесения контента до аудитории. При этом исследователями отмечается, что в мессенджере нет как таковых четко разделяемых на виды и типы форматов и жанров, потому как в рамках мессенджера они не влияют на показатели вовлечения. В наиболее выигрышном положении оказывается тот, кто наиболее быстро и удобно доносит контент до потребителей [6, с. 327-334].

Цель нашего исследования заключается в том, чтобы выявить специфику контента русскоязычных новостных каналов в текущий момент и определить особенности их ведения и продвижения.

Новостной сегмент Telegram-журналистики выбран нами целенаправленно, как наиболее востребованный на сегодняшний день. Сервис TGStat в мае 2023 года выпустил результаты исследования русскоязычной аудитории. Согласно данному исследованию, новостной контент является одним из самых популярных в Telegram – 85%. Далее идут развлечения и политика (62%), затем образование (58%) [7]. Согласно другим исследованиям, 75% пользователей предпочитают данный мессенджер именно для чтения новостей, так как он представляется им удобнее других [8].

Кроме того, согласно опросу 2023 года, проведенному TGStat, аудитория мессенджера в большей степени доверяет именно каналам в Telegram – так ответили 68% опрошенных пользователей. Более чем в 2 раза меньше респонденты доверяют сайтам СМИ – всего 30% опрошенных. При этом большое количество участников опроса больше доверяют публичным авторам (73%), нежели каналам официальных средств массовой информации (27%) и новостным каналам (27%).

Следует отметить, что 25,2% аудитории мессенджера (каждый четвертый) подписаны более чем на 50 каналов. При этом более половины пользователей регулярно читают до 10 каналов. В Telegram на сегодняшний день создано более 700 тысяч каналов [7].

По сравнению с традиционными СМИ или новостной лентой в социальной сети «ВКонтакте», информация достигает получателя напрямую. Telegram внешне выглядит как список переписок с контактами. Новости из традиционных СМИ доступны аудитории только в определенное время, при этом просмотр новостей обычно происходит целенаправленно и требует полного внимания. При размещении новости в социальной сети «ВКонтакте» публикация попадает в «умную ленту» и предлагается пользователям в зависимости от его интересов. Но таким образом не все новости смогут дойти до аудитории, а часть потеряется в потоке другой информации из ленты. В противоположность им, новости из Telegram-каналов сосредоточены в одном месте, поэтому риск потери сообщения сводится к минимуму. Интерфейс мессенджера добавляет приватности и персональности новостному сообщению.

Новостные СМИ используют Telegram для распространения своих новостей и информации, так как это быстрый и удобный способ достичь большей аудитории, распространять новости в режиме реального времени, обеспечивать конфиденциальность и безопасность своих источников и журналистов, а также иметь возможность создания каналов, где они могут публиковать свои новости и информацию без необходимости соз-

давать отдельный сайт или приложение. Различные виды новостных Telegram-каналов включают официальные новостные каналы медиакомпаний, независимые новостные каналы, каналы, специализирующиеся на определенной тематике, каналы, которые публикуют юмористический контент, а также каналы с аналитическими материалами и обзорами.

В сегменте новостных Telegram-каналов можно выделить четыре основных вида. В первую группу входят новостные каналы, созданные исключительно в Telegram и не имеющие официально зарегистрированных СМИ традиционного формата. Зачастую такие каналы имеют также аккаунты в других социальных сетях, созданных ранее, например, «ВКонтакте».

Вторая группа – российские официальные государственные СМИ, которые уже имеют аудиторию и вещание в традиционных формах, но дополнительно завели канал в Telegram. Это способствует оперативной передаче новостей и расширению целевой читательской аудитории. Как правило, такие каналы заметно не изменяют структуру своих материалов и используют площадку Telegram для увеличения охвата своих сайтов, направляя ссылки на уже опубликованные новости и статьи в Telegram с небольшим текстовым анонсом.

К третьей группе относятся проекты известных личностей: журналистов, блогеров, политиков, общественных деятелей, которые заводят новостные каналы с тематикой, коррелирующей с их профессиональной деятельностью. Сюда входят не только общественно-политические новостные каналы, но и новости из мира блогинга, моды и красоты, книг и другие узкоспециализированные темы. Как правило, материалы в таких каналах выглядят как небольшие новостные заметки с иллюстративным материалом. Иногда используются ссылки на сторонние ресурсы, например, YouTube, если у автора проекта есть аккаунт там, а также ссылки и репосты с других новостных каналов, если там новость появилась раньше.

Четвертая группа каналов сформировалась в связи с проведением специальной военной операции. Такие каналы, появившиеся в феврале 2022 года, уже набрали большую популярность. Некоторые из таких каналов имеют аудиторию более одного миллиона человек.

Рассмотрим специфику новостного контента на примере конкретного русскоязычного канала. Telegram-канал «BBC News | Русская служба» – это официальный канал русской службы BBC [9]. По данным сервиса TGStat telegram-канал «BBC News | Русская служба» был создан 4 ноября 2015 года. На момент просмотра статистики, канал имеет 390 790 подписчиков. Telegram-канал занимает 71 место в рейтинге по количеству подписчиков; 45 место по индексу цитируемости, который составил 2 133 [7]. Средний охват одной публикации составляет 83 159, при этом 22% аудитории читают новости канала на регулярной основе.

Для контент-анализа был выбран период с января 2022 года по май 2023 года. В связи с последними геополитическими событиями с 24 февраля 2022 года новостная повестка Telegram-каналов в большей степени посвящена освещению специальной военной операции. В этой связи, чтобы более полно охарактеризовать контент, публикуемый в Telegram-канале, было принято решение дополнительно проанализировать темы, которые имели место быть в июне 2021 года. Ниже приведена таблица с основными темами Telegram-канала «BBC News | Русская служба» за июнь 2021 года.

Таблица 1

Темы новостных публикаций Telegram-канала «BBC News | Русская служба» за июнь 2021 года

Месяц	Тема	Рубрика	Кол-во публикаций	Всего публикаций
Июнь 2021	Коронавирус	-	68	68
	Политика	-	254	254
	Общество, события, происшествия	Новости	148	197
		Дайджест	24	
		Анонсы фильмов BBC News на YouTube	7	

		Подкаст «Что это было?»	18	
	Спорт	-	68	68
	Экономика	-	8	8

Согласно полученным данным, можно сделать вывод о том, что в Telegram-канале «BBC News | Русская служба» транслируется очень крупный поток новостей. В среднем, ежемесячно выпускается около 1400 публикаций. Кроме того, редакция охватывает не только российские новости, но и зарубежные. Примечательно, что в канале есть несколько регулярно действующих рубрик. Остановимся на них подробнее.

Дайджест – это публикация с главными событиями последнего дня, он оформлен в виде маркированного списка. Дайджест выпускается с иллюстрацией в фирменном стиле редакции и со ссылкой на сайт BBC с призывом перейти по ссылке и узнать все подробности.

Анонсы фильмов BBC News на YouTube – это публикации, раскрывающие тему очередного проекта или фильма на BBC News на YouTube. К ним также прилагается ссылка на YouTube.

Подкаст «Что это было?» – это проект BBC News, где ведущие совместно с приглашенными экспертами обсуждают последние новости и задают вопросы. Публикации о подкасте содержат в себе иллюстрацию, выполненную в фирменном стиле BBC, текст поста с маркированными тезисами, информацией о госте выпуска и ссылкой на прослушивание. Кроме того, следующим постом выпускается аудиозапись подкаста прямо в Telegram – для удобства аудитории.

Стоит отметить, что Telegram-канал «BBC News | Русская служба» в своих публикациях часто оставляет ссылку на сайт BBC News. Такие публикации построены следующим образом: заголовок, описывающий новость, лидирующий абзац и один или два абзаца с более подробной информацией. Но новость не является законченной, читателю предлагается лишь самая основная и краткая версия. Подробнее с деталями можно ознакомиться по ссылке в конце текста, которая ведет на сайт BBC News. Такое активное использование сторонних ресурсов в Telegram-канале дает нам возможность говорить о том, что, во-первых, Telegram-канал «BBC News | Русская служба» прочно встроен в медиасистему редакции. Все проекты, социальные сети и сервисы связаны друг с другом, контент в умеренном количестве дублируется, но уникальные материалы также присутствуют. Во-вторых, с помощью Telegram-канала «BBC News | Русская служба» редакция дополнительно рекламирует свои продукты и материалы, тем самым наращивая лояльную постоянную аудиторию.

Как уже говорилось ранее, характер публикаций в новостных Telegram-каналах изменился после событий 24 февраля. Для сравнения внизу представлена таблица с темами публикаций Telegram-канала «BBC News | Русская служба» за июнь 2022 года.

Таблица 2

Темы новостных публикаций Telegram-канала «BBC News | Русская служба» за июнь 2022 года

Месяц	Тема	Рубрика	Кол-во публикаций	Всего публикаций
Июнь 2022	Специальная военная операция	Новости	425	502
		Карты	7	
		Главное к этому часу	70	
	Политика	-	287	287
	Экономика	Новости	57	112
		Русская служба BBC о последних новостях экономики	55	
	Общество, происшествия, события	Новости	95	151
		Подкаст «Что это было?»	51	
		Анонсы фильмов BBC	5	

		YouTube		
	Спорт	-	6	6

После начала специальной военной операции в Telegram-канале «BBC News | Русская служба» стала также активно освещаться данная тема. Появились регулярные рубрики.

Карты – это публикации, которые содержат в себе изображение карты местности территории Украины и знаковые обозначения передвижения российских и украинских сил.

Главное к этому часу – ежедневная сводка с маркированным списком самых главных событий, посвященных вопросам политики, экономики, заявлений властей относительно специальной военной операции.

В теме экономики также появилась отдельная рубрика. В ее рамках штатный эксперт по экономическим вопросам подробно разбирает последние изменения в экономике, принятые санкции и то, каким образом они повлияют на граждан.

Рубрики, посвященные подкастам и проектам BBC News, остались без серьезных изменений.

Несмотря на то, что в Telegram-канале «BBC News | Русская служба» редакция продолжает продвигать свои материалы с сайта, оригинальных публикаций стало в разы больше. После блокировки доступа к сайту со стороны Роскомнадзора у BBC News был риск потерять долю своей аудитории. Сегодня, когда возможность ознакомиться с полным содержанием новостей, есть не у всех пользователей, выросло количество публикаций на канале, которые не нацелены на то, чтобы перенаправить аудиторию на сайт. Такие публикации намного больше обычных по объему и имеют традиционную структуру новостей: заголовок или лид, который как правило, выделен жирным шрифтом, основной текст и дополнительная информация, подробности. Срочные новости редко дополняются каким-либо иллюстративным материалом, но содержат в себе полную и при этом ёмкую информацию. В среднем, такие новости состоят из 3-7 абзацев.

В Telegram-канал «BBC News | Русская служба» используются графические способы структурирования информации, такие как разделение текста на абзацы, даже если один абзац – это одно предложение, а также смайлики и эмоджи для маркирования списков, выделения тезисов и акцентирования внимания на ключевых моментах текста. Также широко используются выделения жирным, чтобы отметить важные части текста (заголовки, главные предложения). Все это в значительной степени облегчает читателю процесс восприятия текста: большое количество воздуха и визуальные акценты помогают быстрее охватить текст одним взглядом, а также останавливают внимания читателя на особенно важных моментах.

Стоит отметить, что Telegram-канал «BBC News | Русская служба» всегда оставляет ссылку на источник информации. Чаще всего редакция ссылается на официальные ведомства разных стран и зарубежные издания, такие как New York Times, Le Monde, Washington Post, CNN. И российские издания: «Коммерсант», «РИА Новости», «ТАСС», «РБК» и другие.

Проанализировав контент Telegram-канал «BBC News | Русская служба», мы пришли к выводу о том, что сегодня данный Telegram-канал используется не только как дополнительный инструмент продвижения материалов и проектов редакции, но и как самостоятельный, один из основных каналов передачи информации на русскоязычную аудиторию. В своих новостях «BBC News | Русская служба» придерживаются нейтральной тональности текста, негативизм прослеживается в отдельных аналитических заметках журналистов, посвященных политике. Например: «Российский дипломат заявил о массовых отказах россиянам в ВНЖ Аргентины. *Сколько в этом правды?* [10]», «Александр Лукашенко, *удерживающий пост президента* Беларуси, выступил с ежегодным обращением к народу» [11], «Корреспондент Би-би-си В Вашингтоне Энтони Зуркер сравнивает принятое решение с тектоническим сдвигом, от которого уже *заходило ходуном все здание американской политики*, а кое-где уже даже наметились трещины» [12], «Макрон ничего программно про Китай в последнее время не говорил, потому что *занят домашними проблемами* - народ взбунтовался против пенсионной реформы, страна практически парализована. Однако визит в Китай Макрон отменять не рискнул. Перед ним, по традиции, *Елисейский дворец анонимно донес до избранных журналистов* детали того, что Макрон собирается сказать Си» [13]. Посты на политические темы, как правило, содержат завуалированные оценки политических персон, которые выражаются с помощью метафор, сравнений, а также негативно окрашенных слов (например, специальная военная операция называется исключительно «вторжением»). В этой связи нельзя сказать, что канал придерживается принципов объективной журналистики, так как контент содержит большое количество оценочных суждений, что не дает читателям возможности сформулировать собственные выводы по острым вопросам (в том числе связанным с проведе-

нием специальной военной операции). При этом аудитория канала, по данным TGStat, за последние полгода выросла более чем на 30 тысяч человек [7], что говорит о росте интереса к подобному контенту.

Теперь рассмотрим специфику новостного контента другого русскоязычного канала, который занимает 23-ю строчку в топе самых просматриваемых каналов согласно рейтингу «Медиагогии» [14]. Telegram-канал «Осторожно, новости» – это канал, который входит в медиахолдинг Ксении Собчак «Осторожно, Media» [15]. В 2019 году Ксения Собчак запустила YouTube-канал, «Осторожно, Собчак», где брала интервью у известных людей. Позднее проект разросся и образовал целый медиахолдинг, куда входят три новостных telegram-канала «Осторожно, новости», «Осторожно, Москва», «Дубай Петрович»; публичный telegram-канал «Кровавая барыня»; YouTube-канал «Осторожно, Собчак»; группа «ВКонтакте» «Осторожно, новости»; личный telegram-канал «Собчак», telegram-канал и группа «ВКонтакте» подкастов «Осторожно, подкасты», которые есть также на платформе Apple Podcasts; и личные аккаунты Ксении Собчак в Tik Tok и «ВКонтакте».

Telegram-канала «Осторожно, новости», как и медиа-холдинг не имеет свидетельства о регистрации СМИ, но все равно является популярным новостным каналом передачи и получения информации, и входит в топ самых популярных новостных каналов наравне с каналами зарегистрированных СМИ, таких как «РИА Новости» и «Первый в Telegram» [7].

Согласно платформе TGStat Telegram-канала «Осторожно, новости» был создан 12 апреля 2021 года. На момент просмотра статистики канала, у него было 1 356 285 подписчиков, что говорит о его высокой популярности среди русскоязычной аудитории. Telegram-канал занимает 11 место в рейтинге самых популярных каналов в разделе «Новости и СМИ» по количеству подписчиков и 33 место по индексу цитирования, который составляет 2 660,7, также канал занимает 9 место в топе по количеству просмотров одной публикации. Средний охват публикаций на канале составляет 476 827, при этом регулярно читают канал почти 40% подписчиков [7].

Проанализировав 250 публикаций канала «Осторожно, новости» методом сплошной выборки стоит отметить, что четких обусловленных рубрик в Telegram-канале нет. Публикация материалов происходит стихийно, в зависимости от происходящих событий.

Для контент-анализа был выбран период с января 2022 года по май 2023 года. В связи с последними геополитическими событиями, с 23 февраля 2022 года новостная повестка Telegram-каналов в большей степени посвящена именно освещению событий, связанных со специальной военной операцией. В этой связи, чтобы более полно охарактеризовать контент, публикуемый в Telegram-канале, было принято решение дополнительно проанализировать темы, которые были ранее, в июне 2021 года. Ниже приведена таблица с основными темами Telegram-канала «Осторожно, новости».

Таблица 3

Темы новостных публикаций Telegram-канала «Осторожно, новости» за июнь 2021 года

Месяц	Тема	Рубрика	Кол-во публикаций	Всего публикаций
Июнь 2021	Коронавирус	Месячная статистика	1	56
		Еженедельная статистика	3	
		Ежедневные сводки	6	
		Разная информация	46	
	Спорт	-	60	60
	Политика	-	127	127
	Происшествия	-	151	151
	Уголовные дела и аресты	-	51	51

Согласно нашим наблюдениям, четких и регулярных рубрик в Telegram-канале «Осторожно, новости» нет. Информация публикуется стихийно, в соответствии с происходящими событиями. Новостная повестка, публикуемая на канале, затрагивает не только российские события, но и иностранные.

В июне 2021 года продолжалась эпидемия коронавируса. В Telegram-канале каждый месяц публиковалась статистическая сводка с инфографикой по Москве и всей стране отдельно. В период обострения эпидемиологической ситуации, когда происходил резкий рост заболеваемости, в канале публиковались ежене-

дельные и ежедневные сводки, а также большое количество постов было посвящено нововведениям относительно использования QR-кодов.

В июне 2021 года проходил чемпиона Европы по футболу, поэтому на канале было размещено большое количество новостей по теме спорта, а также текстовые трансляции матчей, в которых принимала участие российская сборная по футболу.

Политические новости в июне 2021 года составляли новости, связанные с принятием новых законов, с партийными событиями и с политическими событиями в других странах. Отдельно хочется выделить два события: в Telegram-канале активно ведутся текстовые трансляции выступлений президента.

Происшествия – это самая крупная по количеству постов тематика. Сюда входят различные криминальные истории, убийства, нападения, кражи, стихийные бедствия, а также происшествия в других странах. Также в канале публиковалось много информации о том, как проходят задержания и уголовные дела среди блогеров, политиков, активистов, журналистов и других людей по политическим статьям.

Остальные новости носят общественный характер и не имеют привязки к какой-либо теме. А вот как изменилась новостная повестка после 24 февраля 2022 года. Ниже для сравнения приведена таблица анализа тем публикаций Telegram-канала «Осторожно, новости» в июне 2022 года.

Таблица 4

Темы новостных публикаций Telegram-канала «Осторожно, новости» за июнь 2022 года

Месяц	Тема	Рубрика	Кол-во публикаций
Июнь 2022	Санкции и экономика	-	46
	Политика	-	99
	Происшествия	-	134
	Специальная военная операция	-	125

После начала специальной военной операции Telegram-канал «Осторожно, новости» стал широко затрагивать данную тему. При этом стоит отметить, что большая часть публикаций посвящена не прямым событиям, а реакции общества – скандалам, комментариям публичных персон, пикетам и т.п. Кроме того, чаще стали публиковаться новости экономики. Это связано в первую очередь с санкциями и изменением стоимости валют.

В тему «Политика» по-прежнему входят российские и зарубежные новости, а также аресты по политическим статьям и обновление реестра иностранных агентов.

Проанализировав контент Telegram-канала «Осторожно, новости» за период с января 2022 года по май 2023 года, мы пришли к следующим выводам.

Telegram-канал «Осторожно, новости» специализируется в большей степени на громких и скандальных новостях, которые вызывают сильный общественный резонанс. Большинство материалов сопровождаются фотографиями или видео с места событий, нередко жестокого содержания с цензурованием отдельных слов и фраз.

Стоит отдельно отметить, что Telegram-канал «Осторожно, новости» много внимания уделяет публикациям о происшествиях. Информирование о событиях происходит следующим образом: публикуются фотографии и видео, которые присылают подписчики или находятся в открытом доступе в Интернете, с кратким описанием происходящего на фотографии или видео. Количество таких публикаций ничем не ограничивается: место происшествия показывается с разных ракурсов от разных лиц.

Чаще всего Telegram-канал «Осторожно, новости» ссылается на информацию со следующих источников: BAZA, SOTA, «РБК», «РИА Новости», BBC News. Но стоит заметить, что есть случаи ссылки на неизвестные источники – неназванные или анонимные.

Кроме того, время от времени telegram-канал «Осторожно, новости» прибегает к эмоциональным комментариям новостей, сопровождая их эмоционально-окрашенными словами в саркастичном, осуждающем, пренебрежительном тоне. Примеры подобных комментариев: «Слабеет наш родной рубль» [16], «Ат-таше посольства Саудовской Аравии в Москве развели мошенники» [17], «Иииии еще про плохой Запад» [18], «Не какой-то рандомный эксперт, не обычный депутат, а целый зампреда Госдумы» [19]. Также было замечено несколько публикаций, которые сопровождались мемами и юмористическими картинками, авторства редакции канала. При этом тональность самих текстов чаще нейтральная, негативная тональность встречается крайне редко.

В среднем, за месяц в Telegram-канале «Осторожно, новости» публикуется 590 постов. Новости в Telegram-канале выглядят как новостные заметки с четкой структурой по принципу перевернутой пирамиды, когда вся основная суть новости содержится в самом начале текста, а детали прописываются внизу. С помощью абзацев, различных видов шрифтов и смайликов, в Telegram-канале акцентируется внимания на важных частях текста, что упрощает восприятие информации аудиторией.

Каждый пост имеет яркий заголовок или вводный абзац. Кроме того, авторы новостей стараются дополнять каждую публикацию иллюстративными материалами: фотографиями или видео с вотермаркой. Часть новостей поступает в редакцию от подписчиков, это часто указывают в самой новости. Срочные новости отмечаются смайликами и обычно содержат 1-3 предложения и не имеют иллюстративного материала.

В целом можно выделить следующие отличительные черты канала, резюмируя все вышесказанное: Telegram-канал «Осторожно, новости» в своей риторике часто прибегает к эмоциональным комментариям, которые транслируют субъективное отношение редакции к событиям; обилие иллюстративного материала, а также фотографий с места событий, которые присылают подписчики, направлено на привлечение внимания широкой аудитории, стимулирование увеличения количества репостов со стороны других каналов и создание образа медиа с эксклюзивным контентом; частая публикация видео со скандальным, пугающим характером также осуществляется с целью привлечь большее количество подписчиков.

Подводя итог проделанной работы, мы пришли к следующим выводам.

Telegram-каналы «BBC News | Русская служба» и «Осторожно, новости» имеют принципиально разный подход к подаче информации и вовлечению аудитории. Контент первого отличается большим объемом оценочных суждений и критики в адрес главных героев публикации, если ими являются политические деятели. Оценки не завуалированы, считываются читателями легко и ведут к конкретным выводам и суждениям, что противоречит принципам объективной журналистики. Второй канал отличается фокусом на оперативных сводках с мест происшествий, которые подаются как эксклюзивы, что становится эффективным способом постоянного наращивания аудитории. Часто подобные эксклюзивы отличаются скандальностью и могут шокировать читателя (обилие нецензурной лексики, демонстрация кадров и видео шокирующего содержания с мест происшествий).

Telegram-каналы затрагивают в своем новостном потоке похожие основные темы, но характер публикаций имеют достаточно разный, соответствующий целевой аудитории. Если Telegram-канал «Осторожно, новости» в большей степени акцентирует внимание на деталях, которые способны вызвать общественный резонанс, то Telegram-канал «BBC News | Русская служба» занимает новостной поток тем, что оперативно публикует глобальные мировые новости.

В структуре новостных текстов есть общие моменты. Основные характеристики – это ёмкость и структура текста, а также обязательное сопровождение иллюстративным материалом. В обоих каналах тексты, как правило, короткие, но содержат полную информацию о событиях.

Проведенное исследование показывает, что контент новостных каналов с быстрорастущей аудиторией обладает определенной спецификой. Для удержания и наращивания количества подписчиков используется практика эксплуатации эмоций читателей, включающая опору на сенсационность, шокирование и обещание эксклюзивного контента. Оценочные суждения в новостных материалах также провоцируют эмоциональный отклик читателей, что добавляет контенту яркости и большей запоминаемости. В рамках исследовательской работы можно выдвинуть гипотезу о том, что постепенно у читателей как у постоянных потребителей такого контента формируется эмоциональная привязанность к источнику новостей, что и обуславливает высокую вовлеченность в контент (оба рассматриваемых канала отличаются высокой вовлеченностью подписчиков: «BBC News | Русская служба» – 23,6% ERR, «Осторожно, новости» – 39,8% ERR). Стоит отметить, что использованием описанных приемов стимулирования роста аудитории активно пользуются и другие популярные новостные каналы русскоязычного сегмента.

Таким образом, становится понятно, что современная новостная русскоязычная журналистика окончательно адаптировалась под особенности мессенджера Telegram и выбрала для себя понятный и эффективный стиль подачи контента.

Библиографический список

1. Официальный сайт «Вести RU». URL: <https://www.vesti.ru/hitech/article/2619253> (дата обращения: 21.09.2022).
2. Ачкасова К. Медиапотребление 2022. URL: <https://mediascope.net/news/1460058/> (дата обращения: 24.11.2022).
3. Коноплев Д.Э. Telegram как новая среда коммуникации в СМИ и соцсетях // Знак: проблемное поле медиаобразования, № 3 (25), 2017. С. 198-200.

4. Бондаренко О.В. Telegram-каналы как новый вид коммуникации с общественностью // Век информации. 2018. № 2 (2). С. 170-172.
5. Пушнина А.С. Telegram-каналы как инновационные цифровые СМИ в России // Астраполис: Астраханские политические исследования: Ежегодник кафедры политологии Астраханского государственного университета. Т. 11. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2021. С. 32-37
6. Яшина А.Р. Telegram-журналистика: как мессенджеры изменили СМИ // Материалы XXIV научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва: в 3-х частях. Саранск, 19–21 мая 2021 года. Ч. 3. Саранск: Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2021. С. 327-334
7. Сайт TGStat. URL: <https://tgstat.ru/research-2023> (дата обращения: 20.05.2023).
8. Сайт Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1252771/leading-Telegram-channels-by-category/> (дата обращения: 30.08.2022).
9. Официальный Telegram-канал «BBC News | Русская служба». URL: <https://t.me/bbcussian> (дата обращения: 20.05.2023).
10. Российский дипломат заявил о массовых отказах россиянам в ВНЖ Аргентины. Сколько в этом правды? URL: <https://t.me/bbcussian/44086> (дата обращения: 20.05.2023).
11. Лукашенко о ядерном оружии. URL: <https://t.me/bbcussian/44089> (дата обращения: 20.05.2023).
12. Неминуемый арест Трампа. URL: <https://t.me/bbcussian/44099> (дата обращения: 20.05.2023).
13. Макрон едет в Китай обсуждать Украину. URL: <https://t.me/bbcussian/44109> (дата обращения: 20.05.2023).
14. Топ-30 каналов в Telegram за май 2023 года. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/telegram/12219/> (дата обращения: 20.05.2023).
15. Официальный telegram-канал «Осторожно, новости» URL: https://t.me/ostorozhno_novosti (дата обращения: 20.05.2023).
16. Центробанк России предлагает полностью (ПОЛНОСТЬЮ!) запретить на территории России любые операции с криптовалютами и их майнинг. URL: https://t.me/ostorozhno_novosti/4130 (дата обращения: 20.05.2023).
17. Аташе посольства Саудовской Аравии в Москве развели мошенники на Авито. URL: https://t.me/ostorozhno_novosti/4270 (дата обращения: 20.05.2023).
18. Иииии еще про плохой Запад. URL: https://t.me/ostorozhno_novosti/8965 (дата обращения: 20.05.2023).
19. Репост с канала «Кровавая барыня». URL: https://t.me/ostorozhno_novosti/12887 (дата обращения: 20.05.2023).

References

1. The official website of Vesti RU. URL: <https://www.vesti.ru/hitech/article/2619253> (date of application: 21.09.2022).
2. Achkasova K. Media consumption 2022. URL: <https://mediascope.net/news/1460058/> / (date of application: 24.11.2022).
3. Konoplev D.E. Telegram as a new medium of communication in the media and social networks // Sign: problematic field of media education. 2017. Vol. 3 (25). P. 198-200
4. Bondarenko O.V. Telegram channels as a new type of communication with the public // The Information Age. 2018. Vol. 2 (2). P. 170-172.
5. Pushnina A.S. Telegram-channels as innovative digital media in Russia // Astrapolis: Astrakhan political studies: A yearbook of the Department of Political Science of Astrakhan State University. Vol. 11. Astrakhan: Publishing House "Astrakhan University", 2021. P. 32-37
6. Yashina A.R. Telegram-journalism: how messengers changed the media // Materials of the XXIV scientific and practical conference of young scientists, postgraduates and students of the National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev: in 3 parts. Saransk, May 19-21, 2021. Part 3. Saransk: Mordovian State University named after N.P. Ogarev, 2021. P. 327-334.
7. TGStat website. URL: <https://tgstat.ru/research-2023> (date of application: 05.20.2023).
8. Statista website. URL: <https://www.statista.com/statistics/1252771/leading-Telegram-channels-by-category/> / (date of application: 30.08.2022).
9. The official telegram channel "BBC News | Russian Service". URL: <https://t.me/bbcussian> (date of application: 20.05.2023).
10. A Russian diplomat announced mass refusals to Russians for a residence permit in Argentina. How much truth is there in this? URL: <https://t.me/bbcussian/44086> (date of application: 20.05.2023).
11. Lukashenko talks on nuclear weapons. URL: <https://t.me/bbcussian/44089> (date of application: 20.05.2023).
12. Imminent arrest of Trump. URL: <https://t.me/bbcussian/44099> (date of address: 05.20.2023).
13. Macron is going to China to discuss Ukraine. URL: <https://t.me/bbcussian/44109> (date of application: 05.20.2023).
14. Top 30 channels in Telegram for May 2023. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/socmedia/telegram/12219/> / (date of application: 05.20.2023).
15. Official telegram channel "Caution, news" URL: https://t.me/ostorozhno_novosti (date of application: 20.05.2023).

16. The Central Bank of Russia proposes to completely (COMPLETELY!) prohibit any operations with cryptocurrencies and their mining on the territory of Russia. URL: https://t.me/ostorozhno_novosti/4130 (date of application: 20.05.2023).
17. The attache of the Saudi Embassy in Moscow was bred by fraudsters on Avito. URL: https://t.me/ostorozhno_novosti/4270 (date of application: 20.05.2023).
18. Aaaaand more about the bad West. URL: https://t.me/ostorozhno_novosti/8965 (date of application: 20.05.2023).
19. Repost from the channel "Bloody Lady". URL: https://t.me/ostorozhno_novosti/12887 (date of application: 20.05.2023).

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ **EVENTS AND REVIEWS**

УДК УДК 81.373.2

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.97.43.020

Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского
Канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Института филологии
Кондратьев А.С.

Россия, г. Липецк,

тел. +7(905)682-79-82

e-mail: sir.kondratiev2016@yandex.ru

Lipetsk State Pedagogical University

Candidate of Philology,

Associate Professor of the Department of Russian language and Literature of the Institute of Philology

Kondratyev A.S.

Russia, Lipetsk,

tel. +7(905)682-79-82

e-mail: sir.kondratiev2016@yandex.ru

Студент 4 курса Института Филологии
Хотакко В.А.

Россия, г. Липецк,

тел. +7 (911) 133-19-01

e-mail: vs.antonov2002@gmail.com

3rd year student of the Institute Philology

Hotakko V.A.

Russia, Lipetsk,

tel. +7(911) 133-19-01

e-mail: vs.antonov2002@gmail.com

А.С. Кондратьев, В.А. Хотакко

ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «"ВОЙНА И МИР" Л.Н. ТОЛСТОГО В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ И "БОЛЬШОГО ВРЕМЕНИ" РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ» (ЛИПЕЦК, ЛГПУ ИМЕНИ П.П. СЕМЕНОВА–ТЯН-ШАНСКОГО)

A.S. Kondratiev, V.A. Hotakko

RESULTS OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE «"WAR AND PEACE" BY L.N. TOLSTOY IN THE CONTEXT OF SPIRITUAL TRADITION AND THE "BIG TIME" OF RUSSIAN CULTURE» (LIPETSK, LSPU NAMED AFTER P. P. SEMENOV-TYAN-SHANSKY)

10-11 октября 2023 года на базе кафедры русского языка и литературы Института филологии и лаборатории «Семиотическое осмысление культурного пространства как основа филологического образования: теория и практика» в рамках XVIII Барышниковских чтений состоялась конференция, посвященная памяти В.Б. Ремизова, известного литературоведа, почетного доктора ВГУ, заслуженного учителя РФ, директора Государственного музея Л.Н. Толстого (2001-2012), и актуальным проблемам понимания и языкового своеобразия «Войны и мира»; проходившая в очном и дистанционном формате на платформе (Webinar.ru). В работе приняли участие как ведущие специалисты по творчеству Л.Н. Толстого и отечественной истории, так и молодые и начинающие филологи и культурологи из Москвы, Белгорода, Казани, Тулы, Воронежа, Рязани, Ташкента, Липецка, предложившие принципиально новые материалы для освоения художественно-философского содержания и языкового воплощения замысла «Войны и мира» в «спектре адекватности» и контексте духовной традиции отечественной культуры.

На Пленарных заседаниях 10 октября 2023 года выступили: В.К. Харченко (доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы НИУ «Белгородский государственный университет»), Н.М. Валеев (академик-секретарь отделения гуманитарных наук Академии наук Республики Татарстан, Заслуженный деятель науки РФ и РТ, член Союза писателей России, доктор фи-

логических наук, профессор), Н.А. Гаврилина (декан факультета русской филологии и документо-ведения, доктор исторических наук, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого), Д.А. Романов (доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований), Ю.В. Прокопчук (кандидат исторических наук, заведующий экскурсионно-методической службой Государственного музея Л.Г. Толстого), Т.А. Никонова (доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX-XXI вв., теории литературы и фольклора Воронежского государственного университета), С.А. Скуридина (доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета), Е.А. Попова (доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и литературы Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского).

Доклады известных ученых определили направление историко-литературных исследований, посвященных расширению и углублению представлений о духовном содержании «Войны и мира» и языковом своеобразии воплощения замысла, методологически обоснованному в работах И.А. Есаулова и восходящему в современной научной парадигме к выводам и положениям Е.П. Барышникова и В.Б. Ремизова, заложившим основы понимания «Войны и мира» в контексте христианской традиции национального самосознания. В.К. Харченко сосредоточила свое внимание на нравственной составляющей отношения Е.П. Барышникова к Человеку и творческому наследию Л.Н. Толстого, когда феномен личности обретает статус этической доминанты, внося существенные дополнения в устоявшиеся и не подвергавшиеся долгое время сомнению суждения, как-то: пресловутая ленинская идеология и трагический разрыв с православной верой, и все это было высказано ученым еще в эпоху советского толстоведения. Н.М. Валеев, продолжая рассуждения В.К. Харченко, предпринял попытку обобщения своего эпистолярного диалога с Е.П. Барышниковым на протяжении двух десятилетий, отметив еще не освоенный научный потенциал их переписки, что и находит отражение в его планах издать письма Е.П. Барышникова с обстоятельными комментариями – как опыт мастер-класса для начинающих филологов. Н.А. Гаврилина и Д.А. Романов проследили этапы творческого пути В.Б. Ремизова на тульской земле: кафедра духовного наследия Л.Н. Толстого в педуниверситете, школа Л.Н. Толстого, подвижничество служение классике мировой литературы в активном диалоге с современниками. Ю.В. Прокопчук актуализовал концепцию неразрывной связи Толстого-мыслителя и Толстого-художника, преломленной в работах В.Б. Ремизова, последовательно отстаивавшего утверждение о религиозно-философском аспекте мировоззрения Л.Н. Толстого, что вызывает оживленную полемику в толстоведении и начала XXI века. Т.А. Никонова поставила проблему диалектики традиции и новаторства в творческих исканиях Л.Н. Толстого, и в связи с этим предложила опыт понимания художественно-философского смысла эпилога «Войны и мира» в контексте литературы «нового времени», что во многом отвечает на научные запросы специалистов по истории отечественной литературы. С.А. Скуридина посвятила свое выступление освещению творческой индивидуальности Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского как сопоставление восприятия имени русскими классиками. Е.А. Попова проанализировала этапы многолетнего и плодотворного диалога липецких филологов с В.Б. Ремизовым, начавшегося с рецензии Е.П. Барышникова на его первую, во многом новаторскую по существу, монографию «Роман Л.Н. Толстого “Воскресение”: концепция жизни и формы ее воплощения», опубликованной в журнале «Подъем» в 1987 году и продолжавшегося на Барышниковских чтениях и «Липецких театральных встречах».

11 октября работа конференции была продолжена на секционных заседаниях: «“Война и мир” Л.Н. Толстого в контексте “большого времени”», «Слово и стиль Л.Н. Толстого в национальном самосознании», на круглом столе «“Война и мир” Л.Н. Толстого в школе: проблемы понимания и изучения» и на научно-практическом семинаре, посвященном 195-летию со дня рождения Л.Н. Толстого и обсуждению фильма В.Б. Ремизова «Тайны “стальной комнаты”». Особый интерес вызвали: понимание «ростовской породы» как национального характера в аспекте становления «мысли семейной» (маг. РГГУ О.Ю. Гроздова); опыт «неевклидовой параллели» по уяснению преломления христианской аксиологии в «Войне и мире» и «Братьях Карамазовых» (студ. Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского А.В. Зотов), а также прочтение в системно целостном единстве художественного мира русской классики «Войны и мира» и романа А.И. Солженицына «В круге первом» (доктор филологических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского О.С. Шурупова); концепция православного подтекста, прирастающего в «большом времени» новыми смыслами, «Войны и

мира» в научном освещении И.А. Есаулова (студ. Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского В.А. Хотакко); отношение В.Б. Ремизова к современному театру и ситуации в культуре (студ. Ташкентского ГУ востоковедения Д.Р. Шафигулин). В плане уяснения языкового своеобразия замысла «Войны и мира» и других произведений Л.Н. Толстого выделяются работы К.Е. Дрепиной, А.А. Кудрявцевой, В.Д. Кузнецовой Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского).

Во время обсуждений итогов конференции была затронута тема понимания духовной идентичности «Войны и мира» и творческого наследия Л.Н. Толстого, обусловленная псевдоноваторскими концепциями освоения материала в современных реалиях. По итогам конференции избран сборник материалов.

УДК 81.373.2

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.61.26.021

*Воронежский государственный университет
канд. филол. наук, доц. кафедры связей с об-
щественностью, рекламы и дизайна*

Попов С.А.

Россия, г. Воронеж,

e-mail: spo@bk.ru

Voronezh State University

*PhD, docent of the Department of public relations,
advertising and design*

Popov S.A.

Russia, Voronezh,

e-mail: spo@bk.ru

С.А. Попов

«ОНОМАСТИКА ПОВОЛЖЬЯ»: ИТОГИ XXI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

S.A. Popov

"ONOMASTICS OF THE VOLGA REGION": RESULTS OF THE XXI INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE

3–5 октября 2023 года на базе РГУ имени С.А. Есенина состоялась XXI Международная научная конференция «Ономастика Поволжья», организованная Рязанским государственным университетом имени С.А. Есенина и Волгоградским государственным социально-педагогическим университетом.

На конференции состоялись два пленарных заседания, работали 7 секций. На торжественном открытии с приветственным словом выступили заместитель министра образования Рязанской области О.С. Васина, председатель постоянно действующего оргкомитета конференций «Ономастика Поволжья» В.И. Супрун, председатель рязанского оргкомитета XXI Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» В.А. Лаврентьев, член-корреспондент РАН С.А. Мызников, декан факультета русской филологии и национальной культуры РГУ имени С.А. Есенина К.В. Алексеев.

Как отмечено в Резолюции конференции, в различных формах работы в научном мероприятии приняли участие 107 исследователей (101 доклад), представляющих:

1) 2 академии наук (8 институтов АН) – Институт лингвистических исследований РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, Институт географии РАН, Институт лингвистических исследований РАН, Институт языкознания РАН, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, Институт сербского языка Сербской академии наук и искусств;

2) 34 региона России: Арзамас, Астрахань, Борисоглебск, Великий Новгород, Волгоград, Вологда, Воронеж, Донецк, Екатеринбург, Кострома, Краснодар, Липецк, Махачкала, Москва, Нальчик, Новосибирск, Оренбург, Петрозаводск, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Славянск-на-Кубани, Смоленск, Тверь, Торжок, Тула, Тюмень, Улан-Удэ, Ульяновск, Уфа, Элиста, Якутск, Ярославль;

3) 7 зарубежных стран (8 городов) – Республика Беларусь (Минск, Витебск), Республика Казахстан (Петропавловск), Республика Сербия (Белград), Турецкая Республика (Карс), Украина (независимый исследователь), Азербайджанская республика (Баку), Приднестровская молдавская республика (Тирасполь).

К началу конференции опубликован сборник материалов конференции общим объемом 24,5 п. л. (391 с.). В соответствии с тематикой докладов было выделено 6 тематических блоков:

- 1) «Теоретические и методологические аспекты ономастики»;
- 2) «Современные проблемы антропонимики и этнонимии»;
- 3) «Современные проблемы топонимики и микротопонимики»;
- 4) «Современные проблемы урбанонимики и городского ономастического пространства»;

5) «Современные проблемы зоонимики, теонимики, этнонимики и исследования других типов онимов. Ономастика и ономастическое краеведение в школе и вузе»;

6) «Литературная и фольклорная ономастика, онимы во фразеологизмах».

На закрытии конференции подведены итоги работы. Выступили руководители секций, члены оргкомитета и участники конференции. Принята резолюция XXI Международной научной конференции «Ономастика Поволжья». Состоялась презентация XXII Международной конференции «Ономастика Поволжья».

Конференция решила:

1. Отметить высокий научно-теоретический и методико-практический уровень докладов и сообщений всех участников конференции и изданных материалов.

2. Выразить благодарность исполняющему обязанности ректора РГУ имени С.А. Есенина И.А. Мурогу за предоставленную возможность организации и проведения форума российских и зарубежных ономатологов и создание благоприятных условий для работы конференции.

3. Выразить благодарность ректорам высших учебных заведений, руководителям исследовательских институтов и других учебных и научных организаций, направивших учёных для участия в конференции.

4. Выразить благодарность постоянно действующему комитету научной конференции «Ономастика Поволжья» (проф. В.И. Супрун) и рязанскому программному и организационному комитетам (проф. В.А. Лаврентьев, доц. И.Н. Хрусталёв, доц. Е.П. Осипова) за организационную и методическую помощь при проведении конференции.

5. Рекомендовать всем участникам XVIII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» своей научно-исследовательской деятельностью способствовать распространению ономастических знаний: публиковать научные и научно-популярные статьи, книги, сборники, словари; проводить в вузах курсы по выбору по проблемам ономастики; вести в школах, гимназиях и лицеях элективные курсы и курсы по выбору для учащихся 9–11 классов; выступать по радио, телевидению, в Интернете с пропагандой достижений современной ономастики.

7. Просить участников конференции подготовить информацию о заседаниях и прочитанных на них докладах для российских и зарубежных журналов.

8. Провести XXII Международную научную конференцию «Ономастика Поволжья» в 2024 году в городе Саратове.

Принято в Рязани 5 октября 2023 г.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;
- 3) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);
- 4) название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 8) библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки** [1; с. 54–67], [2; т. 3, с. 4–6] с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1

Гуманитарный институт филиала
Северного (Арктического) федерального
университета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск,
тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Institute of Humanities of Northern
(Arctic) Federal University named after
M.V. Lomonosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk,
tel. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег... (200-250 слов).

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, признаки образа, ...

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, ...

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небесполуденной страны* [1]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания его современники и исследователи творчества, в т. ч. Л.Я. Гинзбург [2].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/> (дата обращения – 15.05.2019).
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.

References

1. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/> (accessed – 15.05.2019).
2. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 4(51) 2023

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 20.12.2023. Формат 60х84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 15,7. Усл. печ. л. 16,5. Тираж 30 экз. Заказ № 424
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84